

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РЕСПУБЛИКИ АЛТАЙ

БЮДЖЕТНОЕ НАУЧНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
РЕСПУБЛИКИ АЛТАЙ
«НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
АЛТАИСТИКИ ИМ. С.С. СУРАЗАКОВА»

Эбель А.В., Константинов Н.А.

ВОИНЫ И ОХОТНИКИ ГОРНОГО АЛТАЯ В ДРЕВНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Сетевое электронное научно-популярное
издание

ISBN 978-5-903693-69-6



Горно-Алтайск, 2020

© БНУ РА «НИИ алтаистики
им. С.С. Суразакова», 2020

© Эбель А.В., Константинов Н.А., 2020

Сведения об авторах:
Эбель А.В., канд. ист. наук, ст. научн. сотр. БНУ РА «НИИ алтаистики им. С.С. Суразакова», г. Горно-Алтайск
Константинов Н.А., канд. ист. наук, научн. сотр. БНУ РА «НИИ алтаистики им. С.С. Суразакова», г. Горно-Алтайск

Рецензенты:
Суразаков А.С., канд. ист. наук, г. Горно-Алтайск
Тадышева Н.О., канд. ист. наук, заместитель директора БНУ РА «НИИ алтаистики им. С.С. Суразакова», г. Горно-Алтайск

Эбель А.В., Константинов Н.А. Воины и охотники Горного Алтая в древности и средневековье – Горно-Алтайск, 2020. – 162 с.

Сетевое электронное научно-популярное издание посвящено комплексному анализу вещественных, изобразительных и письменных источников, реконструированы основные аспекты военного дела и древних охотников Алтая. Издание адресовано этнологам, историкам и широкому кругу читателей, интересующихся историко-культурным наследием алтайцев

Утверждено к печати Ученым советом БНУ РА «Научно-исследовательский институт алтаистики им. С.С. Суразакова»

Научное исследование выполнено в рамках Ведомственной целевой программы БНУ РА «Научно-исследовательский институт алтаистики им. С.С. Суразакова» «Этнокультурное наследие народов Республики Алтай – основа устойчивого развития региона» (2015 г.)

Издатель: БНУ РА «Научно-исследовательский институт алтаистики им. С.С. Суразакова»
649000, Республика Алтай г. Горно-Алтайск, ул. Социалистическая, 6

Информация об издании предоставлена в систему Российского индекса научного цитирования – по договору Договору Science Index для организаций SIO-14951/2019 от 16/4/2019 и Договору на книги (непериодические издания) 3210-11/2015K от 13/11/2015

Электронная версия опубликована в Электронной библиотеке (свидетельство о регистрации СМИ Эл № ФС 77-57716) и находится в свободном доступе на сайте: <http://niialt.ru/ru/>

ISBN 978-5-903693-69-6

© БНУ РА «НИИ алтаистики им. С.С. Суразакова», 2020
© Эбель А.В., Константинов Н.А., 2020

Раздел I. Вооружение и военное дело населения Горного Алтая в древности и средневековье Эбель А.В.	5
Введение.....	5
1. Вооружение дальнего действия.....	10
Луки.....	10
Наконечники стрел.....	15
Гориты, налучья и колчаны.....	24
2. Вооружение ближнего действия.....	39
2.1 Рубяще-колющее оружие.....	39
Мечи.....	39
Сабли.....	44
2.2 Колюще-режущее оружие.....	49
Кинжалы эпохи раннего железа.....	49
Боевые ножи поздней древности раннего и развитого средневековья.....	51
Кинжалы поздней древности раннего и развитого средневековья.....	52
2.3 Рубящее оружие.....	55
Боевой топор.....	55
2.4 Колющее оружие.....	57
Копье.....	57
2.5 Оружие ударного действия.....	61
Чеканы	61
3. Защитное вооружение.....	75
3.1 Защитное вооружение человека.....	75
Панцири.....	75
Детали защитного доспеха.....	77
Щиты.....	78

Защитное вооружение гунно-сарматского времени.....	79
3.2 Защитное вооружение коня.....	82
4. Военное дело населения Горного Алтая в древности и средневековье	85
4.1 Военное дело в скифское время.....	85
4.2 Военное дело в гунно-сарматское время.....	89
4.3 Военное дело в древнетюркский период.....	91
4.4 Военное дело в эпоху развитого средневековья.....	93
4.5 Военное дело в позднее средневековье.....	94
Список использованной литературы.....	96
Раздел II. Древние охотники Алтая <i>Константинов Н.А.</i>	101
Предисловие.....	101
1. Как мы изучаем историю?	102
2. Охотничьи ресурсы Алтая.....	107
3. Древнейшие охотники Алтая.....	112
4. Охотники эпохи бронзы и раннего железа.....	119
5. Охота и война в жизни средневековых тюрков.....	123
6. Отголоски древности в современном охотничьем промысле....	135
Послесловие.....	145
Список использованной литературы.....	150
Охотничьи топонимы Алтая.....	159

Раздел I.

Вооружение и военное дело населения Горного Алтая в древности и средневековье

Введение

В жизни кочевников война всегда играла большую роль, что было обусловлено характером экономики и социальной организации. В ходе непрерывной боевой практики неуклонно развивалась и совершенствовалась военная техника, оружие, военное снаряжение, военная организация, военное искусство. Изменчивость вооружения во времени и пространстве является показателем уровня развития комплекса боевых средств каждой культуры. Сравнительный анализ наборов оружия синхронных культур может отразить характер и направленность взаимодействия кочевых этносов в военной области. Высокий динамизм присущий развитию оружия, делает его также и основным индикатором в решении вопросов хронологии. Однако использование этих возможностей предполагает наличие надежной типолого-хронологической шкалы развития оружия на данной территории, тесно связанной с историей оставившего его населения.

В 1960-70-е годы в Горном Алтае стали проводиться широкомасштабные археологические исследования курганов скифского времени. По подсчетам Л.С. Марсадолова к концу 30-х годов на Алтае было раскопано более 150 курганов скифского времени (VII – VI вв. до н.э.) и более 600 курганов пазырыкской культуры относящихся к VI – II вв. до н. э. Такие раскопки не могли не привести к накоплению большого количества фактического материала, в том числе и оружия. В той связи стали появляться публикации, посвященные отдельным вопросам, вооружению и военному делу древнего населения Горного Алтая. Из исследователей, которые внесли немалый вклад в изучение памятников скифского времени следует назвать таких учёных, как

В.Д.Кубарев, Д.Г.Савинов, В.А. Могильников, А.С. Суразаков, Л.С. Марсадилов, В.А. Кочеев, С.М. Киреев и др.

В 1980-90-е годы археологические памятники Горного Алтая вновь заставили говорить о себе – на высокогорном плато Укок были вскрыты курганы пазырыкской культуры, содержавшие промерзшие захоронения, которые ранее были известны по материалам больших курганов Алтая - Пазырыка, Туекты, Катанды. Новые материалы из замерших курганов также дали яркий материал, среди которых имеется большая серия предметов вооружения.

Размах археологических исследований в Горном Алтае позволил обратиться к целому ряду вопросов, посвящённых военному делу стали выходить специальные работы.

Первой такой работой стала монография, посвященная карасукскими кинжалам VIII – VI вв. до н.э., где рассматривалась небольшая серия изделий, найденных на Алтае. Заметным вкладом в изучение оружия скифского времени Горного Алтая стала статья А.С.Суразакова, в которой он собрал воедино все известные к тому времени категории оружия – кинжалы, наконечники стрел, чеканы, топоры, оборонительное оружие. Впервые в этой работе были поставлены вопросы классификации, типологии и хронологии оружия. В.Д. Кубарев, используя новые материалы, рассмотрел отдельно такой вид оружия, как кинжалы, которые он рассматривал вместе с ножнами. Им же был реконструирован алтайский колчан и был дан краткий обзор луков, используя материалы петроглифов, оленных камней.

Накопление материалов привело к появлению работ, в которых стали ставиться вопросы более широкой типологической классификации отдельных видов вооружения. Были рассмотрены костяные наконечники стрел из датированных погребений скифского времени и предложена их типология. Этим же автором рассматривались алтайские проушные чеканы, для них был сделан типологический анализ.

Систематизация материалов позволила ряду исследователей поставить общие вопросы, связанные со всем комплексом боевых средств древних кочевников эпохи раннего железа, по структуре военной организации пазырыкцев.

В это же время выходят отдельные публикации, посвященные костяным втульчатым наконечникам стрел, бронзовым наконечникам стрел ранних типов, кинжалам с зооморфным навершием, лукам из горно-алтайских курганов, защитному вооружению, боевому оружию пазырыкцев. Публикуя материалы по раскопкам цельных курганных могильников, авторы раскопок помещали в своих публикациях предметы вооружения, которые довольно часто встречаются в погребальных комплексах, а, будучи хронологическим индикатором, оно постоянно используется для решения вопросов относительной хронологии или иных памятников.

Несмотря на довольно высокий уровень изученности памятников скифского времени Горного Алтая существует очень много нерешенных вопросов. Так, недостаточно изучены вопросы становления и развития комплекса вооружения в раннескифское время. Недостаточно полно изучены вопросы военного дела в позднепазырыкское время. Заслуживают особого внимания вопросы, связанные со структурой военной организации горно-алтайских кочевников и военного искусства племен.

Как отмечали, все исследователи культур гунно-сарматского и тюркского времени военное дело играло, важную роль в истории древних кочевых народов. Но, главным источником по данной проблеме является не письменные источники, имеющие значительный вес в исследовании синхронного периода в истории юга Восточной Европы, а археологические данные. Наиболее важным источником в этом служит комплекс предметов вооружения. В него входят виды оружия «материализующие в своей форме две основные функции военной деятельности - нападение и защита» [Худяков 1986: 4].

Постепенное накопление вещественных источников из раскопок памятников древних и средневековых культур позволило приступить к их анализу и обобщению.

Важным исследованием древнего оружеведения является появление первых работ по теории проблемы, предложений классификации вооружения.

Для региона Южной Сибири в деле общей теории вооружения на материалах культур гунно-сарматского и тюркского времени значение имел ряд работ отечественных археологов.

В начале 1970-х годов военное дело населения тагарской культуры Минусинской котловины Ачинско-Марийской лесостепи было исследовано А.М. Кулемзиным. Комплекс вооружения енисейских кыргызов был проанализирован и систематизирован Ю.С. Худяковым. На основе изучения вооружения кыргызов была намечена программа исследования военного дела древних и средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии.

Вооружение древних и средневековых кочевников юга Сибири и Центральной Азии исследовалось М.В. Гореликом, Ю.С. Худяковым, Ю.А. Плотниковым, Д.Г. Савиновым и др.

Оружие древнего и средневекового населения Западной Сибири стало объектом анализа в работах А.И. Соловьева, В.И. Молодина, С.А. Конникова, Л.А. Чиндиной, Ю.А. Плотникова, Ю.С. Худякова и др.

Важную организующую роль в оружеведческих исследованиях в Сибири принадлежит тематическим сборникам, посвященным военному делу древнего и средневекового населения этих регионов. Эти сборники начали издаваться в 1980-х годах в Новосибирске, Барнауле, Горно-Алтайске, Кемерово и других городах Сибири.

Горно-Алтайские материалы были подвергнуты серьезному анализу на предмет периодизации и хронологии в работе А.А. Гавриловой. Она впервые выявила особенности алтайских находок и указала на возможную связь, как с предшествующим населением этого района, так и с прилегающими районами.

В середине 1980-х годов появляются работы Ю.С. Худякова обобщающие вооружение кочевников Центральной Азии, в том числе и Горного Алтая первой половины I тыс. н.э. В которых им были заложены основные принципы классификации и типологии всех предметов вооружения горноалтайцев, а также предложены основные закономерности их развития. В основу классификации были положены главные функциональные признаки: материал, размеры, формы, сечение. Все вооружение было подразделено на

большие разделы согласно их функциональным особенностям. А именно защитное вооружение, оружие дистанционного боя и оружие ближнего боя.

По мере накопления материала были систематизированы оружейные наборы разных культур. Так в 1988 г. В.Н. Елиным были классифицированы наконечники стрел из могильника Кок-Паш и близких к нему памятников гунно-сарматской эпохи. Своеобразную методику классификации наконечников стрел предложил в 1990 г. А.М. Илюшин.

В это же время Ю.С. Худяковым были дифференцированы комплексы вооружения берельских и кок-пашских кочевников.

В результате, которой были выявлены незначительные различия в комплексах вооружения, как-то, различный набор костяных стрел. Берельский представлен наконечниками с раздвоенным насадом, кок-пашский – черешковыми. Весьма существенным отличием признан факт отсутствия в берельском комплексе бронебойных стрел в отличие от кок-пашского представленного двумя типами линзовидных. Однако эти отличия, по мнению Ю.С. Худякова «... носят этнокультурный характер. В целом они признаны сходными» [Худяков 1990: 52].

Вооружение булан-кобинской культуры рассмотрены Ю.Т. Мамадаковым. В 1991 г. С.В. Неверовым и Ю.Т. Мамадаковым были рассмотрены проблемы эволюции и типологии ярусных, наконечников Южной Сибири и, в частности, наконечников стрел из памятников Горного Алтая.

Подвергнув критическому анализу существовавшую практику хронологии и типологии ярусных наконечников, авторы предлагают свое решение.

В.И. Соеновым и А.В. Эбель были классифицированы и проанализированы комплексы вооружения населения Верхней Катунь, по материалам раскопок могильников Верх-Уймон, Чендек, Катанда, Усть-Кокса. Отдельному типу защитного доспеха из Чендека посвящена работа В.И. Соёнова.

К числу полностью исследованных памятников относится могильник Усть-Эдиган. Первые сведения о комплексе, вооружения

которого, были опубликованы в 1990 г. К этому же году относится и первая систематизация оружия этого памятника. В 1997 г. Ю.С. Худяковым опубликуется полный комплекс вооружения Усть-Эдигана.

Большой вклад в изучение военного дела Алтая внесли работы или разделы в трудах, где рассматривались оружейные комплексы. В таких исследованиях, помимо традиционного анализа видов боевых средств, давалась сравнительная оценка их места и удельного веса в составе паноплии, которые определялись особенностями военной организации и тактики. Отдельные комплексы вооружения кочевников Алтая с I по XIV вв. н.э. проанализированы в серии работ Ю.С. Худякова. Самостоятельные разделы по характеристике боевых средств племен сросткинской культуры и древних тюрок имеются в диссертациях С.В. Неверова и Г.В. Кубарева. Вооружению населения Горного Алтая гунно-сарматского времени посвящена диссертация А.В. Эбеля и работы Ю.В. Тетерина и В.И. Соенова. Раздел по боевым средствам кочевников северо-западных предгорий Алтая IX – XI вв. присутствует в монографии В.А. Могильникова. Большая работа по изучению военного дела проделана В.В. Горбуновым. Помимо публикации находок, были проанализированы виды и комплексы вооружения населения Горного Алтая из памятников III – XIV вв. н.э. Особое внимание уделено изобразительным источникам по военной тематике. Кроме этого, разработаны практические и теоретические вопросы методики оружейведческой реконструкции.

1. Вооружение дальнего действия

Луки. Лук основное метательное оружие дистанционного боя, предназначенного для поражения противника на расстоянии широко применялся в древности. У древнего населения Горного Алтая в эпоху раннего железа лук, как универсальное оружие одинаково успешно применялся как в бою, так и на охоте. Свидетельством применения луков можно считать частые находки наконечников стрел в погребениях VII–I вв. до н.э., а также находки

многочисленных фрагментов реальных луков. Горный Алтай один из немногих регионов, где найдена целая серия луков, которая позволяет предпринять попытки реконструкции этого грозного оружия древности.

Прямых свидетельств о луках предшествующих эпох в Горном Алтае нет, но в том, что луки широко использовались, нет никаких сомнений. На некоторых памятниках эпохи раннего металла и поздней бронзы Горного Алтая найдены каменные наконечники стрел. В одном из афанасьевских погребений найден костяной черешковый наконечник стрелы. В культурном слое Денисовой пещеры найдена костяная пластина, которая, по мнению авторов, является накладкой, усиливающей лук. Очевидно, что население Горного Алтая в эпоху бронзы в дистанционном бою пользовались сложными луками, усиленными костяными накладками, что не противоречит данным с других регионов. Некоторые дополнительные сведения о горноалтайских луках дают памятники изобразительного искусства – петроглифы и оленные камни. Несмотря на большое количество петроглифов, изображающих воинов-лучников, в настоящее время не представляется возможным точно определить их культурную и хронологическую принадлежность, за исключением единичных случаев. Схематизм изображений практически лишает нас возможности представить формы лука или луков. В петроглифах Елангаша заслуживает внимания выразительная сцена поединка четырех пеших воинов-лучников. Лучники держат в руках большие луки с натянутой тетивой, хорошо передана форма кибити луков в виде буквы «М», что можно считать признаком рефлексированных луков. Материалы, связанные с оленными камнями Горного Алтая, также дают некоторые представления о луках. На хорошо известном по многочисленным публикациям Шуйском оленном камне на боковой северной стороне камня имеется контурное изображение лука, вложенного в горит. Лук м-образной формы длиной около 64 см, высотой около 20 см, ширина контура выбивки 7-8 мм, глубина выбивки 2~3 мм. Данное изображение лука на оленном камне считается наиболее реалистичным из всех: других, изображений луков в Горном Алтае. Другие изображения луков на оленных

камнях также представлены луками М-образной формы в горитах, подвешенных сбоку к поясу. Подводя итог вышесказанному, можно констатировать следующее - в эпоху поздней бронзы население Горного Алтая было хорошо знакомо со сложными луками так называемого скифского типа.

Находка в пятом Пазырыкском кургане великолепного войлочного ковра с изображением воина-всадника свидетельствует о том, что на вооружении горноалтайских кочевников находился короткий сложный лук скифского типа со стрелами. Лук на этом ковре вложен в горит и подвешен согласно скифской традиции с левой стороны. Аналогичные луки скифского типа известны на золотом изделии из Балгазына в Туве и предметах из Сибирской коллекции Петра I. В памятниках Скифии луки также были небольшими (их длина не более 60 см), хотя и предполагалось, что скифы могли пользоваться и большими луками, длиной до 1 м. Мнение, высказанное С.И.Руденко о том, что на вооружении пазырыкцев находился короткий сложный лук долгое время не подвергалось сомнению, хотя в третьем Пазырыкском кургане были найдены древки стрел, длина которых составляла 80 см, что явно указывало на то, что в Горном Алтае знали и большой лук. Раскопки рядовых курганов на юго-восточном Алтае вновь поставили вопрос о луках скифского времени. Впервые в горно-алтайской археологии были найдены деревянные фрагменты настоящих луков, часть из которых была опубликована.

По своей конструкции горно-алтайские луки были простыми, состоящими из одного цельного куска дерева, сложными, состоящими из нескольких кусков дерева с применением коры и сухожилий, составными, когда древко лука собирается из нескольких коротких кусков дерева, образующих его длину. Сложные луки видимо имели одну цельную деревянную основу. Археологические материалы подтверждают эти данные.

В кургане 5 могильника Уландрык 1 были найдены фрагменты сложного лука, который состоял из одного четырехгранного в сечении древка и трех дополнительных, трехгранных в сечении древка равных по своей длине. Древки, очевидно, складывались,

для их лучшего скрепления на внутренних сторонах делались косые нарезки. С внешней стороны древки обклеивались корой и скорей всего сухожильными нитками. Длина уландрыкского лука со снятой тетивой определялось в 105-110 см. Фрагменты сложного деревянного лука были также найдены на Средней Катуне на могильнике Кызык-Телань. Среди фрагментов две короткие деревянные палки четырехгранные в сечении с закругленными углами, мелкие фрагменты древков трехгранных и четырехгранных в сечении, а также плоских деревянных пластин. На этих фрагментах также зафиксированы косые насечки для скрепления деталей этого сложного лука. Деревянные фрагменты луков были найдены во время раскопок курганов на Укоке. По подсчетам В.Д.Кубарева из 86 курганов юго-восточного Алтая в 13 случаях были найдены фрагменты сложных деревянных луков. Для скифского времени Горного Алтая основным типом луков был деревянный сложный лук.

Горно-алтайские сложные луки изготавливались из различных пород дерева, с использованием коры и сухожилий. Возможно, бытовали и луки, выполненные из цельного куска дерева, косвенно об этом свидетельствуют находки моделей луков, сделанных из тальникового прута в детских погребениях. Возможно, в качестве некоторых деталей сложного лука использовался тополь. Именно эта порода дерева использовалась для лука гуннского типа, хранящегося в школьном музее с. Кокоря.

В конце скифской эпохи у пазырыкского населения появляются сложносоставные луки, луки нового типа с использованием костяных накладок. Использование новых элементов резко повысило упругость лука, его дальнобойность, точность и т.д. Речь идет о появлении луков хуннского типа. В кургане 2 могильника Чоба V в пазырыкском погребении были найдены концевые костяные накладки с арочным вырезом для тетивы. Эта находка свидетельствует о том, что население Горного Алтая в конце I тысячелетия до н.э. стало использовать луки нового типа, что, безусловно, говорит о сильном хуннском влиянии или влиянии культур хуннского облика на позднепазырыкское население Горного Алтая.

На вооружении племен Горного Алтая скифского времени шло три вида луков: простой, состоящий из одного цельного куска дерева, сложный, когда лук составлялся из нескольких кусков дерева различных пород, где также применялась кора и сухожилия. Этот вид луков был основным. Луки были короткие «скифского» типа и большие, которые отражали какие-то местные традиции. На завершающем этапе пазырыкской культуры появляются усиленные, сложносоставные луки, когда деревянная их основа усиливается костяными накладками.

В гунно-сарматскую эпоху на территории Горного Алтая распространяется так называемый лук гуннского типа, т.е. с костяными накладками на кибити, что придавало луку большую упругость и, естественно, дальнобойность, а также повышало пробивную способность. Тем не менее, отсутствие луков без накладок, можно объяснить не вытеснением их из употребления, а лишь тем, что чисто деревянные луки не сохранились.

Для памятников булан-кобинского типа характерны луки с двумя парами концевых одной парой срединных и фронтальной и только с концевыми или концевыми и срединными боковыми. Луки памятников кок-пашского типа все с двумя парами концевых с одной парой срединных боковых и срединной фронтальной. Необходимо отметить, что как характерная деталь кок-пашской культуры Ю.С. Худяковым выделен набор луков трёх типов: «...с концевыми, боковыми и фронтальной накладкой; с концевыми, боковыми, фронтальной составной накладками; с концевыми составными, срединными боковыми составными и фронтальной составной...» [Худяков 1993: 71]. Берельские памятники содержат только два типа луков: с концевыми, срединными боковыми и фронтальной срединной накладками; с концевыми и срединными боковыми накладками. Как мы видим, что для всех типов памятников общим является классический хуннский лук с набором из семи накладок.

Тюркские луки были сложносоставными. Их гибкая многослойная деревянная основа усиливалась роговыми накладками. Исследователи единодушны во мнении, что луки древних тюрков ведут свою «родословную» от луков хуннского

типа. Но при этом общей тенденцией в эпоху средневековья было сокращение числа роговых усиливающих деталей и увеличение зон гибкости. Это позволило степным конструкторам сделать лук более компактным.

Все древнетюркские луки Горного Алтая, судя по находкам костяных накладок, относятся к одной группе - сложносоставных.

По количеству и месту расположения накладок среди них выделяется несколько типов. С концевыми и срединными боковыми накладками. Размеры лука установлены в одном случае (Туэкта, к. 4) – 135 см. Со срединными боковыми, фронтальными плечевыми накладками. Срединные боковые накладки длинные, массивные, трапецевидной формы. Фронтальные накладки - длинные и узкие. Крепились они к внутренней стороне кибити. Вполне вероятно, что данный тип лука имел симметричные плечи. И со срединными боковыми накладками. Срединные накладки трапецевидной формы. По внутренней стороне и внешнему краю, обращенному к спинке, имеется косая нарезка. Судя по форме курайского экземпляра, луки данного типа были симметричными. Наглядное представление о разнообразии типов лука в Горном Алтае в древнетюркское время дает сводная таблица.

Важность данного вида оружия для древних тюрков подчеркивают письменные источники и отражают изображения древнетюркских воинов.

Наконечники стрел. Наконечники стрел, как метательное оружие, предназначенное для поражения цели среди предметов вооружения, являются наиболее массовым и наиболее датированным материалом. В памятниках I тысячелетия до н.э. в евразийских степях известно колоссальное количество наконечников стрел, изготовленных из металла (бронзы), рога и кости. Не является исключением и территория Горного Алтая, хотя бронзовых наконечников стрел в памятниках раннескифского и скифского времени найдено совсем немного. В отличие от памятников Причерноморья, Поволжья и Урала, где в колчаных наборах встречаются от 20 и более стрел, в алтайских памятниках обычно находят от 1 до 10 экземпляров. Похожая ситуация прослеживается

и на материалах; археологических памятников Южной Сибири второй половины I тысячелетия до н.э. лесостепного Приобья, лесостепной тагарской культуры, тагарской культуры Минусинской котловины. Несколько больше наконечников найдено в памятниках скифского времени в Северо-Западной Монголии и Туве, но там это объясняется особенностью погребального обряда – коллективных захоронениях число бронзовых наконечников больше, чем на Алтае.

Бронзовые наконечники использовались в Горном Алтае в течение VIII – III вв. до н.э. Типологически и хронологически они разделяются на две группы.

Ранняя группа бронзовых наконечников стрел (VIII – VII вв. до н.э.) выделяется распространением втульчатых двухлопастных, а также черешковых наконечников стрел. Вероятно, в этот период появляются и четырехлопастные и четырехгранные наконечники стрел. Развитие бронзовых наконечников стрел в целом подчиняется закономерностям, отмеченным исследователями для восточной зоны евразийских степей.

Вторая группа бронзовых наконечников стрел (V – III вв. до н.э.) характеризуется господством трехлопастных наконечников. Территория Сибири и Казахстана оказала сильное влияние на развитие трехлопастных, трехгранных в сечении наконечников, Горный Алтай не является исключением. В Горном Алтае отмечены факты совместного залегания бронзовых втульчатых и черешковых наконечников стрел (Быстрянка, курган 8). На территории Горного Алтая и Тувы в этот период характерно преобладание легкой конницы, основным оружием которой были лук и стрелы, причем комплексы наконечников стрел этих территорий почти тождественны. Бронза, как основной материал для изготовления наконечников стрел в основном применялась в VII – V вв. до н.э. Черешковые наконечники стрел в Горном Алтае, преобладали над втульчатými в V – III вв. до н.э.

Своеобразной чертой, отличающей Горный Алтай, является использование в военном деле костяных наконечников стрел. Костяные наконечники стрел известны в памятниках второй половины I тысячелетия до н.э. на всей территории Горного Алтая.

В колчаных наборах число их невелико от 1 до 10 экземпляров. Девять костяных наконечников стрел было найдено в первом Башадарском кургане, восемь наконечников стрел было найдено в кургане 2 могильника Ак-Алаха, семь в кургане 1 того же могильника. В основной же массе число наконечников не превышает 2-5 экземпляров.

В первом отделе костяных наконечников стрел В.А. Кочеевым было выделено три группы и шесть типов.

Втульчатые наконечники стрел первого типа хорошо известны не только в юго-восточном Алтае, но и в пограничных областях Северо-Западной Монголии, Тувы. Редко они встречаются в Степном Алтае, лесостепного Приобья. Они совсем неизвестны в памятниках тагарской культуры. Наконечники стрел первого типа в евразийских степях появляются в конце эпохи поздней бронзы, очевидно, они послужили образцами для бронзовых наконечников, которые распространяются во второй половине I тысячелетия до н.э. Наконечники этого типа существовали в Горном Алтае с VI по II вв. до н.э.

Втульчатые наконечники второго типа известны по материалам тагарской культуры. Как уже отмечалось, выше они могли быть подражанием бронзовым наконечникам стрел. Датируется наконечник из Уландрыка III в до н.э. по составу погребального инвентаря.

Наконечники первой группы, третьего типа со срезанным основанием появляются в евразийских степях также в эпоху поздней бронзы. Большое их количество отмечено в памятниках тагарской культуры в Горном Алтае их число значительно уступает наконечникам первого типа. Датировать наконечники третьего типа можно в пределах V – III вв. до н.э.

Доживают эти наконечники до рубежа эр наконечники этого типа известны в памятниках гунно-сарматской эпохи Горного Алтая.

Костяные наконечники второй группы, пятого типа хорошо известны в памятниках эпохи поздней бронзы. Наибольшее распространение эти наконечники получают в раннескифское время они известны по материалам кургана Аржан в Туве. В Горном Алтае

наиболее ранние наконечники этого типа обнаружены в первом Башадарском кургане, который датируется второй половиной VI в. до н.э., они отличаются своими размерами. Наиболее поздние наконечники меньших размеров происходят из могильника Алагаил, который по предметам погребального инвентаря датируется IV – III вв. до н.э.

Пулевидные наконечники стрел встречаются в памятниках восточного пояса евразийских степей, начиная с эпохи поздней бронзы. Известны они в кургане Аржан. Существовали они и в VI–III вв. до н.э., на что указывают материалы из Быстрянского могильника и курганов Боротала. Наиболее поздние наконечники этого типа встречены в большом Шибинском кургане, который датируется III в. до н.э.

Коллекция наконечников стрел из Горно-Алтайских памятников гунно-сарматского времени отличается широким типологическим разнообразием и многочисленностью.

Тем не менее, частота употребления различных типов наконечников распределена неравномерно. Так среди железных преобладают трехлопастные, асимметрично - ромбические и ярусные наконечники.

Относительно ярусных наконечников мнения исследователей расходятся в вопросе о верхней хронологической границе их существования. Так Д.Г. Савинов считает, что они известны в памятниках Южной Сибири второй половины I тыс. н.э. Ю.С. Худяков относит ярусные наконечники из памятников Улан-Сар в Забайкалье к VI – VIII вв. н.э. Алтайские ярусные наконечники он датирует в широком хронологическом диапазоне со II в. до н.э. до древнетюркского периода включительно.

При разработке типологии и хронологии ярусных наконечников стрел Южной Сибири С.В. Неверов и Ю.Т. Мамадаков отнесли их к наконечникам стрел южносибирской традиции II – III вв. н.э.

Остальные типы трехлопастных наконечников представлены единичными экземплярами, большинство из которых широко территориально и хронологически используются в гунно-сарматскую эпоху в Южной Сибири и Центральной Азии.

Некоторые из них являются производными формами более ранних. Так удлиненно-треугольные шипастые по мнению Ю.С. Худякова, что подобные стрелы известны у хуннов, тесинских и верхнеобских племен, но встречаются редко. В Горном Алтае они могут восходить к аналогичным, бронзовым наконечникам пазырыкской культуры.

Уникальными можно назвать несколько наконечников. Прежде всего, секторные, аналогии подобному типу нами не было обнаружено, однако говорить о его идентичности невозможно из-за малочисленности (1 экземпляр). Близким по форме можно назвать наконечники из могильников в Забайкалье и Манчжурии. Они относятся к периоду с VI по XI в. н.э.

К разряду уникальных можно отнести также единственный экземпляр известный в Горном Алтае боеголовкового, подобным верхнеобским наконечникам из памятника Ближней Елбаны III, который датируют III – V вв. н.э. Не найдено аналогии к двум экземплярам ромбических - шипастых наконечников из могильника Айрыдаш I.

Из плоских и линзовидных железных наконечников самыми многочисленными можно считать томары. Аналогичные наконечники стрел известны в памятниках кокзельской культуры в Туве. Они датированы I – V вв. н.э. Такие же наконечники известны в Кок-Паше. Кок-Пашский комплекс датирован III – V вв. н.э. Обнаруженные нами на могильнике Верх - Уймон томар находился в комплексе датируемым I – II вв. н.э. [Соенов, Эбель 1992: 39].

Параболический шипастый наконечник из Айрыдашского комплекса встречает аналогии только в таштыкских комплексах и датируется I – V вв. н.э.

Общая ситуация с уплощенными наконечниками заключается в следующем: во-первых – малочисленность по сравнению с другими наконечниками; во-вторых - большая территориальная распространенность; в-третьих – небольшое типологическое разнообразие. Это наводит на вывод о том, что данная группа наконечников только начинает проникать на территорию Горного Алтая и не нашла еще широкого применения, во второй половине I тыс. н.э. ситуация резко меняется. Что в принципе характерно для

большинства культур исследуемого периода. Костяные наконечники по численности немногим отстают от железных, но зато по видовому разнообразию превосходят их, чего нельзя сказать о типологическом. Последнее обстоятельство можно отнести к более устоявшимся традициям в изготовлении костяных наконечников.

Однако, несмотря на широкие хронологические рамки использования костяных наконечников необходимо отметить, что их набор в Горно-Алтайских памятниках гунно-сарматской эпохи отличается от пазырыкских стрел, среди которых преобладали черешковые трехгранные шипастые наконечники. Однако с хуннскими алтайскими стрелами имеют существенные конструктивные отличия. Вероятнее всего, от хуннов горно-алтайские кочевники могли заимствовать форму раздвоенного насада. Шипастое оформление пера является традиционным для пазырыкских стрел. Некоторые формы являются широко распространенными в самых разных культурах.

Совершенно уникальным в этой связи является набор втульчатых стрел из могильника Айрыдаш I с втулкой переходящей в свистунку. Такие наконечники были распространены у кочевников Шивэй в Забайкалье и датируется Ю.С. Худяковым IV – XI вв. н.э. По его мнению, подобный тип наконечников практически не сопоставим с хуннскими. Возможно, это указывает на пришлый элемент в составе айрыдашцев. Тем не менее, по нашему мнению, появились они в Горном Алтае за долго до IV – XI вв. н.э.

Набор стрел из Горного Алтая ориентирован на стрельбу по незащищенному панцирем противнику. За исключением нескольких экземпляров, которые можно считать бронебойными, все остальные стрелы для поражения легковооруженного врага.

Наблюдается определённая разница в наборах железных и костяных наконечников стрел в различных типах памятников. Для булан-кобинцев характерен набор железных трёхлопастных с асимметрично-ромбическим, удлинённо-ромбическим, удлинённо-треугольным, ярусным и шипастым пером. Редко встречаются ромбические в сечении наконечники с параболическим пером. Костяные стрелы разнообразны. Среди них есть втульчатые с

трёхгранным шипастым пером, наконечники с раздвоенным насадом и скрытой втулкой с ромбическим сечением пера; черешковые наконечники с ромбическим в сечении шипастым пером. На железных стрелах встречаются костяные шарики-свистунки.

Кок-Пашский набор железных стрел кроме трёхлопастных включает и линзовидные. Трёхлопастные стрелы представлены асимметрично-ромбическими, удлинённо-шестиугольными, ярусными, удлинённо-ромбическими и удлинённо-треугольными наконечниками. Линзовидные только одним типом-томары. Все костяные наконечники ромбического сечения. По способу насада, черешковые и с раздвоенным насадом. По форме пера: параболические, удлинённо-треугольные, шипастые, удлинённо-шестиугольные, удлинённо-ромбические и ромбические.

Берельский тип памятников содержит трёхлопастные и линзовидные железные наконечники и ромбические в сечении с раздвоенным насадом костяные стрелы. Трёхлопастные стрелы с ромбическим, удлинённо-шестиугольным, ярусным и удлинённо-ромбическим пером. Линзовидный наконечник одного типа в единственном экземпляре удлинённо-пятиугольный шипастый. Костяные стрелы двух типов: удлинённо-ромбической и параболической формы пера с черешковым насадом.

Из всего многообразия наборов костяных и железных стрел особое место занимает набор из могильника Айрыдаш I. Несмотря на типологическое разнообразие железных наконечников хотелось бы отметить уникальность костяных втульчатых стрел со втулкой переходящей в свистунку. Подобные типы наконечников абсолютны, не характерны для племён Горного Алтая гунно-сарматского времени.

Наконечники стрел из древнетюркских памятников Горного Алтая относятся к двум классам: железных и костяных.

Железные наконечники стрел составляют один отдел черешковых, представленный несколькими группами.

Наконечники стрел известны во всех без исключения регионах распространения древнетюркской культуры, встречаются в составе инвентаря погребений и поминальных памятников. Древнетюркские

наконечники стрел распадаются по материалу изготовления на два класса - железных и костяных. Железные относятся к одному отделу - черешковых, представленному (по сечению пера) несколькими группами, которые делятся на типы по форме пера.

Несмотря на то, что наконечники стрел являются самой многочисленной и вариативной категорией находок в древнетюркских памятниках, они пока не подвергались систематизации. Отдельные замечания о времени бытования того или иного типа стрел у древних тюрков имеются в работах Б.Б. Овчинниковой, С.И. Вайнштейна, Л.Р. Кызласова. Древнетюркские стрелы из Минусинской котловины и Горного Алтая были систематизированы нами.

Наконечники стрел отдельных типов, получившие распространение у древних тюрков (например, железные трехлопастные: асимметрично-ромбические, удлинненно-ромбические, шипастые, плоские удлинненно-ромбические и секторные; трехгранные асимметрично-ромбические; костяные трехгранные удлинненно-ромбические), известны по памятникам хуннского времени. Однако у тюрков несколько меняются пропорции и размеры этих наконечников, а также их доля среди находок.

В рассматриваемый период широко распространяются и абсолютно господствуют железные трехлопастные наконечники. Среди них более половины относятся к двум ведущим типам: удлинненно-пятиугольных и удлинненно-шестиугольных. Достаточно многочисленны асимметрично-ромбические, удлинненно-ромбические, удлинненно-треугольные наконечники. Все прочие типы, по существу, представлены единичными находками, исключение составляют плоские асимметрично-ромбические.

Таким образом, можно утверждать, что у древних тюрков наибольшее распространение получили трехлопастные наконечники стрел различных типов. Все они предназначались для стрельбы по легковооруженному противнику. Для стрельбы по аналогичной цели применялись также трехлопастные наконечники, возможно, поисковых типов: шипастые, секторные, томары, овально-крылатые, боеголовковые шипастые.

Со временем вошли в употребление двухлопастные, четырехлопастные и плоские. Для пробивания брони использовались разнообразные типы трехгранно-трехлопастных, трехгранных, четырехгранных и круглых наконечников. Бронебойные стрелы, представленные довольно широким спектром форм, немногочисленны. Надо полагать, что во времена военного могущества тюрков потребность в бронебойных стрелах была еще не очень велика, так как их основные противники в кочевом мире не имели панцирной кавалерии.

Ввиду недостаточной изученности памятников VI – VII вв., относящихся ко времени Первого каганата, набор стрел этого периода пока недостаточно представлен. Среди них сейчас выявлены трехлопастные асимметрично-ромбические, удлинненно-ромбические, удлинненно-треугольные, удлинненно-пятиугольные, удлинненно-шестиугольные, боеголовковые шипастые. Вполне вероятно, что в данный период применялись бронебойные стрелы, в частности трехгранные асимметрично-ромбические.

В VII–VIII вв. в эпоху Второго Восточно-тюркского каганата помимо наконечников прежних типов начинают применяться трехлопастные секторные, четырехгранные удлинненно-треугольные. Спектр применимых форм расширяется: к этому времени относятся наконечники, приспособленные как для стрельбы по не защищенному панцирем противнику, так и для пробивания брони. В VIII–X вв., несмотря на утрату государственной самостоятельности, арсенал средств дистанционного боя у тюрков стал более разнообразным.

Это связано как с общими тенденциями в развитии военного дела в Центральной Азии, так и с необходимостью приспособиться к стрельбе по защищенному противнику. В связи с возрастанием защитных средств у противников растут численность и типологическое разнообразие тюркских бронебойных стрел. Наряду с трехгранными и четырехгранными применяются трехгранно-трехлопастные и круглые.

Для стрельбы по не защищенному панцирем противнику помимо трехлопастных стали использоваться двухлопастные, четырехлопастные и плоские. Поскольку тюрки формировали особые

воинские контингенты в войсках уйгурских, а позднее кыргызских каганов, роль прицельной стрельбы из лука для тюркских всадников должна была возрасти, так как вспомогательные формирования состояли, как правило, из легковооруженных стрелков.

Костяные наконечники стрел использовались тюрками крайне редко. Известные экземпляры происходят из памятников Горного Алтая и Тувы конца I тыс. н. э. Вероятно, тюркские легковооруженные всадники-лучники, составлявшие вспомогательную конницу, могли использовать при нехватке железных наконечников и костяные. Вместе с железными наконечниками стрел нередко встречаются полые костяные шарики с отверстиями – свистунки.

Летописная традиция приписывает изобретение свистунки хуннскому шаньюю Модэ. По сведениям источников, костяной шарик при вращении в полете трехлопастной стрелы издавал пронзительный свист, угнетающе действующий на противника и пугающий его лошадей. Такой шарик, вероятно, служил в качестве муфты, соединяющей торцевую часть древка стрелы с черешком наконечника. Об этом свидетельствуют находки шариков без отверстий, которые не могли издавать свист в полете.

В древнетюркских памятниках иногда встречаются деревянные древки стрел, большей частью в обломках. Все они цилиндрические в сечении, в торцевой части иногда оплетены тонкой полоской бересты, в хвостовой оформлен арочный вырез для натягивания тетивы (ушко). На древке стрелы близ ушка иногда наносились красной и черной краской пояски-метки.

Разная окраска древка позволяла воину безошибочно выбрать нужный наконечник. Надо полагать, что надобность в таких метках существовала при хранении стрел наконечниками вниз в колчанах закрытого типа. Длина древков стрел, как можно судить по немногим полностью сохранившимся экземплярам, составляет 60-74 см, т. е. более 90% от общей длины стрелы, с учетом длины пера наконечника.

Гориты, налучья и колчаны. Колчан-снаряжение для хранения метательного оружия, поражающего цель, был обязательным атрибутом воина-всадника. В курганах Горного

Алтая найдена довольно представительная серия легких кожаных колчанов. Впервые остатки колчана были найдены во время раскопок в Башадаре. Башадарский колчан был деревянным, обтянутым кожей и берестой, в нем было найдено девять крупных роговых наконечников стрел, его приблизительные размеры, по мнению В.Д. Кубарева, были следующими: 60 x 80 x 30 см. Колчаны другого типа были найдены в других курганах Восточного Алтая. На основании новых материалов удалось установить истинное назначение резных деревянных дощечек, найденных при раскопках первого Туектинского кургана, которые оказались каркасной основой колчана и удачно реконструировать форму и размеры легкого кожаного колчана. Алтайский кожаный колчан представлял собой длинный и узкий кожаный мешочек, который снизу слегка расширялся для того, чтобы в нем могли свободно помещаться наконечники стрел. Длина колчанов была 30-70 см, ширина 10-15 см. Такой колчан был легким и вмещал в себя не более десятка стрел. Деревянные дощечки с отверстиями служили основой каркаса, который вшивался в кожаный мешочек колчана. Внешняя сторона этих дощечек окрашивалась в красный цвет, окрашивалась изящным растительным орнаментом или сценами, выполненными в скифо-сибирском зверином стиле. Очевидно, колчаны из Туекты и Ак-Алахи были парадными. Любопытно, что форма легкого кожаного колчана доживает до позднего средневековья - именно такой колчан был найден в погребении II тысячелетия н.э. в с. Ело.

Деревянные дощечки с отверстиями имели слегка вогнутую форму и округленные концы, размеры таких, дощечек различны – 56 x 2,3 x 0,6 см до 66 x 4 x 0,7 см. Сверху кожаные колчаны могли иметь кожаную крышку, остатки такой крышки были найдены вместе с фрагментами колчана в кургане I из Туекты. Возможно, в качестве крышки использовались и другие материалы, например, мех и шерстяная материя. Остатки такого мешочка были обнаружены в северо-восточной Туве в погребении раннескифского времени. Кроме колчана с деревянными дощечками могли использоваться и колчаны из кожи без дощечек. Такой чисто кожаный колчан хранится в школьном музее с. Кокоря. Этот колчан длиной 75 см и шириной

11 см шит из двух половинок хорошо выделанной кожи, на которой сделаны надрезы, в которые продернут тонкий сыромятный ремешок. Верх приемника колчана окрашен в красный цвет. В этот узкий легкий колчан могло войти не более десяти стрел, вместе с колчаном сохранилось также налучье сшитое из кожи шириной 13 см. и длиной 55-60 см.

У древнего населения Горного Алтая наряду с малыми кожаными колчанами с деревянными дощечками и без них, бытовали большие деревянные колчаны, обтянутые берестой или кожей. Большие колчаны служили магазином воина, а легкие расходным колчаном. Очевидно, что вместе со стрелами в колчаны вкладывались и луки, одновременно существовали и гориты. Об этом свидетельствуют изображения их на войлоке из Пазырыка и на оленных камнях. Носились колчаны и гориты всегда на поясе, на левом боку, стрелы находились остриями вниз.

Колчаны подвешивались к поясу либо при помощи так называемых колчаных крючков, либо при помощи ремней. Положение колчанов почти всегда было наискось по отношению к фигуре человека.

Довольно часто при раскопках курганов скифского времени в погребениях находят крючки, которые в литературе традиционно называют колчанными, хотя такие крючки не всегда находят вместе с предметами вооружения – наконечниками стрел, остатками колчанов и т.п. Некоторые исследователи предлагали называть их поясными крючками. Однако по своим формам крючки, находимые с оружием, и крючки, находимые в районе пояса практически не отличаются друг от друга, что позволяет рассматривать их вместе. Именно так поступил А.С.Суразаков, предложил назвать их колчанно-поясными.

Колчанные крючки из Горного Алтая дважды рассматривались А.С.Суразаковым. Первоначально он выделил три формы колчаных крючков. Бронзовые крючки имели в верхней части или кольцо для продевания ремешка, или округлый щиток с поперечной планкой для продевания ремня. Железные крючки имели петлю. Впоследствии, по внешним признакам крючки были подразделены на пять типов.

Всего автором было учтено 15 экземпляров. Все рассмотренные крючки датировались широкими хронологическими рамками с V по III вв. до н.э.

Футляры для хранения и ношения стрел в памятниках кочевых племен Горного Алтая первой половины I тысячелетия н. э. не сохранились. Поэтому судить о них можно лишь по косвенным признакам: составу стрел в колчаных наборах и наличию колчаных крючков.

В колчанном наборе из кургана 227 Балыктыюля находились стрелы с трехлопастными наконечниками трех разных типов и свистунками. В составе бронзовых деталей поясного набора в данном погребении находился бронзовый крюк с прямоугольной петлей для продевания ремня и перекладиной на конце крюка. Скорее всего, этот предмет использовался в качестве крючка крепившегося к днищу колчана, который подвешивался к поясу в наклонном положении. Железные по форме петли делятся на два отдела: с прямоугольной петлей – один экземпляр из Кок-Паша, в этом же памятнике обнаружены колчаные крючки второго отдела с кольцевидной петлей [Эбель 1998: 16].

Древнетюркские лучники хранили и носили стрелы в берестяных колчанах. Все они относятся к одной группе с цилиндрическим приемником, а по форме горловины делятся на два типа. Многие экземпляры украшены по горловине и приемнику костяными, орнаментированными накладками. С тыльной стороны к горловине и верхней части приемника у некоторых экземпляров крепилась деревянная дощечка. Стрелы помещались в приемник колчана наконечниками вверх. В колчанах с карманом, найденных в погребениях, встречалось по 5-10 стрел.

Колчаны крепились к поясу или портупее с помощью ремней. Один из них, относительно короткий, крепился к горловине с помощью костяных или железных петель, второй к нижней части приемника, или днищу, с помощью крючка, вставлявшегося в петлю. Есть основания полагать, что иногда колчан крепился к поясу с помощью трех ремней с железными тройниками и пряжками. Иногда в качестве петель использовались железные панцирные пластины, к которым, вероятно, крепились ремни для подвешивания.

У закрытых колчанов к крышке прикреплялось кольцо, за которое можно было выдернуть крышку из горловины. С помощью подвесных ремней колчаны крепились на поясе обычно справа и в наклонном положении - так было удобно извлекать стрелы, и исключались помехи при ходьбе. Колчаны на португее могли носиться за спиной. Вместимость колчанов была различной. Более вместимыми были колчаны с карманом.



Рис. 1 Воин-всадник, Пятый Пазырыкский курган (по С.И. Руденко)



Рис 2. Так мог выглядеть один из военных предводителей пазырыкской культуры. Реконструкция Соловьёва А.И. по материалам археологических раскопок в урочищах Пазырык, Уландрык, долине р. Ак-Алаха. [<http://history.novosibdom.ru/node/50>]

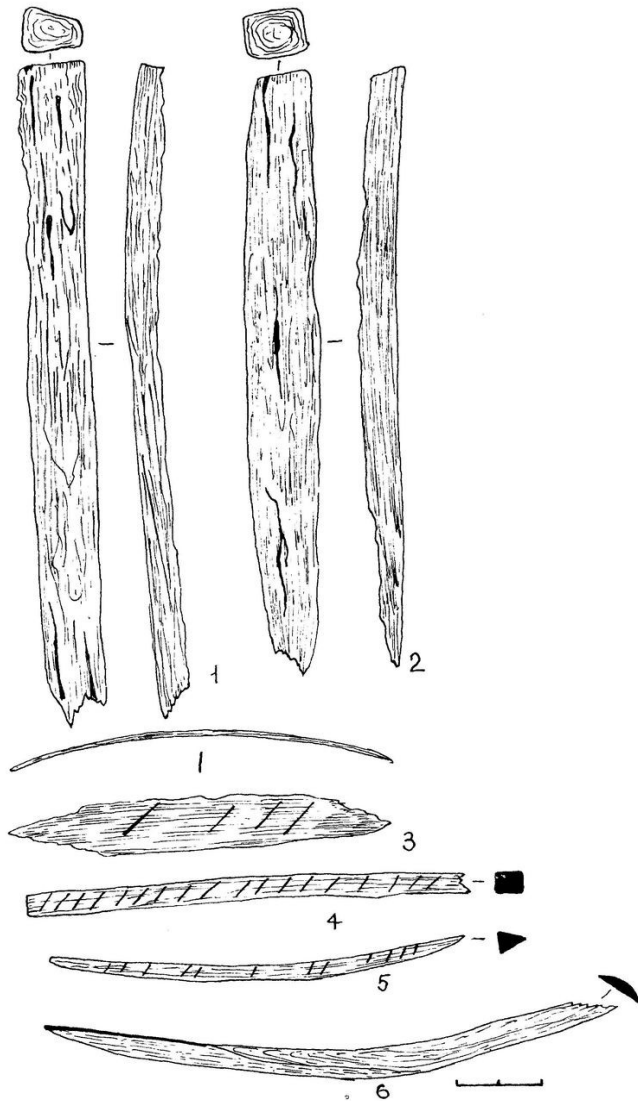


Рис. 3 Сводная таблица луков (по Д.Г. Савинову)

Группы	Типы	Кол-во	Размеры	Местонахождение
Сложносоставные	1.	11	135	Берель Котанда Кудыргэ Туэкта Курота
	2.	3	-	Котанда Кудыргэ
	3.	2	-	Боротал Яконур
	4.	1	-	Узунтал
	5.	9	110	Курай Шибе Ташанта Узунтал Туэкта Юстыд

Рис. 4 Накладки на лук: 1 – Кудыргэ, огр. VI; 2 – Кудыргэ, м. 9; 3 – Кудыргэ, м. 22; 4 – Яконур, м. 5; 5 – Боротал, м. 82; 6 – Кудыргэ, к. 2; 7, 8 – Узунтал I, к. 2; 9 – Узунтал V, к. 2; 10 – Узунтал I, к. 1; 11 – Ташанта I, к. 5; 12 – Курай III, к. I; 13 – Туэкта, к. 3. (по Д.Г. Савинову)

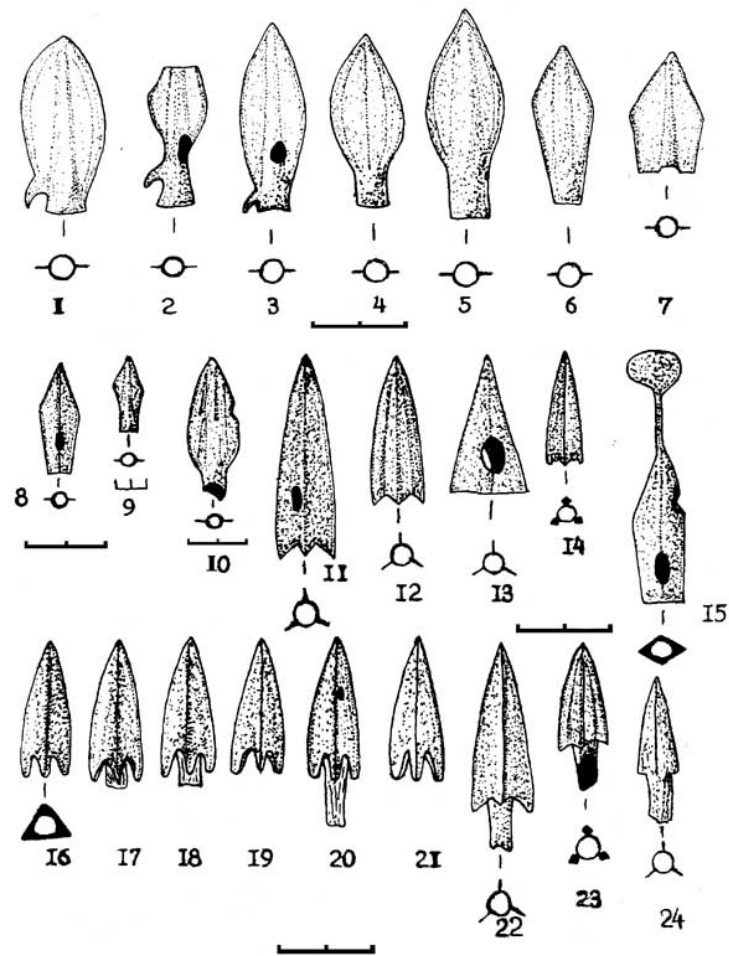
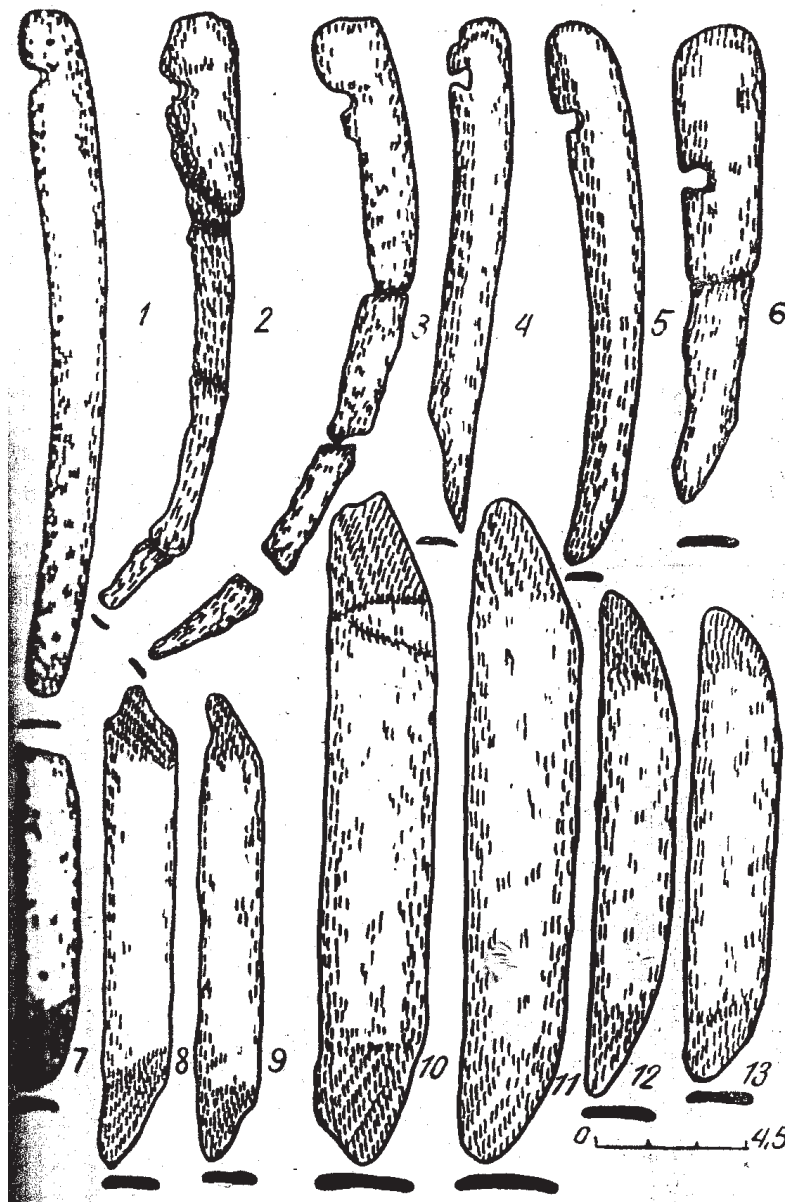


Рис. 5 Бронзовые наконечники стрел из Горного Алтая (1-3, 7-14, 22, 23 - случайные находки; 4 - Ортолык; 5 - Кор-Кобы; 6 - Кызык-Телань; 8 - Яломан; 9 - Карасу; 10 - Денисова пещера; 15 - Дубровка; 16-21 - Туекта; 24 - Эликмонар) по В.А.Кочеву

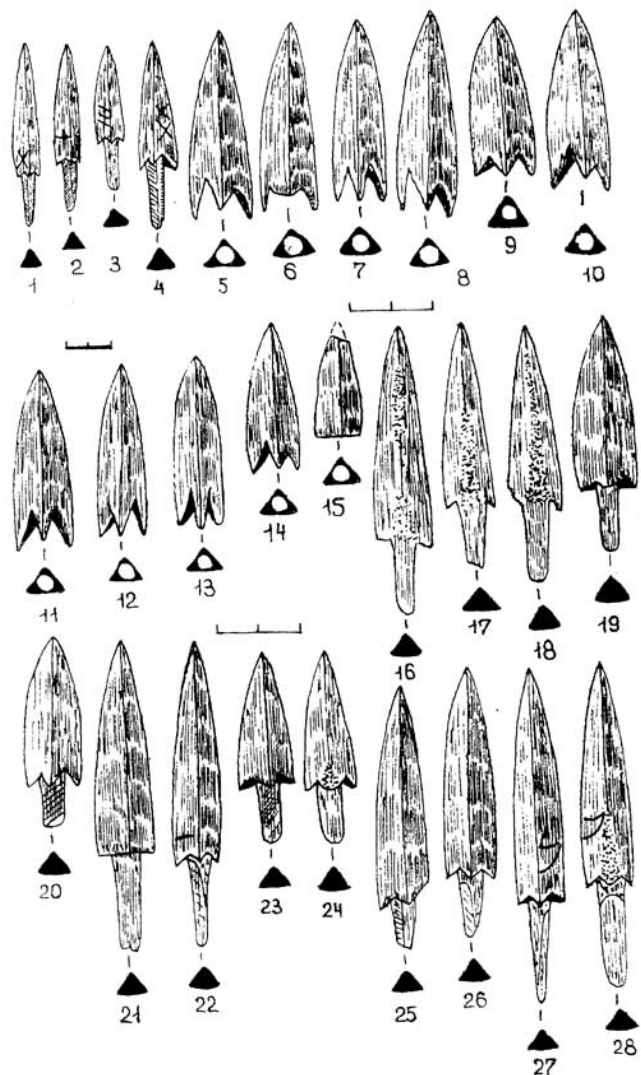


Рис.6 Костяные наконечники стрел из Горного Алтая (Кош-Агачский район Республики Алтай) по В.А.Кочеву

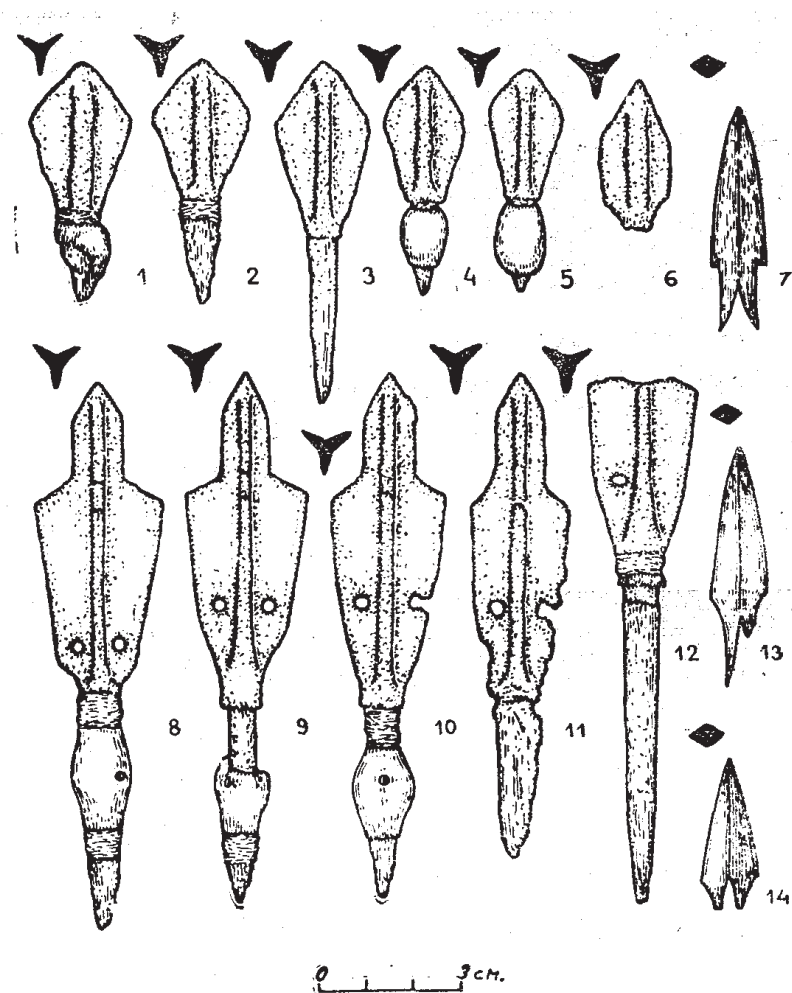


Рис 7 . Железные наконечники стрел. (по Ю.С.Худякову)

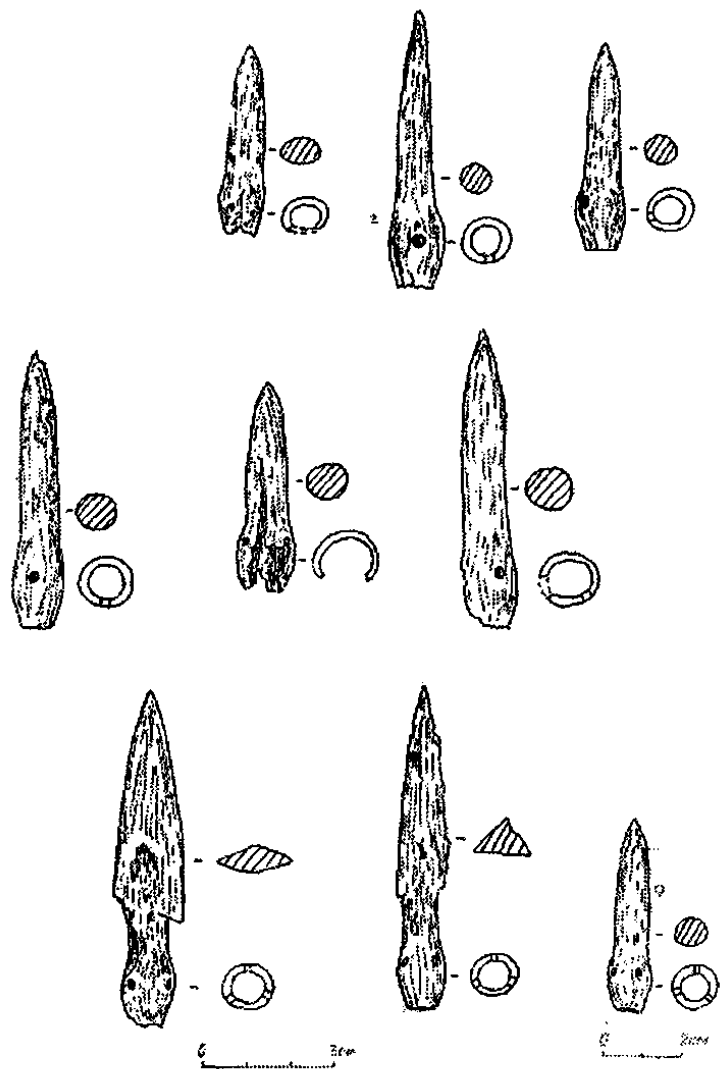


Рис. 8. Костяные наконечники стрел Айырдаш.
(по А.В.Эбелю)

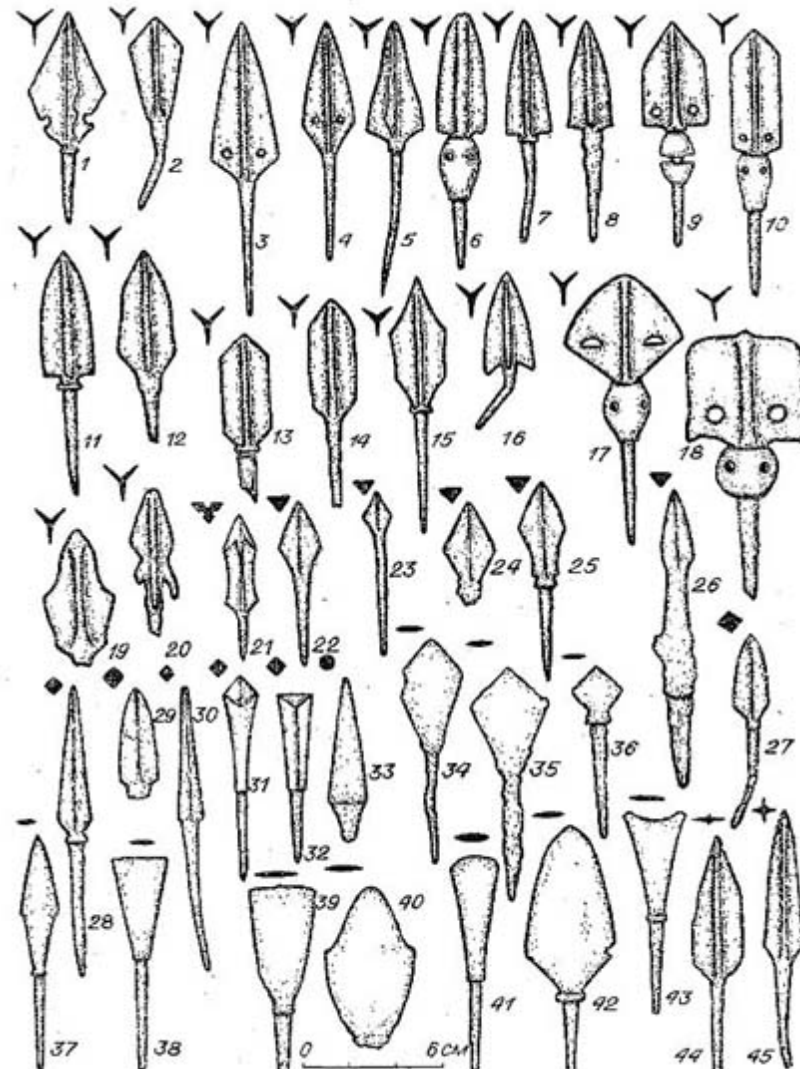
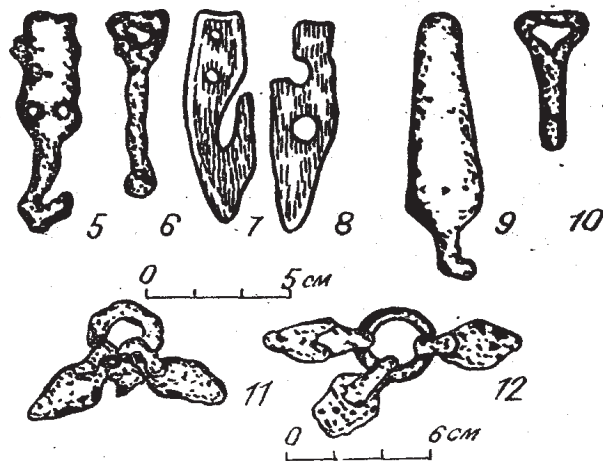
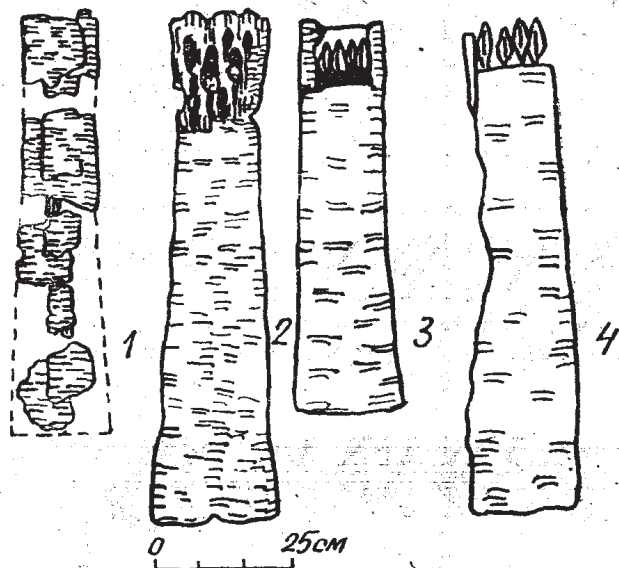


Рис.9. Древнетюркские железные наконечники стрел.
(по Д.Г. Савинову)



2. Вооружение ближнего действия

Оружие ближнего боя кочевников Горного Алтая время не было распространено так широко как луки и стрелы. Это обстоятельство, прежде всего, связано с особенностями ведения боевых действий, в которых важнейшим аргументом было оружие дистанционного действия. Тем не менее, наличие мечей, палашей, копий в погребениях этого времени указывает на способность воинов успешно сражаться и в ближнем бою.

Оружие ближнего боя представлено рубяще-колющими (мечи, палаши), режуще-колющим (кинжалами) и колющим (копьями), рубящее (топоры,) и ударного действия (чеканы, кистени).

2.1 Рубяще-колющее оружие

Мечи и сабли. Меч – это достаточно длинное оружие рубяще-колющего действия, предназначенное для ведения ближнего боя. Состоит из основной монолитной конструкции, в которой выделяется поражающая часть клинок и несущая часть черен [Худяков, 1980, 27]. Важными дополнениями в конструкции меча являются такие, чаще всего отдельные, части, как перекрестие и детали рукояти: обкладка, обмотка, навершие, штифты, штыри, бляхи и обоймы.

Сабля – это достаточно длинное оружие рубяще-режущего и колющего действия, предназначенное для ведения ближнего боя. Ее основные конструктивные элементы совпадают с мечом, а главное отличие состоит в изогнутом клинке, характер изгиба которого придает выпуклость основному (фронтальному) лезвию.

Мечи. В археологических и оружейно-исторических работах к мечам обычно относят только изделия с прямым двухлезвийным клинком. Экземпляры с прямым однолезвийным и одно-лезвийно-двухлезвийным клинком определяются как палаши, протосабли или описательно, например, однолезвийное клинковое оружие. Существует мнение, что изделия с прямым однолезвийным и однолезвийно-двухлезвийным клинком и наклонной рукоятью являются саблями. Между тем исследователи неоднократно пытались взять за основу разделения меча и сабли основные функциональные особенности их действия. Для меча – это рубяще-

Рис. 11 Колчаны: 1 – Кудыргэ, м. 5; 2 – Курай III, к. 1; 3 – Курай IV, к. 1; 4 – Узунтал, 1, к. 3.

колющий удар, для сабли - рубяще-режущий. В данном случае решающим признаком, влияющим на функцию изделия, является прямой или изогнутый (в сторону основного лезвия) клинок. Наклон рукояти принципиально не меняет механизм удара, а служит для более удобного захвата оружия, усиливая фехтующие возможности и именно: рубящие свойства относительно узких клинков. Учитывая приведенные аргументы, к мечам следует относить прямые клинки вне зависимости от количества лезвий и расположения рукояти, а изогнутые клинки (даже в незначительной степени) считать саблями. Термин палаш, наиболее часто используемый для обозначения прямых однолезвийных и одно-лезвийно-двухлезвийных клинков, не отражает особой функциональной нагрузки по сравнению с целиком двухлезвийными мечами. Он появился достаточно поздно, не ранее XV в. и характерен для узкоспециализированной терминологии европейского вооружения. В литературе уже отмечалось, что название «палаш» применительно к более раннему оружию выглядит не точно. По нашему мнению, за всем оружием с длинным прямым клинком будет правильнее сохранить общее название меч (оставив употребление специальных терминов для конкретных типов), а для удобства их различия использовать прилагательные: двухлезвийный, однолезвийный, однолезвийно-двух-лезвийный, причем два последних обозначения применимы и для отличия сабель.

На Алтае вещественные остатки мечей и сабель, относящиеся к рассматриваемому периоду, обнаружены на 103 объектах. Это - как целые железные клинки с черенами, так и фрагменты подобных изделий, железные и бронзовые перекрестия, а также различные металлические и деревянные детали рукоятей и ножен. На территорию Горного Алтая приходится 17 мечей и 5 сабель: 20 экз. – из курганных погребений, 1 экз. – из поминальной оградки и 1 экз. – случайная находка.

Меч как особое оружие ближнего боя развился из кинжалов с наиболее длинным клинком. Время его изобретения относится к последней четверти III тыс. до н.э., а родиной считается Малая Азия, где обнаружен самый древний экземпляр меча из метеоритного

железа. Регулярное применение железных мечей начинается с начала I тыс. до н.э. в Сирии, Закавказье и Иране. В VII–VI вв. до н.э. они начинают использоваться кочевниками евразийских степей и народами Средней Азии, а с III в. до н.э. населением Центральной Азии, Китая и Дальнего Востока. На Алтае первые мечи, уже в железном материале, появляются в конце VI – V вв. до н.э. Все они найдены в лесостепи, в ареале каменной культуры и по своим параметрам и деталям оформления восходят к савромато-сарматской или сакской традиции. Со II в. до н.э. в Горном Алтае появляются железные мечи новой конструкции, без перекрестия и навершия, которые, возможно, относятся к центрально-азиатской традиции. На период IV – XII вв. н.э. приходится наиболее массовое использование железных мечей населением Алтая.

Двухлезвийные мечи являются наиболее древней, широко распространенной и долго применявшейся разновидностью длинноклинкавого оружия ближнего боя. На территории Алтая они господствовали во 2-й пол. I тыс. до н.э. и первые века I тыс. н.э. В рассматриваемый период применение двухлезвийных мечей фиксируется до середины XI в. н.э., но не исключено и их более позднее бытование. Острое окончание клинка меча - также весьма широко известный во времени и пространстве признак, который придавал мечу его вторую, не менее важную по сравнению с рубящей, колющую функцию. На Алтае такие изделия абсолютно преобладали в течение всего времени использования мечей.

Мечи с прямой рукоятью, с перекрестием и без перекрестия, составляют более половины из опубликованных на сегодняшний день. На территории Алтая они встречаются до середины XI в. н.э. и типологически предшествуют изделиям с наклонной рукоятью. Перекрестие служит достаточно устойчивым типологическим показателем. Конечно, не исключены случаи, когда у меча перекрестие могло быть утрачено или сделано из не сохранившихся органических материалов. Однако нахождение в закрытых археологических комплексах значительного числа мечей без перекрестия с хорошей сохранностью дерева и другой органики скорее говорит о том, что они изначально не имели данной детали. Использование мечей

без перекрестий широко и давно известная практика. Основная функция перекрестия – служить упором руке, предотвращающим ее соскальзывание на клинок. У ряда мечей это могло достигаться расширением обкладки рукояти к основанию клинка, как, например, у сарматских, сяньбийских и кокэльских экземпляров. Деревянный тлен от такого расширения был зафиксирован В.В. Горбуновым [Горбунов 2006, 62] на мече в одном из булан-кобинских курганов. Изделия без дополнительных деталей рукояти хорошо известны среди сарматского и среднеазиатского вооружения I – V вв. н.э. Для Центральной Азии не исключается их появление со II в. до н.э. и даже раньше, что возможно подтверждается находкою фрагмента двухлезвийного клинка и рукояти на Дырестуйском могильнике. Аналогичный меч найден в булан-кобинском памятнике II в. до н.э. – I в. н.э. Мечи с двумя штифтами для крепления обкладки рукояти, вероятно, распространяются с середины I тыс. н.э. Начиная со второй половины IV в. н.э. такие образцы появляются в Горном Алтае. Аналогичные экземпляры известны у кыргызов и населения Западной Сибири в VI – IX вв. н.э. В рассматриваемый период мечи первого типа обнаружены на Алтае в памятниках булан-кобинской культуры второй половины IV – первой половины V вв. н.э. и одинцовской культуры второй половины IV – V вв. н.э. Общая датировка первого типа определяется II в. до н.э. – IX в. н.э.

Экземпляры с шестиугольно-ромбовидным перекрестием. На уровне вариантов они аналогичны типу 1. Перекрестия, как у типа 2, появляются с VI в. н.э. Наиболее ранние и территориально близкие образцы есть на мечах кыргызов [Худяков, 1980, табл. II. -1-2]. На Алтае изделия типа 2 встречены в памятниках: тюркской культуры второй половины VI – первой половины VII вв. н.э. и сротскинской культуры второй половины X – первой половины XI вв. н.э. Датировку типа 2 можно определить в рамках VI – XI вв. н.э.

Срезанное окончание клинка меча, как представляется, сильно уменьшало его колющую функцию, и, следовательно, такие изделия были рассчитаны в основном на рубящий удар. Срезанные клинки получают распространение у сяньби и в ханьском Китае с рубежа I – II вв. н.э. Большое их количество обнаружено в Западной Сибири в

основном в составе кладов, дата которых не позднее IX в. н.э. Такие клинки особо стали популярны в Японии с VII – VIII вв. н.э. На Алтае данные изделия встречаются с середины IV до середины IX вв. н.э.

Наличие у меча наклонной рукояти делало более прочным захват оружия в руке и повышало силу рубящего удара. Данный признак наблюдается у кенкольского меча IV–V вв. н.э., но пока это единичный случай. Нам представляется, что наклон рукояти, как устойчивый признак, перешел к мечам от сабель около рубежа VII – VIII вв. н.э. На территории Алтая применение мечей отдела II зафиксировано с середины VIII до середины XI в. н.э., но весьма вероятно и более позднее бытование.

Однолезвийные мечи являются типологически более поздними. Отдельные их образцы изготавливались уже скифами в IV в. до н.э. Однако самостоятельное возникновение этого оружия отмечается на востоке Азии у хунну и ханьцев в конце III в. до н.э., откуда они начинают распространяться по Евразии. Не исключено, что однолезвийные мечи произошли от длинных боевых ножей, известных, например, по материалам польцевской культуры Приамурья. На территории Алтая применение однолезвийных мечей зафиксировано для второй половины IV – XII вв. н.э.

Вогнуто-острое окончание придавалось клинку меча для усиления его колющей функции. Данный признак фиксируется на Алтае с середины IV до середины X вв. н.э.

Полусегментное окончание клинка меча указывает на преобладание его рубящей функции, хотя экземпляры с пологим сужением острия сохраняли возможность для укола. Полу сегментная форма окончания клинка известна уже у ханьских экземпляров и присуща многим однолезвийным мечам в дальнейшем. На Алтае она фиксируется у изделий второй половины IV – первой половины XI вв. н.э.

Однолезвийно-двухлезвийные мечи для территории Алтая составляют наиболее позднюю типологическую серию. Наличие второго, короткого лезвия, со стороны спинки клинка, делало их наиболее оптимальными для колющего удара. Не исключено, что

обоюдоострость нижней части клинка была сначала опробована на сабле, а потом перешла к однолезвийным мечам. На Алтае применение однолезвийно-двухлезвийных мечей фиксируется во второй половине IX-XII вв. н.э.

Сабли. Железная сабля, безусловно, является венцом развития кавалерийского оружия ближнего боя. Ее типологическая преемственность с однолезвийным мечом не вызывает сомнений. Причем первые сабли могли получиться из мечей по чисто технологическим причинам, а затем, убедившись в эффективности «бракованного» оружия, его стали изготавливать специально.

Место и время изобретения сабли определяются по-разному. Большинство специалистов согласны с гипотезой Н.Я. Мерперта о возникновении сабли в VII – VIII вв. н.э., иногда корректируя ее второй половиной VII в. или рубежом VII – VIII вв., а вот среди основных территорий называются степи Восточной Европы, Средняя Азия, Южная Сибирь, выдвигается то европейский, то азиатский приоритет. На сегодняшний день можно считать установленным, что первые сабли появились у населения ханьского Китая в I-й вв. н.э. Они имели слабоизогнутый клинок и у некоторых экземпляров наклонную рукоять, а в остальных деталях (полусегментное острие, крестовидное перекрестие, кольцевое навершие) копировали однолезвийные мечи. В дальнейшем бытование сабель зафиксировано на территории Китая в эпоху династии Северная Вэй (386-534 гг.). Это уже более изогнутые клинки, имеющие характерное для сяньбийского оружия срезанное окончание. Скорее всего, ханьские сабли применялись пехотой, и лишь появление жесткого седла с высокими луками и изобретение стремян в сяньбийской среде сделало саблю эффективной в конном бою.

Продвижение сабли со своей прародины наблюдается в таком необычном регионе, как таежная зона Западной Сибири. Это серия изогнутых клинков из Елыкаевского клада, могильника Релка и Старицинского местонахождения. Широкая датировка этих комплексов VI – IX вв. н.э. Западносибирские сабли, как и многие однолезвийные мечи этого времени, по своим признакам: широкая

полоса клинка, срезанное острие, кольчатое навершие копируют сяньбийское оружие. Их первые экземпляры могли являться южным импортом, а встречающиеся чиненые рукояти говорят о длительном использовании исходных образцов.

Наиболее ранние находки сабель классического вида пока действительно относятся к VII – VIII вв. н.э. Для Азии это сабля из тюркского (тюргешского) погребения на Тянь-Шане. Инвентарный набор этого объекта, содержащий очень архаичные стремяна с T-образной подножкой, в целом можно датировать второй половиной VII – первой половиной VIII вв. н.э. Для Восточной Европы это хорошо датированная нумизматическим материалом сабля из аланского комплекса на Северном Кавказе. Ее дата – не раньше начала VIII в. н.э.

Учитывая имеющиеся материалы, можно определенно говорить о восточноазиатском возникновении сабли. Переход ее сяньбийской разновидности в классический средневековый вид ранее всего мог произойти у тюрков, но для окончательного решения этого вопроса нужны новые материалы и исследования. На территории Алтая вещественные находки сабель зафиксированы в памятниках второй половины VIII – XIV вв. н.э., а их изображения можно подразумевать на тюркских изваяниях второй половины VII – первой половины VIII вв. н.э. Применение сабель продолжалось местным населением и в эпоху позднего средневековья [*Горбунов, Тишкин, 2005, 47, рис. 1.-1-3*].

Сабли с однолезвийным клинком, безусловно, заимствуют этот признак у однолезвийных мечей и типологически являются более ранними. Однако в средневековых комплексах Алтая они существуют одновременно с экземплярами, имеющими обоюдоострое окончание. Использование изделий разряда I прослеживается весь период бытования сабель на Алтае.

Острое окончание клинка придавало сабле дополнительную колющую функцию. На Алтае такие изделия характерны для периода второй половины VIII – XII вв. н.э. Раздел I включает один отдел и два типа.

Слабоизогнутые сабли составляют большую часть изделий. Отметим, что даже незначительный прогиб клинка усиливал его

режущие свойства. Одним из главных направлений развития клинка сабли являлось постепенное увеличение его кривизны. На территории Алтая слабоизогнутые сабли преобладают во второй половине VIII – XII вв. н.э., но встречаются и в XIII – XIV вв. н.э., представлен двумя типами и вариантами.

Полусегментное окончание клинка акцентировало саблю на рубяще-режущей функции, хотя в силу своей вытянутости могло служить и для укола. На Алтае такие изделия характерны для памятников второй половины X – XIV вв. н.э., включает один отдел и два типа.

Сильноизогнутые сабли, они обладали наиболее оптимальными рубяще-режущими свойствами. По имеющимся находкам можно предположить, что на территории Алтая первые сильноизогнутые сабли встречаются со второй половины X – первой половины XI вв. н.э., а начинают доминировать в XIII – XIV вв. н.э., представлен двумя типами и вариантами.

Сабли с однолезвийно-двухлезвийным клинком обладали наилучшими колющими качествами. Представляется, что идея обоюдоострого окончания была взята у двухлезвийного меча и сначала опробована на саблях, а уже затем этот признак перешел на однолезвийный меч. Применение однолезвийно-двухлезвийных клинков прослеживается весь период бытования сабель на Алтае, состоит из двух разделов и двух отделов.

Эволюция мечей и сабель у средневекового населения Алтая была направлена на создание конструкций, оптимальных для использования в кавалерийском бою. Отсюда вытекают основные требования к такому оружию: не слишком тяжелый вес, достаточная длина и акцент на рубящий и режущий удар. Колющая функция при всей своей важности для конного воина оставалась дополнительной.

В эпоху «великого переселения народов» на Алтае сформировался достаточно развитый набор длинно-клинкового оружия ближнего боя. Он состоял из двухлезвийных и однолезвийных мечей. Среди них встречаются как более длинные от 80 до 90 см, так и средние от 60 до 80 см клинки. Мечи с одним лезвием (5 типов) по разнообразию и количеству преобладают над обоюдоострыми

изделиями (1 тип). Все изделия данного периода имели прямую рукоять. В это же время наблюдается появление первых перекрестий. Они имели небольшие размеры и прямоугольную и прямоугольно-шаровидную форму [Горбунов, 2006, рис. 62]. Последняя форма оказалась весьма перспективной, поскольку шаровидные окончания позволяли лучше улавливать клинок противника. Набор мечей булан-кобинской культуры Горного Алтая (5 типов и 6 вариантов) выглядит весьма представительно. В нем очень отчетливо проявляется влияние хунно-саньбийской традиции, хотя присутствуют и отдельные черты сармато-кушанского воздействия. Можно говорить о выработке у булан-кобинцев и новых признаков оружия, таких как вогнуто-острое окончание клинка и крепление обкладки рукояти двумя штифтами. Набор мечей одинцовской культуры Лесостепного Алтая (3 типа и 6 вариантов) мало уступает горно-алтайскому комплексу в разнообразии и даже превосходит числом (9 экз. против 8 экз.). Его своеобразие выражается в более сильном влиянии сармато-кушанской традиции, что, очевидно, связано с продвижением кенкольского населения в алтайскую лесостепь.

В раннем средневековье на территории Алтая происходит дальнейшее наиболее интенсивное развитие длинно-клинкового оружия ближнего боя. Помимо мечей с двумя и одним лезвиями, появляются сабли, видимо, с середины VII в. н.э. и однолезвийно-двух-лезвийные мечи - с середины IX в. н.э. Преобладают средние клинки длиной 60-80 см, и лишь немногие экземпляры приближаются к 90 см. Мечи с одним лезвием составляют самую разнообразную и многочисленную серию. За ними следуют однолезвийно-двухлезвийные мечи, однолезвийные сабли, однолезвийно-двух-лезвийные сабли и обоюдоострые мечи. В начале этого периода среди мечей встречаются изделия только с прямой рукоятью. Ближе к рубежу VII – VIII вв. н.э. появляются, а с середины X в. н.э. начинают господствовать экземпляры с наклонной рукоятью. В данную эпоху происходит интенсивное развитие перекрестий, которыми снабжается все большее число мечей и сабель. Возрастает длина перекрестий, и внедряются, наряду

с прямоугольной и прямоугольно-шаровидной, их новые формы: ромбовидно-шестиугольная, крестовидная, фигурно-треугольная [Горбунов, 2006, рис. 62]. Данные изменения были направлены на повышение защиты руки, так как различные скосы и вырезы перекрестия улучшали улавливание клинка противника. В этом отношении самыми перспективными, конечно, были крестовидные изделия. Клинковый набор тюркской культуры (5 типов и вариантов мечей, 2 типа и варианта сабель) достаточно разнообразен, но пока представлен небольшим числом находок. Среди тюркских мечей присутствуют как экземпляры, восходящие к булан-кобинскому оружию, так и более передовые изделия. Особенно совершенно выглядят тюркские сабли. В тюркском наборе фиксируется появление обоюдоострого сабельного клинка и обоймы на его основании, ромбовидно-шестиугольного перекрестия. Судить о кыргызском клинковом оружии по алтайским материалам трудно. Имеется всего одна находка меча, которая, однако, демонстрирует вполне развитую конструкцию. Самым представительным по типовому разнообразию и числу находок является клинковый набор сrostкинской культуры (14 типов и 20 вариантов мечей, 4 типа и варианта сабель). В его формировании прослеживаются многие тюркские и некоторые одинцовские черты [Горбунов, 2006, рис. 62]. В сrostкинском комплексе вырабатывается целый ряд новых признаков мечей: крестовидное и фигурно-треугольное перекрестия, штырьковое крепление обкладки рукояти, колпачковые навершия и бляхи для пальцев руки. Можно говорить, что в этот период на Алтае существовали две традиции в изготовлении мечей и сабель: тюркская и сrostкинская.

Эпоха развитого средневековья ознаменована для Алтая установлением господства сабли. Если в начале этого периода у населения сrostкинской культуры еще встречаются однолезвийные мечи, то для XIII–XIV вв. н.э. известны только сабли. Они представлены двумя разновидностями, из которых сильноизогнутые изделия известны и в Горном, и в Лесостепном Алтае, а слабоизогнутый образец найден в лесостепи [Горбунов, 2006, рис. 62]. Возможно, что изображение слабоизогнутой сабли

без перекрестия есть на наскальном рисунке монгольского времени из Горного Алтая [Горбунов, 2006, рис. 74.-7]. Все найденные экземпляры имеют средние параметры с длиной клинка 62-76 см. Новыми конструктивными элементами сабель являются елмань, долы на клинке, перекрестие в виде гарды, обойма на рукояти. Все они связаны с монгольской традицией, вобравшей в себя дальневосточное и китайское наследие.

2.2 Колюще-режущее оружие

Кинжалы эпохи раннего железа. Одним из наиболее распространенных видов оружия ближнего боя у населения Горного Алтая скифского периода, являлся кинжал, который применялся в течение длительного времени. Все кинжалы Горного Алтая изготовлялись из бронзы и железа. Самыми ранними кинжалами следует считать кинжалы VIII – VI вв. до н.э., которые являются либо карасукскими, либо карасукско-майэмирскими. К сожалению, до сих пор в раннескифских памятниках Горного Алтая не найдено ни одного кинжала, все они происходят из случайных находок. Начиная с VI в до и. э. в скифских памятниках начинает появляться железное боевое оружие.

Размеры боевых полноразмерных кинжалов-акинаков определяется в пределах от 27-40 см в длину и все они изготовлены из железа, вместе с тем иногда встречаются бронзовые экземпляры, которые по своей длине приближаются к боевым.

Исследователи справедливо считают, что горно-алтайские кинжалы можно выделить в три группы: боевые, уменьшенные и миниатюрные. Если боевые кинжалы имеют стандартную длину приблизительно от 30 до 40 см., то уменьшенные от 10 до 15 см. А кинжалы миниатюрные очень часто встречаются в курганах скифского времени, причем модели кинжалов изготовлялись из различных материалов - бронзы, железа, кости, дерева.

Исследователями доказано, что кинжалы, уменьшенные и миниатюрные, происходящие из Уландрыка, Юстыда, да и из многих других погребений древних кочевников Алтая, не настоящие. Они представляют собой уменьшенные копии, специально изготовленные для погребального обряда. Такие бронзовые модели

часто отличаются небрежной отливкой, асимметрией формы. Самым основным признаком, позволяющим отличить бронзовые копии от их бронзовых же прототипов - настоящих кинжалов, могут послужить размеры тех и других. Размеры большей части бронзовых имитаций кинжалов колеблются от 10 до 20 см., при этом, как уже было сказано, длина настоящего кинжала от 30 до 40- 45см. Таким образом, среди кинжалов различаются две группы имитаций: уменьшенные и миниатюрные.

Господствующим типом боевых кинжалов в скифское время в Горном Алтае следует считать кинжалы с бабочковидным перекрестием, прямой, гладкой или рубчатой рукоятью, число их составляет 45,5% от числа всех учтённых. Среди боевых кинжалов встречаются экземпляры, имеющие прорезную рукоять, прямое, брусковидное перекрытие.

Все кинжалы найдены в погребении мужчин и подростков мужского пола. Во всех случаях, когда погребение было не нарушенным, кинжалы вместе с ножнами располагались справа от человека, вдоль его бедренной кости. Они, несомненно, крепились к ноге специально охватывающими ремешками, хорошо сохранившихся деревянных ножнах. Таким образом, древние кочевники носили кинжалы на боку. Хронологическое время бытования этих предметов вооружения ближнего и рукопашного боя очень широки.

К оружию ближнего боя режуще-колющего действия в эпоху поздней древности, раннего и развитого средневековья исследователи как правило относят боевые ножи и кинжалы.

Боевой нож – это относительно короткое однолезвийное оружие режущего действия, предназначенное для ведения ближнего (рукопашного) боя. Состоит из монолитной конструкции, включающей поражающую часть – клинок и несущую часть – черен. Дополнительными деталями ножа являются навершие, перекрестие или упор в месте перехода клинка в черен. Однако чаще всего конструкция ножа ограничивалась только плечиками (пятами). Рукоять обычно была прямой, относительно оси клинка, но могла наклоняться в сторону лезвия, что делало более прочным захват

оружия рукой. Клинок мог иметь различный профиль: прямой, вогнутый, выгнутый, Б-видный, что корректировало степень поражающего действия. Окончание клинка, как правило, делали острым, придающим изделию еще и колющую функцию.

Кинжал это не длинное двухлезвийное оружие колющего действия, предназначенное для ведения ближнего (рукопашного) боя. Состоит из монолитной конструкции, включающей поражающую часть – клинок и несущую часть – черен. К дополнительным деталям кинжала относятся перекрестие, навершие и обоймы для обкладки рукояти, но многие изделия имеют только плечики. Рукоять и клинок кинжала обычно были прямыми. Кинжалы с более длинным клинком обладали еще и режущей функцией, а с более широким клинком – рубящей.

Боевые ножи поздней древности раннего и развитого средневековья. К боевым ножам принято относить экземпляры с длиной клинка не короче 13 см и толщиной спинки не менее 0,3 см. Боевые ножи представлены целыми железными клинками с черенами, определяемыми фрагментами этих изделий, а также различными металлическими и деревянными деталями от рукоятей и ножен. Информация о шести ножах ограничена упоминаниями в публикациях или плохой сохранностью.

Боевые ножи являются одним из древнейших видов оружия ближнего боя. В железном материале они начинают изготавливаться с первых веков I тыс. до н.э. на Ближнем Востоке и в Закавказье. На Алтае первый период применения боевых ножей, отливавшихся из бронзы, приходится на II – начало I тыс. до н.э. В скифскую эпоху наблюдается полное господство кинжала. Возрождение интереса к боевому использованию ножей происходит в начале I тыс. н.э. на территории Горного Алтая, где населением булан-кобинской культуры начинают изготавливаться достаточно длинные железные ножи, явно предназначавшиеся для военных целей.

Наличие одного лезвия треугольного сечения являлось для ножа наиболее оптимальным конструктивным решением, необходимым для выполнения его главной режущей функции. Поэтому большинству клинков присущ именно этот признак.

Иногда, видимо, когда было нужно увеличить массивность ножа без увеличения его размеров, клинок мог иметь более выпуклое сечение почти килевидной или пятиугольной формы.

Боевые ножи средневекового населения Алтая, безусловно, являлись лишь вспомогательным оружием ближнего боя. Об этом говорят, как их относительно небольшие параметры, так и развитый набор длинно-клинкового оружия в виде мечей и сабель. Очевидно, основными областями боевого применения ножей являлись тесная рукопашная схватка и единоборство. Незаменимы они были в качестве средства личной безопасности. Присущие ножам универсализм и компактность делали удобным их постоянное ношение.

Кинжалы поздней древности раннего и развитого средневековья. В средневековых памятниках Алтая вещественные остатки кинжалов обнаружены на 16 объектах. Это целые железные клинки с черенами и фрагменты подобных изделий, а также различные металлические и деревянные детали рукоятей и ножен. Сведения о двух кинжалах ограничены только упоминаниями в публикациях. Сохранность одного экземпляра не позволяет дать его полную характеристику. На территории Горного Алтая найдено 7 кинжалов, все из курганных погребений. С территории Лесостепного Алтая происходит 9 кинжалов из курганных и грунтовых погребений.

Железные кинжалы в виде отдельных находок известны с XIV в. до н.э., а их постоянное производство начинается с VIII в. до н.э. На Алтае применение кинжалов фиксируется с начала II тыс. до н.э. и имело непрерывный характер. До VI в. до н.э. все кинжалы делались из бронзы. В скифскую эпоху появляются их первые железные образцы, которые окончательно вытесняют свои бронзовые аналоги лишь к рубежу IV – III вв. до н.э. В I тыс. н.э. железные кинжалы являлись важным вспомогательным средством в рукопашном бою у воинов Алтая, хотя в разнообразии и количественном отношении уступали боевым ножам.

Кинжалы, применяемые воинами Алтая, являлись вспомогательным средством ближнего боя. Интересно, что китайские летописи называют кинжалы тюрок поясными украшениями.

Основные области их использования совпадали с боевыми ножами, но кинжалы можно считать более специализированным видом оружия.

Эволюция боевых ножей и кинжалов у средневекового населения Алтая берет свое начало в предыдущем хунно-сяньбийском времени, когда населением булан-кобинской культуры были освоены основные формы этих видов оружия. В эпоху «великого переселения народов» наблюдается наибольшее типологическое разнообразие вспомогательных средств ближнего боя, которые к тому же достаточно часто помещались в погребальные комплексы. Ведущим являлся булан-кобинский набор вооружения, включавший три разновидности боевых ножей и две кинжалов. Особое внимание в нем придавалось усилению режущих и колющих свойств у ножей. Набор вооружения одинцовской культуры представлен двумя разновидностями боевых ножей и одной кинжалов. Его ножи почти копируют горно-алтайские аналоги, а кинжал является наследием среднеазиатской (кенкольской) традиции.

В раннем средневековье вспомогательное оружие ближнего боя применялось в Горном Алтае населением тюркской и киргизской культур, в Лесостепном Алтае населением сросткинской культуры. Тюркский набор включал две разновидности боевых ножей и две кинжалов. В его развитии прослеживается дальнейшая тенденция к усилению проникающих качеств оружия. Это выразилось в появлении новых форм сечения клинка у ножей и его абриса у кинжалов. В тюркских погребально-поминальных комплексах находки боевых ножей и кинжалов очень редки, однако их частое изображение на каменных изваяниях свидетельствует об обязательном присутствии в воинской экипировке. Киргизский набор вооружения включал по одной разновидности боевых ножей и кинжалов. Для конструкции первых отмечается появление нового признака, усиливающего колющую функцию – елмани (верхней часть сабли близ острия). Набор оружия ближнего боя сросткинской культуры представлен двумя разновидностями ножей и кинжалов, которые в своем изготовлении следуют в русле тюркской и предшествующей ей булан-кобинской традиций.

В эпоху развитого средневековья на Алтае наблюдается применение только боевых ножей, за исключением поздних памятников сросткинской культуры, наиболее простых форм, по одной разновидности которых имеется у горно-алтайских и лесостепных воинов.

Носились и хранились боевые ножи и кинжалы в деревянных ножнах. Футляры ножей могли дополнительно скрепляться широкими железными обоймами, одной или двумя и подвешивались к поясу при помощи железных цепочек из витых 8-видных звеньев и колец. Окончание ножен иногда снабжалось железным наконечником трапецевидной формы. Перечисленные детали характерны для булан-кобинского и одинцовского снаряжения. Полную оковку корпуса листовым серебром, со вставками из золотой фольги, бутероль, семь обойм и две пряжки имели ножны кинжала из одинцовского погребения в Тугозвоново. Они подвешивались к поясу двумя портупейными ремнями, застегнутыми на пряжки. Такой же способ подвешивания наблюдается у тюркских ножей и кинжалов на каменных изваяниях. Они крепились к ремням через сегментные скобы аналогично мечам и саблям, но располагались почти по центру пояса с легким наклоном или параллельно ему.

Боевые ножи и кинжалы, обнаруженные в средневековых памятниках Алтая, не являлись бронбойным оружием. Вероятно, некоторые их типы, с елманью и треугольным клинком, могли повредить кольчугу, но, скорее всего, были бессильны против железного пластинчатого доспеха. В тесном рукопашном бою с тяжеловооруженным противником назначение ножа и кинжала состояло в нанесении удара по стыкам и сочленениям частей бронепокрытия, свободным или защищенным «мягким» доспехом участкам.

Судя по находкам боевых ножей и кинжалов в погребальных памятниках, они состояли на вооружении различных слоев общества. Это могли быть самые бедные (безлошадные) воины и богатые военачальники высокого ранга.

Помимо кинжалов, средневековые воины Алтая могли применять еще один вид короткого оружия колющего действия -

стиллет. Единственная похожая находка сделана в кургане тюркской культуры второй половины VI - первой половины VII вв. н.э. на территории Горного Алтая. Это железное изделие, состоящее из клинка и рукояти [Горбунов, 2006, рис. 66-13]. Клинок имеет килевидную форму, с острым окончанием и четырехгранное (прямоугольное) сечение. Его длина 14,5 см, шах ширина 1,5 см, max толщина 0,6 см. От рукояти сохранилась часть деревянной основы и железной пластинчатой накладки с крепежными штифтами и петлей для подвешивания. Общая длина этих фрагментов 12 см. Характер крепления рукояти к клинку не совсем ясен. Клинок мог через слабовыраженные плечики переходить в прямой плоский черен. На последний с обеих сторон накладывались деревянные планки и железные пластины, скрепляемые штифтами. Данное оружие было рассчитано на сильный проникающий удар и, вероятно, предназначалось для пробивания доспеха в тесной рукопашной схватке. Впрочем, полной уверенности в том, что изделие, обнаруженное на могильнике Кудыргэ, является стилетом, у нас нет [Горбунов, 2006, 83].

2.3 Рубящее оружие

Рубящее оружие, как вид вооружения, характерно для населения Алтая со второй половины первого тысячелетия нашей эры. К данному виду оружия относятся боевые топоры.

Боевой топор – это оружие ударно-колющего действия, предназначенное для ведения ближнего боя. Состоит из двух основных отдельных частей: поражающей - боек или собственно топор и несущей-рукоять или древко. Боевые топоры от универсальных и рабочих отличаются меньшие размеры, более узкий клинок и, как правило, наличие четко выделенного, более длинного обуха.

Железные боевые топоры изначально появляются на Ближнем Востоке, с момента широкого освоения черной металлургии в начале I тыс. до н.э. На территории Алтая первые боевые топоры делались из камня и меди, а во II – начале I тыс. до н.э. из бронзы. Их железные образцы распространяются здесь достаточно поздно, в раннем средневековье, что было связано с длительным господством

другого вида древкового оружия ближнего боя ударно-колющего действия – чекана.

Проушные боевые топоры достаточно широко применялись населением Алтая с эпохи энеолита до начала I тыс. до н.э., пока их надолго не заменили в сфере вооружения чеканом. Новое внедрение проушного топора в боевую практику у населения Алтая начинается в тюркскую эпоху и фиксируется на протяжении второй половины VII – XIV вв. н.э.

Высокий обух для территории Алтая является хронологически более ранним признаком железного топора. Высокообушные изделия зафиксированы здесь только в памятниках тюркской культуры Горного Алтая второй половины VII – первой половины IX вв. н.э. Раздел I включает один отдел и один тип.

Топоры с округлым проухом также являются для Алтая хронологически более ранними, но использовались несколько дольше на протяжении второй половины VII – первой половины X вв. н.э. представлен одним типом и тремя вариантами.

Экземпляры с овальным проухом типологически развивают округлые образцы отдела I, путем постепенного сплющивания боковых сторон проуха. Их бытование на Алтае фиксируется на протяжении второй половины VIII – XIV вв. н.э., представлен тремя типами и четырьмя вариантами.

Помимо вещественных находок боевых топоров, на территории Горного Алтая обнаружено тюркское каменное изваяние с изображением такого оружия. Это небольшой топор с высоким, немного отогнутым обухом и секировидным клинком. Он имеет прямое топориче, подвешенное к наборному поясу в вертикальном положении. По существу, это еще один тип, не представленный пока реальными предметами. Наиболее близок ему, по форме клинка, болгарский топор из Биляра, датируемый XII – XIII вв. н.э. Изваяние по имеющимся реалиям можно отнести к эпохе II Восточно-Тюркского каганата, что ставит изображенный на нем топор в один хронологический ряд с экземплярами типа I.

Имеющиеся на сегодняшний день источники позволяют наметить эволюцию боевых топоров у населения Алтая в самых

общих чертах. Типологически ранними являются экземпляры типа I, появившиеся у тюрков в середине – второй половине VII в. н.э. Видимо, первые образцы этого оружия были заимствованы у алано-болгарских племен во время господства Великого Тюркского и Западно-Тюркского каганатов на Северном Кавказе и в Волго-Донском междуречье. Там тюрки могли убедиться в эффективности боевых топоров и в дальнейшем разработать свою более легкую модификацию типа I, которую переняли кыргызы и население юга Западной Сибири. Последующее развитие данного оружия в Горном Алтае и Южной Сибири шло по пути постепенного увеличения общих размеров, при уменьшении относительной ширины клинка, от трапезиевидной формы к вогнуто-прямоугольной. Очевидно, это диктовалось необходимостью повышения ударной мощи. В Лесостепном Алтае появление боевых топоров можно связывать с тюркской традицией. Во всяком случае, сrostкинский тип 3 явно происходит от тюркского типа I. Возможно, данная линия повлияла на внедрение этих экземпляров у кыргызов, а затем монголов. На эпоху развитого средневековья приходится всего один топор, восходящий к болгарско-золотоордынской традиции. Его находка в Лесостепном Алтае лишней раз подтверждает вхождение этой территории во владения Улуса Джучи.

В целом удельный вес боевых топоров в вооружении средневекового населения Алтая был значительно меньшим, чем видов клинкового оружия. Однако интенсивное развитие доспеха, против которого топор являлся наиболее эффективным средством ближнего боя, заставляло воинов Алтая применять и совершенствовать это оружие. У тюрков боевые топоры являлись достаточно ценными предметами, на что указывает их помещение в тайники высоко в горах, а использование боевых топоров, судя по погребальным комплексам, являлось прерогативой состоятельных дружинников и аристократии.

2.4 Колющее оружие

Копье - это оружие колющего действия, предназначенное для нанесения таранного удара на средней дистанции. Состоит из двух

основных отдельных частей: поражающей - наконечник и несущей-древко.

На территории Горного Алтая копия гунно-сарматского времени были обнаружены только на одном памятнике в Катанде I исследованном в прошлом веке В.В. Радловым. Они известны нам по фотографиям и рисункам из альбома В.В. Радлова. Это два наконечника одно с граненым, другое с плоским наконечником удлиненно-ромбической формы и разомкнуто - втульчатый насадом, втулки конусовидной формы.

По мнению Ю.С. Худякова данные наконечники копий относятся к VI – X в., н.э. и VII – X вв. н.э. т.е. датируются древнетюркским временем. Остальные исследователи датируют их более ранним временем – V – VI вв. н.э. и IV – V вв. н.э.

Подобные наконечники обнаружены и в памятниках этого периода 9 прилегающих территориях. Входили в комплекс вооружения: гуннов, кокэльцев, таштыкцев. Датировка их применения у данных народов начинается со II в. до н.э. Верхняя граница распространения подобных наконечников на территории Южной Сибири и Центральной Азии определяется поздним средневековьем.

Железные наконечники копий начинают изготавливаться с XI – X вв. до н.э. в различных районах Восточного Средиземноморья: Египет, Палестина, Сирия, Малая Азия, Греция и, судя по всему, в Иране. Одна находка из Египта датируется еще раньше – XX – XIX вв. до н.э. Уже в VIII – VII вв. до н.э. копия с наконечниками из железа становятся известны ассирийцам, урартам, скифам, а в VI – V вв. до н.э. распространяются в пределах Ахеменидской державы и у большинства кочевых племен западной части Евразийских степей. В Восточной Азии первые железные наконечники копий появляются с конца IV – III вв. до н.э. На Алтае они зафиксированы в курганах каменской культуры III – II вв. до н.э. и булан-кобинской культуры II – первой половины IV вв. н.э. Во второй половине IV – XII вв. н.э. наблюдается наиболее массовое применение железных наконечников копий алтайским населением. Отдельные их находки известны для XIII – XIV вв. н.э. и эпохи позднего средневековья.

Наконечники копий с втульчатым насадом появились на Ближнем Востоке во второй половине III тыс. до н.э., потеснив более ранние черешковые изделия, а к середине II тыс. до н.э. втульчатая конструкция насада абсолютно возобладала и в дальнейшем принципиально не менялась. Все наконечники копий, найденные на Алтае, начиная с эпохи бронзы и до позднего средневековья, вне зависимости от материала, являются втульчатыми. Исключение составляет один бронзовый экземпляр, обнаруженный в кургане афанасьевской культуры Горного Алтая, который имел раздвоенный насад.

Копья с железными наконечниками, снабженными длинными втулками, для территории Алтая хронологически являются более ранними. Таковы каменные, булан-кобинские, одинцовские, раннетюркские и раннесросткинские экземпляры. Их использование приходится на период с III в. до н.э. до середины X в. н.э., представлен двумя отделами и тремя типами.

Изделия с пером линзовидного сечения типологически сменяют наконечники с двухлопастным пером и известны уже у скифов с конца VII в. до н.э. и у сарматов с IV в. до н.э. Их проникающие способности, очевидно, были выше, чем у двухлопастных, за счет более обтекаемой формы. В Центральной Азии копия с линзовидными наконечниками преобладают в сяньбийском комплексе вооружения конца I – III вв. н.э. На Алтае линзовидное сечение встречается у наконечников каменской, буланко-бинской, одинцовской, тюркской и сросткинской культур с III в. до н.э. до середины IX в. н.э., делится на два типа и варианта.

Наконечники с пером четырехгранного сечения в виде плотного ромба, возможно, произошли от наиболее толстых и узких линзовидных экземпляров. Наличие четырех граней при плотном теле пера обеспечивало ему отличные бронебойные качества. Первые образцы копий с таким пером появляются на юго-востоке Монголии у сяньби в конце I – III вв. н.э. В эпоху «великого переселения народов» они заимствуются кочевниками Южной Сибири, а в период Тюркских каганатов распространяются по степному поясу Евразии. Их активное применение фиксируется до

эпохи позднего средневековья. На территории Алтая ромбовидное сечение встречается у наконечников булан-кобинской, тюркской и сrostкинской культур с середины IV по XII вв. н.э., редставлен одним типом и вариантом.

Копья с наконечниками, равновеликими втулкам, на территории Алтая. Они составляют самую многочисленную и типологически разнообразную серию, включающую булан-кобинские, тюркские, сrostкинские, кармацкие и горноалтайские монгольского времени образцы. Их использование охватывает период с середины IV по XIV вв. н.э., представлен шестью отделами и семью типами.

Экземпляры с ромбовидным сечением пера состоят из одного типа и трех вариантов.

Наконечники с четырехгранным пером в виде уплощенного ромба могут происходить от двухлопастных образцов, у которых разделительные валики преобразовались в грани, или от толстых и широких линзовидных экземпляров. Уплощенно-ромбовидные наконечники были широко распространены у скифов и сарматов. Сохраняется и даже возрастает их значение у народов Восточной Европы в эпоху средневековья. В Центральной Азии и Сибири наконечники отдела III известны с IX по XVII вв. н.э. На территории Алтая они встречаются в ареале сrostкинской и кармацкой культур во второй половине IX – XIV вв. н.э. Отдел III представлен одним типом и вариантом.

Наконечники копий с четырехгранным пером в виде прямоугольника технологически могут восходить к отделу I или наконечникам стрел аналогичного сечения. Экземпляры с прямоугольным сечением пера достаточно редки и характерны для киданьских копий X – XII вв. н.э. На Алтае такие наконечники известны в ареале кармацкой культуры XIII – XIV вв. н.э., представлен двумя типами и вариантами.

Изделия с трехгранным пером в виде треугольника, скорее всего, восходят к наконечникам стрел с аналогичным сечением. Копья с трехгранными наконечниками известны у согдийцев в первой половине VIII в. н.э., в монгольском вооружении XIII – XIV вв. н.э. и на Руси в первой половине XVI в. н.э., представлен одним типом и вариантом.

Наконечник копья с четырехлопастным сечением пера технологически может восходить к отделу II или наконечникам стрел с аналогичным сечением. Такие экземпляры достаточно редки и известны в комплексе вооружения волжских булгар X – XI вв. н.э. и монголов XIII – XIV вв. н.э., представлен одним типом и вариантом.

Наконечник копья с четырехгранно-четырёхлопастным сечением пера представляет собой комбинацию из отделов II и VI. Подобное сечение есть у наконечников копий киданей X – XII вв. и у одной находки из Барабы, которая относится к позднему средневековью. Отдел VII представлен одним типом и вариантом.

Копья с наконечниками, снабженными короткими втулками, для территории Алтая хронологически являются наиболее поздними. Таковы сrostкинские экземпляры. Их использование приходится на период с середины IX по XIV вв. н.э. Наконечники раздела III представлены двумя отделами и тремя типами.

Экземпляры с уплощенно-ромбовидным сечением пера состоят из двух типов и вариантов.

Наконечники с трехгранно-трехлопастным пером копируют наконечники стрел с аналогичным сечением. Подобное сечение для копий – большая редкость. Оно имеется на одном киданьском наконечнике X – XII вв. н.э. и у экземпляра из адыгского погребения Северного Кавказа XIV – XV вв. н.э., представлен одним типом и вариантом.

2.5 Оружие ударного действия.

Чеканы. Чекан как абсолютное оружие ближнего боя был широко распространен у племен Горного Алтая скифского времени. В комплексе вооружения древнего населения Алтая чеканы занимали далеко не последнее место, что не соответствует высказанному мнению о второстепенности этого вида оружия у алтайских кочевников. Как оружие ближнего боя, чеканы обладали замечательными боевыми качествами, они предназначались в первую очередь для поражения защищенного доспехом противника. О широком распространении чеканов среди населения Горного Алтая в скифское, время свидетельствуют довольно частые их

находки в курганах. После кинжалов, среди оружия ближнего боя, чеканы прочно стоят не втором месте. Широкое распространение имели чеканы у населения тагарской культуры, населения скифских культур Тувы, Северо-Западной Монголии, лесостепного Алтая.

В Горном Алтае известны два вида чеканов – втульчатые и проушные, среди них известны настоящие, боевые изготовленные из бронзы и железа, уменьшенные, в основном изготовленные из бронзы и миниатюрные или вотивные, которые отливались из бронзы, вырезались, из кости и дерева. Полноразмерные или настоящие боевые чеканы отличаются прежде всего своими размерами, они имеют общую длину свыше 20 см, диаметр проуха или втулки 2-4 см, диаметр бойка 16-18 мм. Бронзовые боевые чеканы несколько меньше железных их длина 18-20 см, длина бойка 6-10 см, диаметр бойка 11-18 мм, диаметр проуха 2-3 см. Уменьшенные чеканы имеют длину менее 18 см. Модели чеканов совсем небольшие, их обычная длина 5-14 см, бронзовые образцы отличаются также небрежностью изготовления. Наиболее часто встречаются уменьшенные образцы, но сопоставляя их с известными полноразмерными чеканами, можно говорить о том, что уменьшенные экземпляры в основном повторяют облик настоящего оружия.

Железные чеканы делят выделено два отдела – втульчатых и проушных. Всего выделено три типа – круглообушковый, четырёхгранно-обушковый и плоскообушковый. Среди железных чеканов всего выделено две группы. Хронологически железные боевые чеканы бытовали в Горном Алтае длительное время, появляются они в конце VI в до н.э., об этом свидетельствуют материалы Ак-Алахи, Быстрянки. И на завершающем этапе пазырыкской культуры железные полноразмерные чеканы оставались в арсенале древних кочевников Горного Алтая. Это находит подтверждение в том, что такие чеканы найдены в поздних курганах Узунтала, Кош-Тала, Малталу, которые датируются III-II вв. до н.э. Концом первого тысячелетия датируется и Катонский могильник. Очевидно в это время, то есть в VI – I вв. до н.э. в Горном Алтае сосуществовали как втульчатые, так и проушные чеканы. Косвенно об этом свидетельствует факт нахождения чеканов двух

видов в одном погребении на могильнике Дужерлиг-Ховузу I в Туве.

Бронзовые втульчатые чеканы, несмотря на свою малочисленность, позволяют сделать несколько выводов. В раннескифское время в Горном Алтае были распространены архаичные чеканы с длинной втулкой. Выделено четыре группы чеканов и два типа. Наиболее, ранним горно-алтайским чеканом следует считать чекан из Усть-Кана, ближайшие аналогии ему, известны в Туве, датируется чекан VIII – VII вв. до н.э. Остальные архаичные чеканы датируются VII – VI вв. до н.э., аналогии им известны среди тагарских чеканов. Исключение составляет бронзовый чекан четвертой группы, форма которого вообще не характерна для Сибири. Можно предположить, что Горный Алтай был один из районов, где происходило формирование этого типа чеканов. Начиная с конца VI в до н.э. втульчатые чеканы в Горном Алтае вытесняются проушными, но это не означает, что втульчатые чеканы не бытовали. Достаточно вспомнить о находке железного боевого втульчатого чекана из Ак-Алахи и некоторых уменьшенных и миниатюрных экземплярах, найденных в курганах V – III вв. до н.э. в различных пунктах Горного Алтая.

Однако господствующим видом чеканов в Горном Алтае, конечно же, были проушные чеканы. Но подсчетам А.С.Суразакова они составляли 77,6 % от общего числа им учтенных. Проушные чеканы также хорошо известны в памятниках скифского времени на сопредельных с Горным Алтаем территориях – Тувы, Северо-Западной Монголии [Новгородова, 1989, 263]. Эти области входили в состав большой историко-культурной общности, которую условно можно назвать саяно-горно-алтайской.

Бронзовые проушные чеканы различных типов бытовали в Горном Алтае на протяжении длительного времени с VI в до н.э. до II – I вв. до н.э. Об этом свидетельствуют многочисленные материалы. Проушные чеканы, по мнению А.С.Суразакова, появляются в конце VI в до н.э., это не противоречит и нашим наблюдениям. Из боевых бронзовых проушных чеканов наиболее ранними можно считать, массивный чекан из вымостки I, могильника Кырлык I, который датируется VI – V вв. до н.э., возможно даже VI в до н.э. VI – V

вв. до н.э. датируется боевой чекан могильника Кайнду, курган 6, ранним признаком этого чекана можно считать многогранность обушка. Боевые бронзовые чеканы могильников Аргут и Уландрык также датируются периодом V – IV вв. до н.э. На наш взгляд бронзовые боевые чеканы активно использовались алтайскими кочевниками в VI – IV вв. до н.э., в этот период они сосуществуют с аналогичными железными полноразмерными чеканами. Начиная с V в до н.э. наблюдается резкое увеличение количества уменьшенных и миниатюрных экземпляров, находимых в погребениях Горного Алтая. Похожие процессы отмечены и на памятниках тагарской культуры. Это можно объяснить тем, что железо почти полностью вытесняет бронзу как материал для изготовления этого вида оружия. Находимые в погребальных комплексах уменьшенное и миниатюрное оружие, повторяя облик настоящего боевого, очевидно уже не имели практического значения. Бронзовые чеканы этих видов встречены в курганах, которые охватывают практически всю территорию Горного Алтая. Основная, их масса датируется V – III вв. до н.э. Таковы чеканы, раскопанные в ряде крупных могильников Уландрык, Юстыд, Барбургазы и Малталу, Кызыл-Джар, Кара-Коба и т.д. Вместе с тем, довольно хорошо вычленяются миниатюрные чеканы III – II вв. до н.э. и миниатюры II – I вв. до н.э. Прежде всего они отличаются своими размерами – средняя их длина составляет 10-12 см, отлиты они небрежно, на многих чеканах остаются следы незачищенных литейных швов. К самым поздним горно-алтайским чеканам относятся их модели, выполненные из бронзы, железа, кости и дерева. В конце скифской эпохи роль чеканов, как оружие ближнего боя постепенно сходит на нет, однако их продолжают применять в бою. Об этом свидетельствуют материалы позднескифских курганов -Узунтала, Кон-Тала, Катона и др. В памятниках последующей эпохи чеканов уже нет, хотя имеется упоминание о находке железного чекана в погребении гуннского типа.

Ведущим типом проушных бронзовых чеканов можно считать чеканы с округлым в сечении бойком и обушком, далее идут чеканы

с плоским обушком. Типично алтайским типом можно считать чеканы четвертой группы, третьего типа.

Алтайские чеканы в погребениях всегда находятся в районе пояса у правого бока. Аналогичный способ ношения отмечен и в лесостепном Алтае, в Минусинской котловине, Туве, Монголии. Такой же способ ношения чеканов зафиксирован на оленных камнях. Чеканы носились боевой частью вверх, закрепляясь к поясу с помощью специальных портупейных ремней и различных: застежек в виде кабаних клыков или их имитаций из дерева, а также застежки в виде головки птицы. Чеканы просовывались в специально вырезанные отверстия ремня, который крепился портупеей к поясу, что, собственно, и было показано на предполагаемой реконструкции [Кочеев, 1988, 155, рис.5]. Вероятно, одним из способов ношения чеканов был тот способ, когда боевую часть чекана помещали в кожаный чехол. Впервые на этот факт обратил внимание А.Д.Грач, который отметил, что в пазырыкском погребении кургана 1 могильника Саглы-Бажи II в Туве чеканы носились в чехлах, в которые вставлялись и рукояти, и сами чеканы. В Горном Алтае отмечено два факта нахождения чеканов в чехлах – в кургане I могильника Коркечу и в кургане 2 могильника Узунтала III.

Находки чеканов в погребениях показывают, что чеканы насаживались на деревянные рукояти длиной 60 – 80 см. Очевидно рукоять чеканов такой длины была своего рода стандартом, аналогичная длина рукоятей чеканов зафиксирована и на памятниках других территорий. Рукояти чеканов окрашивались, либо красной краской полностью, либо чередующимися красными полосками, либо полосками красного и черного цветов. Рукояти боевых чеканов имели овальную форму в сечении, и наблюдения В.Д. Кубарева о том, что рукоять такой формы была более удобной и эффективной при нанесении поражающего удара, кажется справедливой деревянные рукояти закреплялись в проушинах при помощи специальных клиньев. Остатки деревянных клиньев в рукоятках сохранились на многих чеканах. Для того чтобы чеканы не соскальзывали с рукоятей, вырезались специальные уступы. Эти факты были зафиксированы В.Д. Кубаревым.

Боевые чеканы иногда встречаются с втоками, которые насаживались на конец рукояти. Втоки в Горном Алтае встречены в семи случаях, изготавливались они из бронзы и железа. Бронзовые втоки встречены на памятниках Бийск, Майма, Туекта и. Боротал. Железные втоки обнаружены на памятниках - Быстрянка, Ак-Алаха и Боротал. Кроме этого, в ряде курганов юго-восточного Алтая встречены деревянные имитации втоков, которые вырезаны на концах рукоятей. Все алтайские втоки параболоидной или митровидной формы. Это типично алтайские типы втоков, аналогии им известны в памятниках Тувы и Монголии. Для тагарской же культуры втоки митровидной формы не характерны. Массивные бронзовые и железные втоки использовались не только для предохранения конца рукояти, но и для нанесения ударов концом древка по противнику.

Чеканы, как и кинжалы-акинаки, луки и стрелы составляют классический вариант комплекса вооружения южно-сибирского всадника-лучника. По мнению автора, чеканы могли использовать в пешем и конном бою [Кочеев, 1988, 151]. Боевые чеканы, насаженные на длинные рукояти можно было применять конными воинами, когда применение других видов оружия было ограничено. Конный воин также мог поразить своего пешего противника. Эту точку зрения, также поддерживал Г.Е. Иванов. Однако существует точка зрения о том, что чеканы использовались только пешими воинами.

Чеканы также использовались при совершении различных культовых обрядов, в частности с ритуальным убийством коней при совершении погребального обряда. Практически все черепа коней, сопровождающие погребённых, имеют характерные следы от ударов чеканом. Следы ран, нанесенные чеканом, имеются и на черепах коней. Возможно, это следы боевых ран, но возможно также, что чеканом совершались ритуальные убийства.

На протяжении скифской эпохи в Горном Алтае чеканы являлись распространенным видом оружия ближнего боя. Роль этого вида оружия была довольно велика, и лишь в конце скифской эпохи она была подорвана окончательно.

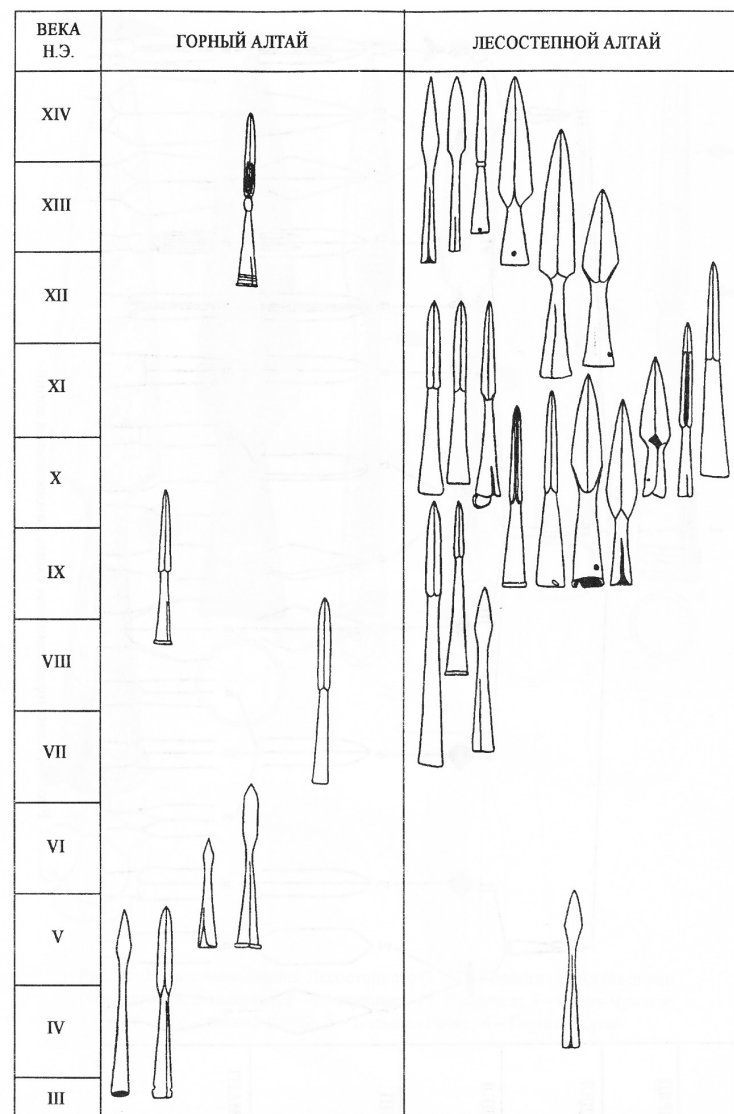


Рисунок 2. Типолого-хронологическая схема наконечников копий.
(В.В.Горбунов, 2006)

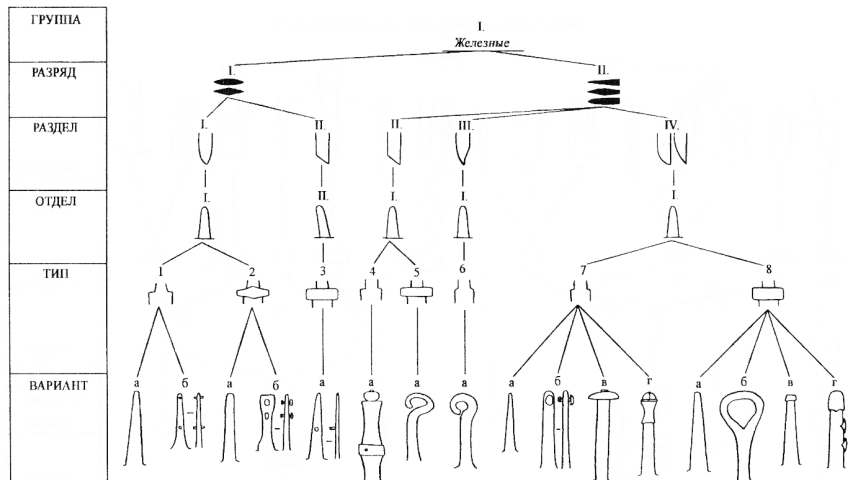


Рисунок 3. Классификационная схема мечей.
(В.В.Горбунов, 2006)

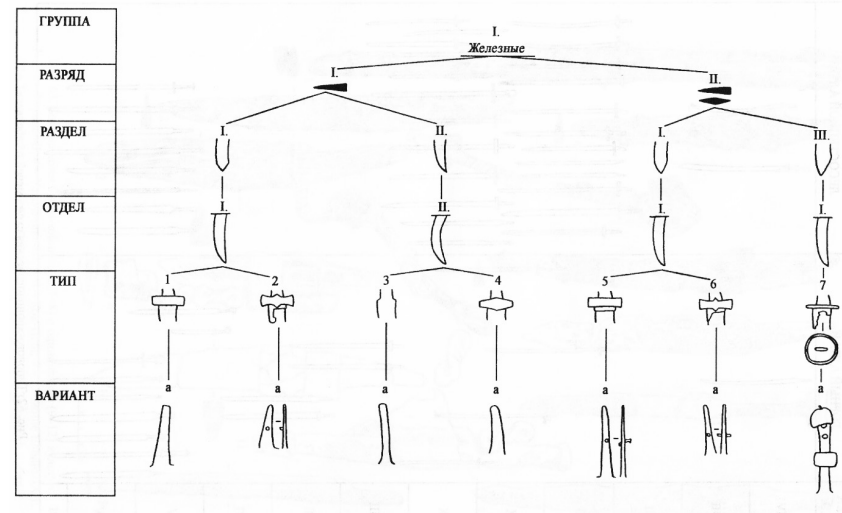


Рисунок 5. Классификационная схема сабель.
(В.В.Горбунов, 2006)

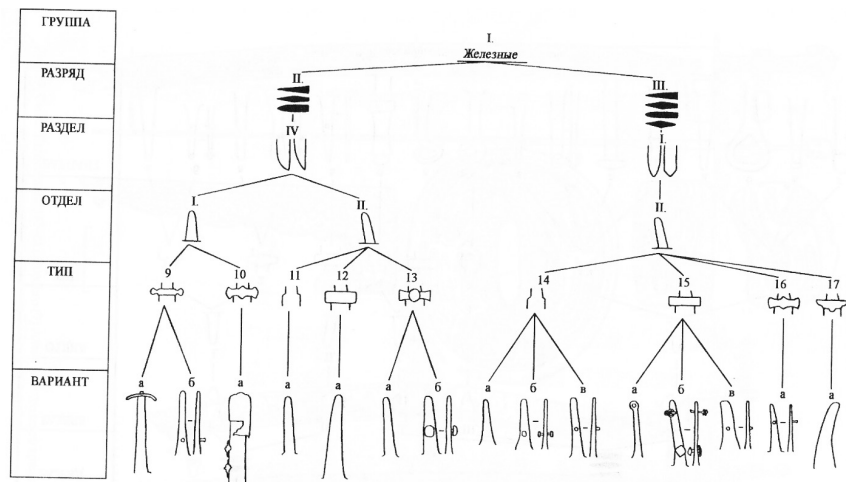


Рисунок 4. Классификационная схема мечей. (окончание)
(В.В.Горбунов, 2006)

ВЕКА Н.Э.	ГОРНЫЙ АЛТАЙ	ЛЕСОСТЕПНОЙ АЛТАЙ
XIV		
XIII		
XII		
XI		
X		
IX		
VIII		
VII		
VI		
V		
IV		
III		

Рисунок 6. Типолого-хронологическая таблица мечей и сабель.
(В.В.Горбунов, 2006)

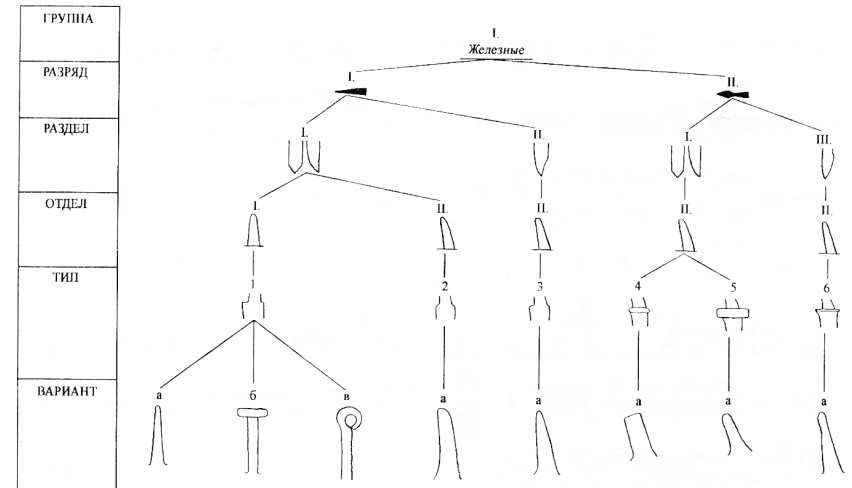


Рисунок 7. Классификационная схема боевых ножей.
(В.В.Горбунов, 2006)

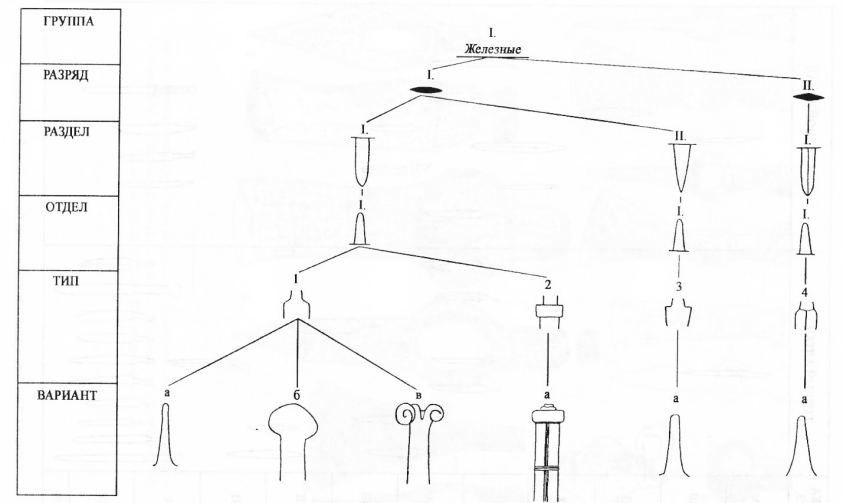


Рисунок 8. . Классификационная схема кинжалов.
(В.В.Горбунов, 2006)

ВЕКА Н.Э.	ГОРНЫЙ АЛТАЙ	ЛЕСОСТЕПНОЙ АЛТАЙ
XIV		
XIII		
XII		
XI		
X		
IX		
VIII		
VII		
VI		
V		
IV		
III		

Рисунок 9. Типолого-хронологическая таблица боевых ножей и кинжалов (В.В.Горбунов, 2006)

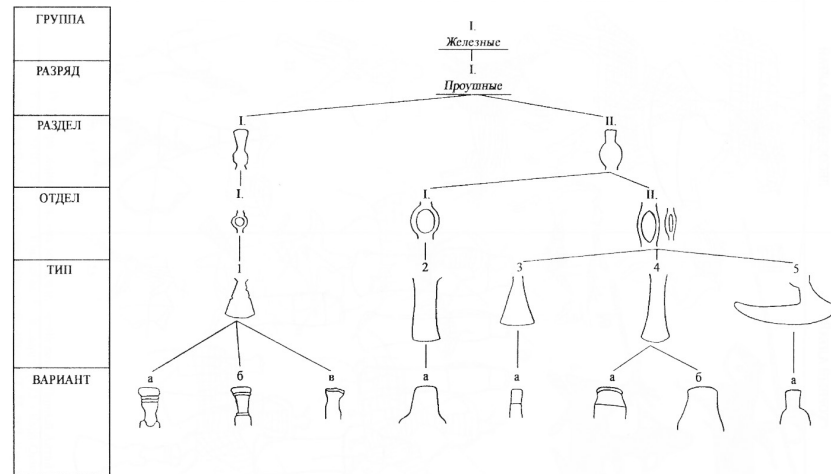


Рисунок 10. Классификационная схема боевых топоров. (В.В.Горбунов, 2006)


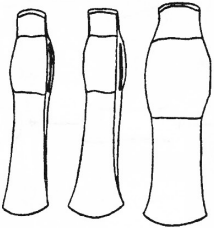



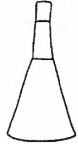

ВЕКА Н.Э.	ГОРНЫЙ АЛТАЙ	ЛЕСОСТЕПНОЙ АЛТАЙ
XIV		
XIII		
XII		
XI		
X		
IX		
VIII		
VII		

Рисунок 11. Типолого-хронологическая таблица боевых топоров
(В.В.Горбунов, 2006)

3. Защитное вооружение

Оборонительное или защитное вооружение предназначается для защиты от наступательного оружия. С древних времен оно являлось важнейшей частью всего комплекса вооружения. Развитие наступательного и оборонительного вооружения всегда было связано между собой – развивалось наступательное оружие, одновременно совершенствовалось оборонительное, эволюцию обоих видов вооружения можно рассматривать как своеобразное «соревнование меча и щита», в котором опережение в развитии одного вида вооружения, неизбежно влекло улучшение другого вида.

3.1 Защитное вооружение человека

Комплекс оборонительного вооружения племен Горного Алтая скифского времени включает в себя следующие средства защиты- доспехи (панцири), защитные детали доспеха (пояса, поножи), шлемы и щиты. Полный набор всех видов оборонительного вооружения до сих пор не встречен ни в одном кургане Алтая. Логично предположить, что применяемые средства защиты племен скифского времени Горного Алтая в целом соответствуют комплексу защитного вооружения скифов, саков, савроматов, сарматов.

Панцири. Панцири считаются наиболее развитой и сложной категорией защитного вооружения, формирование которого, по мнению ряда исследователей, произошло в V – IV вв. до н. э.

В древности существовало несколько видов доспеха — чешуйчатый, ламмелярный, ламинарный и пластинчатый. Развитие наступательного оружия, в особенности лука и стрел, обусловило развитие оборонительного доспеха. В среде кочевников евразийских степей в середине I тысячелетия до н.э. широкое распространение получил чешуйчатый доспех. Он имел мягкую основу, на которую нашивались пластинки из твердого материала за отверстие, расположенные в верхних двух третях на плоскости таким образом, что нижняя часть пластинок верхнего ряда перекрывает верхнюю часть пластинок нижнего ряда. Чешуйчатый доспех был хорошо известен скифам и сарматам, знакомы они были и с принципами ламмелярного доспеха. Пластинки этого типа

доспеха имеют отверстия по всей поверхности, но пришивались они к мягкой основе только через отверстия в верхней части, а через дополнительные нижние, они соединялись между собой при помощи ремешков. Такой тип доспеха защищал отдельные тетки тела воина. Ламинарный доспех не имел мягкой основы, он образовывался длинными полосками из твердого металла, который располагался горизонтально и скреплялся между собой через отверстия при помощи ремешков и тесемок. Пластинчатый доспех представлял собой один крупный кусок твердого металла, который защищал определенную часть тела.

Прямых данных о существовании панцирей у древних кочевников Горного Алтая нет, но развита технология изготовления войлочных и кожаных изделий, хорошо известная по материалам курганов Алтая, позволяет предполагать, что в качестве защиты тела воина могли использовать толстый войлок, а также кожу и ткани. Простеганная одежда из войлока, кожи и ткани могла играть роль простейшего доспеха, а именно мягкого панциря. Что касается панцирей с использованием твердых материалов – дерева, кости, толстая кожа, металла, то археологических данных нет, и мы можем только предполагать, что в скифское время население Горного Алтая могло использовать мягкие панцири с применением твердых металлов.

Находки на соседних с Горным Алтаем территориях сигнализируют нам о бытовании мягких панцирей с применением костяных элементов защиты. Правда, ряд исследователей не склонны считать костяные пластины с отверстиями деталями панцирей, полагая, что они являются принадлежностью поясной гарнитуры.

Особое внимание представляет находка, сделанная в 1 Туектинском кургане, бронзовой пластины с изображением ланей и сайгаков, которую Руденко считал нагрудным украшением. По мнению Горелика, эта пластина имела деревянную основу, и нашивалась на кожаную или войлочную одежду, защищая шею и верхнюю часть груди воина и была частью доспеха. Такой же самостоятельный элемент доспеха был также хорошо известен скифам. Эта находка дает возможность предполагать, что мягкий

доспех известен и древним горноалтайцам. Очевидно, боевые действия, которые вели древние кочевники Горного Алтая, не предполагали применение тяжелого оборонительного доспеха.

Детали защитного доспеха. Детальями защитного доспеха можно считать пояса и поножи. В 1 Туектинском кургане была найдена деревянная поножа, которая состояла из двух длинных деревянных дощечек, украшенных растительным орнаментом. Эти дощечки с обеих сторон укреплялись ремешками через отверстия. Деревянная поножа покрывала низ бедра и голень, она крепилась к ноге у лодыжки и под коленом, верхняя часть закреплялась на поясе. Поножи были предназначены для того, чтобы уберечь ноги при столкновении с пешими воинами, а грудь успешно защищал щит. Такой вид ножного доспеха получил свое распространение в VI – III вв. до н. э., что хорошо иллюстрируется изображениями вереницы конных воинов на навершии из Сибирской коллекции Петра I. Находка поножи в Туектинском кургане свидетельствует о том, что древние кочевники Горного Алтая имели на вооружении самостоятельный доспех.

Пояса справедливо считаются древнейшим видом защитного вооружения хорошо известным многим народам. Пояса были обязательной и важной принадлежностью воина на протяжении многих тысячелетий и поэтому, они всегда привлекали внимание исследователей. Пояса были весьма популярны у скифов, саков, хорошо известны пояса по материалам из Горного Алтая. Ношение пояса было обязательным, особенно у знати и, конечно же, у воинов.

По материалам кургана Ак-Алаха 1, где в женском погребении вместе с комплексом вооружения (чекан, колчан, наконечника стрел, части лука, железный кинжал в ножнах) были найдены деревянные поясные пряжки с обкладкой из золотой фольги. Как и скифы, пазырыкцы, к поясу крепили колчаны, мечи, кинжалы в ножнах. Все это вместе составляло внушительный вес, поэтому пояса должны быть прочными эластичными и достаточно широкими. Кожаные пояса для прочности прошивались накладными бляшками из дерева, кости, металлическими обоями. Как и скифы, алтайские кочевники, очевидно, имели по два пояса-парадные и простые боевые.

По материалам из Горного Алтая скифского времени выделено четыре типа пояса. К первому типу относятся пояса с бляхами-обоймами, без изображений в зверином стиле, которые бытовали в VII – VI вв. до н. э. Второй тип пояса самый распространенный в Горном Алтае. Это пояса с бляхами-обоймами, украшенные орнаментом из заштрихованных треугольников и волнистых линий. Этот тип пояса бытовал в IV – I вв. до н. э. К третьему типу относятся пояса с бляхами, украшенными в зверином стиле в V – III вв. до н. э. Четвертый тип поясов, в которых проявляется смешение элементов разных типов, бытуют в VI – III вв. до н. э.

Щиты. Щиты являются древнейшим защитным приспособлением известным многим народам. Среди предметов защитного вооружения племен Горного Алтая в I тысячелетии до н. э. щиты находят чаще всего. Впервые они были найдены при раскопках больших Горно-Алтайских курганов, сначала в Пазырыке, а затем в Туекте. Спустя некоторое время щиты были найдены в курганах среднего слоя пазырыкцев, в Уландрыке, Ташанте и в погребениях Ак-Алаха. В настоящее время в курганах Алтая найдено более двадцати щитов.

По материалам раскопок пока известны два вида щитов. Это щиты, изготовленные из палочек, скрепленных лоскутами кожи. Назовем их кожаными и щиты, изготовленные из цельного куска дерева, которые можно именовать деревянными. Форма щитов практически однообразная – прямоугольная.

Техника изготовления кожаных щитов была следующей: щиты составлялись из круглых палочек диаметром от 0,5 до 1,4 см., которые тщательно подтягивались друг к другу лоскутами кожи. Они продевались в отверстия в куске кожи, которые служили их соединением. Надрезы в лоскуте кожи делались таким образом, что в результате создавались различные комбинации декоративного узора в виде треугольника, ромба.

Деревянные щиты делались из куска дерева, но внешняя сторона их отделялась, как и у кожаных. В рельефе вырезались круглые палочки, по краям вырезались бортики, как бы имитируя кожаные щиты. Относительно щитов второго вида существует две

точки зрения — одни исследователи считают их только имитациями кожаных, другие полагают, что деревянные щиты использовались в равной мере, как и кожаные.

По своим размерам горноалтайские щиты условно делятся на три группы: малые щиты (от 24,5х35,5 см. до 28х37 см.); средние щиты (42х50 см. до 53х69 см.); большие щиты (82х36 см.).

Что касается малых щитов, то их считают либо вотивными, изготовленными специально для погребения, либо вполне употребляемыми в повседневной жизни конными и пешими воинами. Щиты использовали и пешие, и конные воины. Убедительным свидетельством этого можно считать изображение на золотом гребне из кургана Солоха.

Защитное вооружение гунно-сарматского времени. По форме пластин, способу и креплению, и площади защитного покрытия можно выделить один тип панциря.

Тип 1. Нагрудные. Включает 6 экземпляров из памятников Кок-Паш, Берель, Чендек.

Из всех обнаруженных на сегодняшний день остатков панцирей на территории Горного Алтая достаточно изучены: Берельский. Несмотря на то, что все они имеют много сходных черт: подпрямоугольная форма пластин, площадь защитного покрытия, тем не менее, есть и существенные отличия. Берельский экземпляр имел кожаную окантовку по краю и по всей видимости не жесткое ремешковое соединение пластин, которые по форме были вытянуто прямоугольными. Этот фрагмент более всего напоминает деталь нагрудного панциря, аналогичного найденному в Татарских могилах на верхнем. Берельский, как и аналогичные чумьшские датирован IV – V вв. н.э. Нагрудный панцирь, найденный в к. 2 могильника Чендек из всех горно-алтайских, является самым полным за исключением нескольких пластин сохранились почти все. Пластины имеют подпрямоугольную форму, не одинаковы по размерам. Их длина колеблется в пределах 8-10 см., ширина 4,8-6,6 см., а толщина 0,15-0,2 см. Количество отверстий варьирует от 10 по 16 на каждой пластине. У большинства сохранившихся пластин отверстия располагаются по всему периметру и в центре, а у трех из них только по периметру.

На внутренней стороне некоторых пластин имеются остатки ткани, кожаных ремешков и кожаной основы, к которой был пришит панцирь.

Целый панцирь представлял собой нагрудник в виде прямоугольного листа размерами примерно 45 х 26 см. В него входили 27 кованых пластин, составлявших три вертикальных ряда, скрепленных между собой и пришитых к основе сыромятными ремешками. Горизонтальное крепление пластин было жестким, а крепления рядов между собой менее жестким. Поэтому нагрудник мог складываться только по вертикали. Именно в таком виде и был обнаружен в погребении, датирован III – V вв. н.э.

Кок-Пашские панцири не однородны, 3 экземпляра имели пластины с металлическим кантом, с одной стороны, на некоторых видны следы жесткого соединения клепкой. Форма некоторых выпуклая. В одном случае пластины без канта.

Таким образом, можно выделить два подтипа нагрудных панцири: жесткие, с кожаным или металлическим кантом и эластичные, без канта,

И если в первом подтипе возможно жесткое крепление нагрудника к одежде, то во втором такой вариант не возможен.

В.И. Соенов и А.В. Эбель выделяют следующую периодизацию; более ранняя форма нагрудника – чендекские следом идут берельские и затем или вместе кок-пашские.

Появление чендекского нагрудника оружеведы связывают с прямым усовершенствованием защитного пояса с железными пластинами. Подобный тип защитного доспеха появляется на рубеже эр в Средней Азии у тяжеловооруженных всадников сакских и юэжских племен. Однако свое широкое распространение они получают со второй половины I тыс. н.э. в древнетюркскую эпоху. По покрою (защита спины, рук, ног) и по направлению пластин (длинной стороной по вертикали) они существенно отличаются от алтайских. Возможно, защитное вооружение этносов Горного Алтая носили какие-то свои, местные традиции, тесно связанные с южносибирским регионом. С проникновением в VI в. н.э. Тюркут-гю он был заменен более полным и совершенным доспехом, применявшимся тюркскими воинами.

Доспех тюркской культуры включает панцирные пластины, панцири, шлемы-типы, попоны и наголовья.

Он складывается на основе булан-кобинского комплекса защиты, который дополняется новым, более мощным, сяньбийским импульсом, принесенным на Алтай племенем ашина в 460 г. н.э.

К 552 г. в Горном Алтае, наряду со сложением этноса тюрков, завершается формирование оригинального комплекса оборонительного вооружения, который стал определяющим в эволюции паноплии раннего средневековья. Состав тюркских наборов доспеха соответствует следующим родам войск: тяжелой пехоте, средней и тяжелой коннице, при подавляющем превосходстве последней. Для всех воинов характерны «твердые» панцири и шлемы, а кони тяжеловооруженных всадников закрыты попонами и наголовьями.

В Горном Алтае тюркский комплекс оборонительного вооружения сложился ранее всего (между 460-552 гг. н.э.) и уже отсюда распространился на ряд сопредельных и более отдаленных территорий, которые входили в состав Тюркских каганатов (552-744 гг. н.э.) и которые заселили тюркские племена. Аналогичные предметы и изображения защитных средств обнаружены в тюркских памятниках Тувы, Монголии, Семиречья, Восточного Туркестана. Кроме того, многие типы тюркского доспеха были восприняты кочевыми и оседлыми народами в результате военных, этнических и культурных контактов. Среди них можно назвать кыргызов, уйгуров, тюркшей, хазар, согдийцев, китайцев, персов, византийцев и многих других. Прямыми наследниками военного искусства тюрков, в том числе и в плане использования тяжелого доспеха, можно считать киданей и монголов.

Доспех монгольского времени представлен пока только шлемом. Поэтому его полная характеристика затруднительна. Учитывая датировку некоторых горноалтайских типов защиты, с верхней границей до XIV в. н.э., можно предполагать частичное сохранение уровня тюркского времени. Судя по оформлению шлема, доспех воинов Горного Алтая в развитом средневековье соответствовал монгольской военной традиции, вобравшей в

себя тюркское наследие. Включение Горного Алтая в состав Монгольской (с 1207 г. н.э.), а затем Юаньской (с 1260 г. н.э.) империй способствовало усвоению местным населением монгольского вооружения, в том числе и защитного. Однако периферийное и второстепенное положение горноалтайских земель в монгольских государствах негативно сказывалось на развитии алтайского доспеха, среди которого пока отсутствуют новые образцы того времени, например, «куяки» (они же «бригандины» – панцири, бронированные с изнанки мягкой основы), которые широко известны в Монголии, Туве и Минусинской котловине. Очевидно, воинские контингента Горного Алтая использовались монголами в основном как легкая и средняя конница, хотя полностью исключать применение ими тяжелого доспеха преждевременно.

В целом горноалтайский средневековый доспех был ориентирован на обеспечение массовых тяжеловооруженных конных формирований и в этом отношении развивал традиции восточных (центрально-азиатских) кочевников.

3.2 Защитное вооружение коня

Количество вещественных находок защитных средств верхового коня составляет самую малочисленную группу среди предметов оборонительного вооружения. Это объясняется большой материалоемкостью его изготовления и значительно меньшей степенью применения по сравнению с воинским доспехом. Средства защиты боевого коня могли себе позволить (особенно полный комплект) далеко не все, даже состоятельные всадники. Поэтому экипировка крупных контингентов бронированной конницы была делом не частным, а скорее государственным. Причем помимо серьезных экономических ресурсов, необходимы были специальные породы лошадей с повышенной грузоподъемностью и хорошей выучки. Наилучшим образом этим требованиям отвечали государственные объединения, сочетающие оседло-земледельческое население, с развитым ремесленным производством, и кочевое население, с присущими ему традициями коневодства и искусства конноводения. Как правило, власть в них принадлежала аристократии, вышедшей из кочевой среды. Наиболее удачными

примерами в этом отношении являются Парфия, Сасанидский Иран, Империи Вэй и Ляо, держава Тимура, Мамлюкский султанат, раннеосманское государство. Однако, массовое применение конского доспеха известно и в «чисто» кочевых объединениях, при наличии на их территории разработанной сырьевой базы и развитой черной металлургии. Среди этносов, максимально реализовавших эти возможности, следует назвать тюрков и монголов. Не случайно легенды этих двух народов характеризуют своих предков, как мастеров железного дела.

В силу вышеназванных причин, целый конский доспех мог попасть в погребение в исключительном случае. Для эпохи, рассматриваемой в нашей работе, опорными вещественными комплексами являются материалы сяньбийских, корейских и японских памятников периода «великого переселения народов», в которых наблюдается устойчивая традиция помещения в погребения деталей конского доспеха. В Центральной Азии зафиксирована всего одна достоверная находка средства защиты коня – это целый нагрудник из тюркского захоронения в Туве. На территории Алтая к фрагменту конской попоны, с определенной долей вероятности, можно отнести находку длинной железной полосы из 36 пластин в тюркском кенотафе [*Шульга, Горбунов 2002*].

Гораздо более представительны изобразительные источники. Их основная масса сосредоточена в Северном Китае и Корее и отличается большой степенью подробности. Тоже можно сказать о рисунках киданьского, чжурчжэньского, сунского и монгольского конского доспеха. К настоящему времени немалая серия рисунков бронированных коней получена с территории Центральной Азии. Средневековые летописи и литературные произведения составляют еще один важный блок источников.

Для нашей темы первостепенное значение имеют письменные свидетельства, касающиеся средств защиты коня у средневековых кочевников Евразии. Интересную информацию содержат китайские, западноевропейские, византийские и арабские источники, сообщающие о сяньбийском, жужаньском, аварском, тюркском и монгольском конском доспехе.

Конская защитная попона представляет собой бронированное покрытие тела коня, которое, как минимум, закрывает его шею и, как максимум, весь корпус, кроме ног ниже колен.

Судить о конструкции попоны можно только по рисункам Горного и Монгольского +Алтая. Ее изображения зафиксированы на 27 фигурах боевых коней и реконструированы на основании изучения аналогий.

Говоря о развитии алтайской защитной попоны, надо отметить, что ее возникновение связано с территорией Северного Китая, где носителями данного доспеха являлись, прежде всего, сяньби. От них конскую попону переняли жужане, которые и занесли ее первые образцы в Горный Алтай не ранее середины IV в. н.э. Дальнейшая эволюция защитных попон связана с тюрками, наладившими их собственное изготовление. Наряду с известными, они изобрели ряд новых покроев попоны, рассчитанных на более массовое производство. Многие типы тюркской попоны и ее отдельные элементы унаследовали кидани и сменившие их в Центральной Азии монголы.

Наголовье предназначено для защиты головы коня и прикрывает, как минимум, ее лобную часть, и, как максимум, всю голову. Наголовья зафиксированы на рисунках Горного и Монгольского Алтая. Их изображения подразумеваются на 15 фигурах боевых коней и реконструированы на основании изучения аналогий.

Характеризуя развитие наголовий для защиты боевого коня, необходимо отметить, что они появляются на территории Алтая в конце периода «великого переселения народов». Их происхождение связано с сяньбийской военной традицией. Наибольшее соответствие с сяньбийскими образцами наблюдается у полных трехчастных масок. Их дальнейшим развитием являются наголовья, сочетающие в своей конструкции укороченный налобник и сяньбийские нащечники. Первая деталь данного типа восходит еще к хуннским наголовьям, сформировавшимся под влиянием скифо-персидской военной традиции. От них берут свое начало полные налобники, характерные для конского доспеха средневекового Китая и монголов. Остальные типы также происходят от защитных

наголовий облегченной конструкции, применявшихся населением Северного Китая в сяньбийскую эпоху, но их конкретная форма и структура приобретают уже самостоятельные черты. В Горном Алтае первые изображения наголовий датируются не ранее середины V в. н.э. и фиксируются в памятниках тюркской культуры. Все они продолжали применяться в раннем средневековье, и были характерны именно для тюркской военной традиции, повлиявшей на введение таких элементов доспеха у аваров, персов, византийцев и киданей.

4. Военное дело населения Горного Алтая в древности и средневековье

4.1 Военное дело в скифское время

В результате открытия уникальных погребальных комплексов Пазырыка, Башадара, Туекты были сделаны важные выводы о значительной дифференциации Горно-Алтайского населения в I тыс. до н.э. Большие курганы Горного Алтая сооружались, в честь вождей племен или представителей родовой аристократии, малые курганы принадлежали рядовым скотоводам. Накопление материалов впоследствии привело к тому, что были поставлены вопросы о более четкой стратификации пазырыкского общества. По данным погребального обряда было выделено четыре группы населения — рядовые скотоводы, родовая аристократия, племенная аристократия, вожди племен. Несколько позже был выделен слой неравноправных членов общества, наличие которого ранее отрицалось.

Самым многочисленным слоем пазырыкского общества справедливо считается слой рядовых скотоводов, памятники которых в Горном Алтае известны на всей его территории. Данные погребального обряда памятников рядовых кочевников свидетельствуют, что процесс дифференциации довольно глубоко затронул этот многочисленный слой. Особенно четко это проявляется в мужских захоронениях пазырыкской культуры. В том, что подавляющая часть мужских погребений является воинскими,

сомнений у исследователей не вызывает. Почти все признают, что военная организация у пазырыкцев имела и была развита, что война играла важную роль в их жизни. Материалы с сопредельных с Горным Алтаем территорий свидетельствуют о том же – похожие процессы характерны для саглынской культуры, тагарской культуры Минусинских степей, культуры скифского времени Монголии.

Мужские (воинские) погребения пазырыкцев, как правило содержат три основных вида оружия, представленного короткими мечами-акинаками или кинжалами, чеканами, луками и стрелами, реже щитами. Этот комплекс вооружения является типичным для юго-сибирского комплекса вооружения всадника-воина и характерен для племен, населявших Горный Алтай, Туву и Монголию в I тыс. до н.э. Рассматривая материалы воинских захоронений Горного Алтая, выясняем, что видовой состав оружия в погребениях различен. На наш взгляд, данное обстоятельство отражает место каждого мужчины-воина в своеобразной иерархии воинов, которая уже вполне сложилась. Другими словами, чем полнее набор оружия в погребении, тем выше ранг воина. Автором были проанализированы материалы из 90 курганов, раскопанных в 37 могильниках. Причем, первоначально рассматривались все погребения, где было найдено оружие или есть упоминания о его наличии. Разумеется, полнота этого анализа снижается в силу того, что большая масса погребений была ограблена в древности и часть оружия похищена грабителями. Вторым немаловажным фактом является то, что очень часто в погребениях мужчин-воинов встречается не настоящее боевое, оружие, а миниатюрные копии, которые в принципе повторяют полноразмерные боевые экземпляры. Неграбленные комплексы все же свидетельствуют, что оружие по своему видовому составу ложилось в погребения по избирательному принципу.

В 13 курганах были найдены все три основных вида оружия — короткие мечи-акинаки, кинжалы, чеканы, луки и стрелы. Все эти погребения выделяются из общей массы погребений не только наличием главных предметов вооружения, но и по другим категориям погребального инвентаря. Они намного богаче - в конских захоронениях часты находки удила, украшений узды, в погребениях, людей встречаются различные украшения (серьги,

гривны, диадемы и т.д.), обязательно глиняная и деревянная посуда с жертвенной пищей. Если в кургане первом Туектинского могильника был похоронен вождь, то в погребениях могильников Уландрыка, очевидно, погребали выдающихся воинов, занимавших особое положение в иерархии. Эта категория людей гораздо ближе к родовой аристократии, чем к слою рядовых общинников. Возможно, из этой среды выдвигались военные предводители на случай военных действий, которые возглавляли отряды своих родов. Племенные вожди приближали к себе таких воинов, за счет чего, складывалась прослойка профессиональных воинов.

Главным критерием, выделяющим выдающихся воинов, несомненно было физическое развитие человека, то есть его рост, физическая сила, навыки владения оружием. В курганах вождей действительно были погребены люди, отличавшиеся своей физической силой, о чем свидетельствуют антропологические исследования, есть все основания полагать, что погребения выдающихся воинов тоже отличаются от массы погребений мужчин, хотя специальных исследований не проводилось.

Кроме тех погребений, где были встречены все виды оружия, в нашем распоряжении имеются данные о том, что оружие ложилось по-разному. Так, встречено 18 погребений, где присутствуют только кинжалы и чеканы, 7 погребений, где найдены кинжалы и стрелы, 8 погребений, где встречены стрелы и чеканы. Наконец, весьма многочисленны погребения, где найдено по одному виду оружия – только кинжалы (14 погребений), только чеканы (7 погребений), только стрелы (25 погребений). Очевидно, это не случайно, хотя значительная степень ограбленности курганов не позволяет уверенно утверждать это.

На наш взгляд, любопытным явлением можно считать тот факт, что воинские погребения встречаются не только в составе обширных некрополей, которые концентрируются вокруг погребений племенной верхушки. Примером тому служат могильники Туекты, Башадара, Боротала, но также составляют совершенно самостоятельные могильники. Таковыми можно считать полностью исследованные могильники Уландрык III, где из

5 курганов скифского времени 5 являются воинскими, Уландрык IV, где в 3 курганах могильника были также похоронены воины.

Наконец, в жизни древних горноалтайцев большое место занимала эстетизация воинской доблести и силы, ярко проявляющаяся в искусстве, героическом эпосе.

Подводя итог вышесказанному, можно отметить, что из массы рядовых погребений мужчин выделяются более богатые погребения воинов, причем не все они связываются со второй группой погребений по стратификации А.С. Суразакова и, в то же время, отличаются от первой. На наш взгляд, различие в наборе оружия отражает место каждого мужчины-воина в своеобразной воинской иерархии, то есть, чем пешее набор оружия, тем выше ранг воина.

В качестве рабочей гипотезы предлагается выделить предварительно 5 рангов. Воинами первого ранга, собственно, выступают вожди племен, воинами второго ранга можно считать вождей родов, воинами 3 ранга тех, у кого в погребениях найдены все основные виды оружия и другие предметы погребального инвентаря, отличающиеся от стандартизированного набора, характерных в целом для погребений рядовых кочевников. Очевидно, здесь мы имеем дело с более зажиточным слоем населения, для которых война становится своего рода профессией. Менее зажиточный слой населения, что находит свое выражение в погребальном обряде, а именно: часто отсутствие ездовых коней в погребениях, неполным количеством оружия, относительной бедностью инвентаря мог составлять в войске пазырыкцев отряды пехоты, которая играет вспомогательную роль, поскольку основным видом рода войск была легковооруженная конница. Другими словами, два последних ранга воинов могли составлять более бедные слои населения, хотя они могли постоянно перемещаться вверх по ступеням иерархической лестницы, так как удачные военные походы всегда давали избыточную военную добычу и были своего рода стимулом подняться рангом выше.

Создается впечатление, что все взрослое мужское население пазырыкского общества было воинами, но в этой среде начинает

складываться прослойка воинов-профессионалов, для которых война составляла главное занятие. Они становились своеобразной военной аристократией и были главной опорой вождей. В этой связи правомочно ставить вопрос о военных дружинах у пазырыкских вождей, что уже однажды было сделано. Наконец, заслуживает особого внимания тот факт, что оружие настоящее, боевое в более поздних погребениях встречается не так часто, зато многочисленны находки миниатюрного оружия. Это обстоятельство связывается с появлением дружин, ибо с появлением дружинников отпадает необходимость вооружения всего народа и настоящее боевое оружие заменяется миниатюрным, которое лишь подчеркивает формальное призвание всех мужчин воинами.

4.2 Военное дело в гунно-сарматское время

Вооружение позднего этапа булан-кобинской культуры включает средства защиты и нападения. Доспех состоит из панцирей, шлемов и попон [Горбунов 2003: табл. I.-2-10, III.-1-8]. Оружие представлено луками, стрелами, копьями, мечами, боевыми ножами и кинжалами.

Изображения булан-кобинских воинов на наскальных рисунках Горного Алтая по составу показанного у них вооружения позволяют выделить несколько родов войск: легкую и тяжелую пехоту, среднюю и тяжелую конницу [Горбунов 2003: рис. 34].

Вооружение легкой пехоты и конницы состояло из «мягких» панцирей, «твердых» шлемов и луков со стрелами. Вооружение тяжелой пехоты включало «твердые» панцири и шлемы, луки со стрелами и копья. Средняя конница была вооружена панцирями и шлемами, копьями, мечами, луками со стрелами. Тяжелая конница имела такое же вооружение, дополнявшееся защитными попонами для коней. Большинство горно-алтайских воинов в качестве вспомогательного оружия ближнего боя использовало боевые ножи и кинжалы, а у некоторых бойцов было по два боевых ножа. Складывание булан-кобинского комплекса вооружения связано с воздействием хунно-сяньбийской и сармато-кушанской традиций и берет свое начало в предыдущее время [Горбунов 2006: 87].

В хуннскую эпоху (II в. до н.э. – I в. н.э.) боевые средства горно-алтайских кочевников включали сложносоставные луки со стрелами и кинжалы. В отдельных случаях встречены железные панцири, меч и модель чекана [Худяков 1997: рис. 1-5; Тишкин, Горбунов 2003: рис. 1]. Видовое разнообразие комплекса было значительно, но типологическое весьма скромно. Его состав характерен для легковооруженной конницы и пехоты. Однако находки панцирных пластин свидетельствуют о выделении уже в это время определенной прослойки средневооруженных всадников.

В сяньбийскую эпоху (II – первая половина IV вв. н.э.) основу булан-кобинского комплекса боевых средств по-прежнему составлял стрелковый набор, типовое разнообразие которого значительно возросло за счет наконечников стрел. Продолжали применяться кинжалы, но наряду с ними появились и получили широкое распространение боевые ножи, в отдельных погребениях встречены костяной панцирь, меч и копье. Судя по изобразительным и вещественным данным, войско состояло из легкой пехоты и конницы, но в составе последней имелись воины, способные вести уже не только ближний бой, но и наносить таранный удар [Горбунов 2003: 90, рис. 34.-1].

В следующую жужанскую эпоху (вторая половина IV – первая половина V вв. н.э.) развитие боевых средств у горно-алтайских кочевников достигает наиболее оптимального уровня. Наряду с дальнейшим увеличением разнообразия стрел и боевых ножей, появляются новые типы копий и мечей, значительное распространение получают передовые формы железного доспеха. Это привело к выделению средней конницы в самостоятельный род войск, появлению тяжелой пехоты и первых тяжеловооруженных всадников. Данные изменения можно связать с образованием Жужанского каганата (359 г.) и включением территории Горного Алтая в сферу его влияния [Горбунов 2006: 87].

Для позднебулан-кобинского комплекса вооружения особенно сильны черты сяньбийской традиции, влияние которой, видимо, усилилось в IV-V вв. н.э. и шло через жужаней, зависевших от военного снабжения сяньбийских государств Северного Китая [Бобров, Худяков 2005: 165; Горбунов 2005: 222]. По уровню

оснащенности средствами защиты и нападения буланкобинский комплекс на позднем этапе своего развития вполне сопоставим с вооружением ряда культур сопредельных территорий. Таштыкский комплекс он превосходит по длинно-клинковому оружию, кокзельский – по доспеху, а кенкольскому уступает по бронебойным стрелам.

4.3 Военное дело в древнетюркский период

Вооружение тюркской культуры включает средства защиты и нападения. Доспех состоит из панцирных пластин, кольчужных колец, панцирей, шлемов, попон и наголовий [Горбунов 2003: табл. I.-11-21, III. - 9-21]. Оружие представлено луками, стрелами, копьями, мечами и саблями, боевыми ножами, кинжалами и боевыми топорами [Горбунов 2006: табл. I.-45-137]. Панцири, стрелы, копья и мечи упоминаются тюркскими письменными источниками. Китайские летописи называют среди вооружения тюрков панцири, шлемы, луки со стрелами, копья, мечи, кинжалы.

Наскальные рисунки Горного и Монгольского Алтая, изображающие тюркских воинов, позволяют выделить среди них следующие рода войск: тяжелую, среднюю и легкую конницу и тяжелую пехоту. Сопоставление изобразительных данных с вещественными находками позволяет полнее представить наборы вооружений различных родов войск.

Набор тяжелой конницы обязательно включал воинский доспех из панциря и шлема, конский доспех из попоны и наголовья (иногда без него), длинное копье-пику, меч или саблю и мог дополняться луком со стрелами и боевым топором. Набор вооружения средней конницы отличался отсутствием конского доспеха. Набор тяжелой пехоты подразумевал воинский доспех (шлем и панцирь) и лук со стрелами. Комплект легкого всадника состоял из «мягкого» доспеха и лука со стрелами. Боевые ножи или кинжалы использовали воины всех подразделений. Учитывая частое изображение длинно-клинкового оружия на каменных изваяниях, можно предполагать, что его могли иметь не только бронированные всадники, но и некоторые пехотинцы, и легкие конники. Есть также одно изображение легковооруженного всадника с копьем [Черемисин 2004: рис. 14].

Тюркский комплекс вооружения раньше всего сформировался на территории Горного Алтая, на основе булан-кобинской традиции и нового сяньбийского импульса, принесенного сюда племенем ашина в 460 г. [Горбунов, Тишкин 2002: 45; Горбунов 2003: 91]. Уже на начальном этапе (вторая половина V-первая половина VI вв. н.э.) его развития появляются новые типы панцирных пластин, шлемов, попон и наголовий, сложносоставных луков, стрел, наконечников копий, мечей и боевых ножей, не известные здесь в предыдущее время [Горбунов 2006: рис. 77-1]. Очевидно, тогда же происходят изменения в составе войск. Тяжелая конница становится самостоятельным формированием и основной ударной силой на поле боя.

В эпоху первых Тюркских каганатов (вторая половина VI - первая половина VII вв. н.э.) комплекс боевых средств продолжает видоизменяться. Увеличивается площадь бронепокрывтия панцирей, начинается использование кольчуги, изобретаются новые типы мечей и кинжалов [Горбунов 2006: рис. 77-2]. Вместе с расселением тюркских племен характерное для них вооружение появляется в Монголии, Туве, Минусе, Семиречье. Военные достижения тюрков перенимают многие кочевые и оседлые народы Евразии.

Эпоха II Восточно-тюркского каганата (вторая половина VII - первая половина VIII вв. н.э.) характеризуется сохранением тюркским комплексом вооружения своих ведущих позиций в центрально-азиатском регионе. Становятся разнообразнее панцирные пластины и шлемы, модифицируются луки, увеличивается набор броневой стрел, появляются пики с гранеными наконечниками, боевые топоры и, видимо, начинается освоение сабли [Горбунов 2006: рис. 77-3]. Ударная мощь тюркской конницы, и особенно ее бронированных подразделений, повышается. Видимо, уже в конце этого этапа начинается оснащение отдельных легких всадников длинно-клинковым и даже таранным оружием.

4.4 Военное дело в эпоху развитого средневековья

Во время господства Уйгурского каганата (вторая половина VIII - первая половина IX вв. н.э.) тюрки Горного Алтая продолжают развивать свое вооружение, но его типовое разнообразие заметно

сокращается. Наблюдается дальнейшая разработка таких передовых видов оружия, как сабли и боевые топоры, заимствуются новые типы броневой стрел [Горбунов 2006: рис. 77-4].

В эпоху «великодержавия» Кыргызского каганата (вторая половина IX - первая половина X вв. н.э.) тюркское вооружение все еще сохраняет свое своеобразие, но в оформлении оружия все отчетливее проступают инокультурные черты: накладки луков и перекрестия сабель сrostкинской традиции, боевые топоры кыргызского облика [Горбунов 2006: рис. 77-5]. На заключительном этапе своего развития (вторая половина X-XI вв. н.э.) тюркский комплекс боевых средств уже почти ничем не отличается от сrostкинского и кыргызского, влияние которых примерно равноценно [Горбунов 2006: рис. 77-6].

Вооружение кыргызской культуры в Горном Алтае включает пока только средства нападения. Этот набор явно не полон. Учитывая находки доспеха и оружия из кыргызских погребений в предгорьях Лесостепного Алтая, его можно дополнить и объединить их характеристику в рамках единого комплекса [Горбунов 2006: рис. 79). Доспех состоит из панцирных пластин и панцирей [Горбунов 2003: табл. II. -28-36]. Оружие представлено стрелами, одним мечом, одним боевым ножом и одним кинжалом [Горбунов 2006: табл. I.-138-148; II-237-238].

Данный комплекс, исходя из распределения предметов вооружения в погребальных памятниках, можно условно разделить по двум родам войск-легкая конница и средняя конница. Алтайский вариант кыргызского комплекса вооружения по своему типовому составу обнаруживает самую тесную связь с паноплией кыргызов Минусы и Тувы, которая состояла из развитых средств защиты и нападения и соответствовала не только легкой и средней, но и тяжелой коннице.

Его появление в Горном Алтае и северо-западных предгорьях было вызвано экспансией Кыргызского каганата после разгрома уйгуров в 840 г. Данный процесс проходил достаточно мирным путем и не носил характер массовой миграции. Очевидно, этим

вызвано небольшое число захоронений воинов-кыргызов на Алтае и найденного в них вооружения. Тем не менее боевой комплекс кыргызов эпохи «великодержавия» (вторая половина IX - первая половина X вв. н.э.) весьма разнообразен в плане наконечников стрел и превосходит синхронный стрелковый набор тюркской культуры [Горбунов 2006: рис. 79. -1]. По заключительному этапу существования кыргызской культуры в Горном Алтае (вторая половина X-XI вв. н.э.) материалов очень мало. Они представлены несколькими наконечниками стрел, типичными для кыргызской панолии этого времени [Горбунов 2006: рис. 79. -2].

4.5 Военное дело в позднее средневековье.

Вооружение культуры Горного Алтая монгольского времени включает средства защиты и нападения [Горбунов 2006: рис. 80]. Доспех состоит из одного шлема и трех щитов [Горбунов 2003: табл. I.-22]. Оружие представлено накладками луков, четырьмя луками, стрелами, одним копьём, одной саблей и тремя боевыми ножами [Горбунов 2006: табл. I.-149-160].

Для характеристики состава войска у населения Горного Алтая в XII-XIV вв. н.э. могут быть привлечены наскальные рисунки двух батальных сцен, горы Адыр-Кан. Они выполнены в технике граффити и по стилю рисунка сильно отличаются от булан-кобинских и тюркских изображений, но имеющиеся на них реалии явно относятся к эпохе средневековья и, скорее всего, указывают на монгольское время. Четырехфигурная и трехфигурная композиции представляют сражающихся всадников и спешенных воинов, вооруженных луками со стрелами и копьями, но поясах у них колчаны и сабля, за спиной круглые щиты, доспехи не читаются [Горбунов 2006: рис. 74].

Изображения указывают на существование легкой конницы и хорошо согласуются с материалами погребений. Состав ее вооружения был весьма разнообразен и включал, видимо, «мягкие» панцири и шлемы, щиты, луки со стрелами, копьё, сабли и боевые ножи. находка железного шлема тоже может относиться к этому набору, но нельзя исключать и наличия средней конницы, имевшей такое же оружие плюс «твердые» панцири. Существование

последних весьма вероятно, учитывая их наличие на сопредельных территориях, в частности в Лесостепном Алтае. В эпоху позднего средневековья в Горном Алтае отмечены находки кольчуг и шлема.

В предмонгольскую эпоху (XII в. н.э.) вооружение горно-алтайских кочевников, исходя из форм наконечников стрел, еще сохраняло прежние черты. Вместе с тем в нем появляются совершенно новые образцы стрел, изначально характерные для племен Восточной Монголии и Забайкалья [Горбунов 2006: рис. 80. -1]. Эти изменения были связаны с приходом в Горный Алтай нового населения, чье появление фиксируется по погребальным памятникам [Тишкин, Горбунов 2005: 158]. В монгольскую эпоху (XIII-XIV вв. н.э.), судя по оформлению шлема и оружия, панолия горно-алтайских кочевников полностью соответствовала монгольской традиции [Горбунов 2006: рис. 80. -2]. Эта традиция, начиная с XIII в. н.э. распространилась на весь пояс евразийских степей: от Дальнего Востока до Восточной Европы. Включение Горного Алтая в состав Монгольской (с 1207 г. н.э.), а затем Юаньской (с 1260 г. н.э.) империй способствовало усвоению местным населением монгольского вооружения, часть которого, как например мультинский шлем, поставлялась или закупалась в готовом виде. Очевидно, воинские контингенты Горного Алтая использовались монголами, в качестве вспомогательных соединений, состоящих из легкой конницы. Наиболее зажиточные и знатные воины могли составлять отряды средней конницы или служить в качестве усиления и командного состава легковооруженных формирований.

Эволюция вооружения у кочевников Горного Алтая проходила по пути создания дифференцированных наборов боевых средств, рассчитанных на эффективное применение различными родами войск. Особое внимание уделялось развитию средств вооружения тяжелой конницы, которая составляла у тюрков ударное ядро войска. Не ранее VIII в. н.э. намечается унификация в оружейном наборе всадников, выразившаяся в постепенном оснащении легкой конницы мечами, саблями и копьями, что делало возможным ведение ею ближнего боя. Окончательно данный процесс завершился в монгольскую эпоху.

Список использованной литературы

Горбунов В.В. Этнокультурные традиции в изготовлении доспехов у кочевников Центральной Азии // V Конгресс этнографов и антропологов России: тезисы докладов. – М.: Ин-ут этнологии и антропологии РАН – 2003. – С. 106.

Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Часть I: Оборонительное вооружение (доспех) – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, – 2003. – 174 с

Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Часть II: Наступательное вооружение (оружие) – Барнаул: Изд-во Алт.ун-та, 2006. – 232 с.

Горбунов В.В., Тишкин А.А. Случайные находки средневекового вооружения в Алтайском крае // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998. Вып. IX. – С. 190–194

Горбунов В.В., Тишкин А.А. Средневековые находки оружия с Алтая // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. Вып. XIV. – С. 44–47.

Горелик М.В. Оружие Древнего Востока (IV тысячелетие до н.э. – IV в. до н.э.). – М., – 1993б. – 349 с.

Грач А.Д. Древние кочевники в Центре Азии. – М., – 1980. – 256 с.

Грач А.Д. Археологические раскопки в Сут-Холе и Бай-Тайге/ А.Д. Грач // ТТКАЭЭ. – М.; Л., – 1966. Т. 2. – С. 81–108.

Грач А.Д. Средневековые впускные погребения из кургана-храма Улуг-Хорум в Южной Туве // Археология Северной Азии. – Новосибирск, –1982. – С. 156–168.

Грач А.Д., Нечаева Л.Г. Краткие итоги исследований первой группы археологического отряда ТКЭИЭ // ТНИИЯЛИ: Ученые записки. – Кызыл, 1960. Вып. VIII. – С. 185–192.

Грязнов М.П. Алтай и приалтайская степь // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. – М., 1992. – С. 161–178.

Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Горного Алтая. Культура населения в раннескифское время. – Барнаул, 1997. Ч.1. – 232 с.

Киселёв С.В. Древняя история Южной Сибири. – М-Л., 1951. – 638с.

Кочеев В.А. Воины пазырыкского общества // Проблемы изучения

древней и средневековой истории Горного Алтая. – Горно-Алтайск, 1990. – С. 105–118.

Кочеев В.А. Средний слой пазырыкского общества // Социально-экономические структуры древних обществ Западной Сибири. – Барнаул, 1997. – С. 112–114.

Кубарев В.Д. Древние кочевники Восточного Алтая. Автореферат дис...к.и.н. – Новосибирск, 1997. – 29с.

Кубарев В.Д. Курганы Сайлюгема. – Новосибирск, 1992. – 220с.

Кубарев В.Д. Курганы Уландрыка. – Новосибирск, 1987. – 302с.

Кубарев В.Д. Курганы Юстыда. – Новосибирск, 1991. – 270 с.

Кызласов Л.Р. Древняя Тува. – М., 1979. – 208 с.

Кызласов Л.Р. История Южной Сибири в средние века. / Кызласов Л.Р. – М., – 1984. – 168 с.

Марсадалов Л.С. Об этногенезе пазырыкцев Алтая // Четвёртые исторические чтения памяти М.П.Грязнова. – Омск, 1997а. – С. 77–80.

Мартынов А.И. О степной скотоводческой цивилизации I тыс. до н.э. // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. – Алма-Ата, 1989. – С. 284–292.

Могильников В.А. Курганы Кер-Кечу // Проблемы изучения культуры населения Горного Алтая. – Горно-Алтайск, 1988. – С. 60–107.

Могильников В.А. Курганы Кызыл-Джар II–V и некоторые вопросы состава населения Алтая во второй половине I тыс. до н.э. // Вопросы археологии и этнографии Горного Алтая. – Горно-Алтайск, 1983. – С. 40–71.

Могильников В.А. Некоторые аспекты этнокультурного развития Горного Алтая в раннем железном веке // Материалы по археологии Горного Алтая. – Горно-Алтайск, 1986. – С. 35–67.

Новгородова Э.А. Наскальные изображения тяжеловооруженных воинов с Монгольского Алтая // Древний Восток и античный мир. – М., – 1980. – С. 101–112.

Овчинникова Б.Б. Тюркские древности Саяно-Алтая в VI–X вв. – Свердловск, 1990. – 150 с.

Окладникова Е.А. Граффити Кара-Оюка, Восточный Алтай // Материальная и духовная культура народов Сибири: МАЭ. – Л., – 1988. Вып. 42. – С. 140–158.

Полосьмак Н.В. «Стережущие золото грифы» – Новосибирск, 1994а. – 123с.

Полосьмак Н.В. Изображение рыбы в искусстве пазырыкской культуры // Северная Евразия от древности до средневековья. СПб, 1992. – С. 134–138.

Полосьмак Н.В. Пазырыкская культура // Древние культуры Бертекской долины (Горный Алтай, плоскогорье Укок). – Новосибирск, 1994б. – С. 137–144.

Полосьмак Н.В. Пазырыкская культура: Реконструкция мировоззренческих и мифологических представлений. Автореферат дис... д.и.н. – Новосибирск, 1997. – 54 с.

Полосьмак Н.В. Птица «феникс» в искусстве пазырыкской культуры // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. – Барнаул, 1993. – Ч.1. – С. 169–173.

Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. – М.-Л., 1953. – 402 с.

Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. – М.-Л., 1960. – 359 с.

Савинов Д.Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. – Л., – 1984. – 174 с.

Савинов Д.Г. Древнетюркские курганы Узунтала (К вопросу о выделении курайской культуры) // Археология Северной Азии. – Новосибирск, – 1982.– С. 102–121.

Соёнов В.И., Эбель А.В. Исследования на могильнике Курайка // Известия лаборатории археологии № 3. – Горно-Алтайск, 1998. – 150 с.

Соёнов В.И., Эбель А.В. Курганы гунно-сарматской эпохи на Верхней Катуні. – Горно-Алтайск, 1992, – 116 с.

Соёнов В.И., Эбель А.В. Могильник Сары-Бел - новый памятник гунно-сарматской эпохи Горного Алтая // Горный Алтай и Россия 240 лет. Горно-Алтайск, 1996. – С. 38-40.

Соёнов В.И., Эбель А.В. Охранные раскопки в Верх-Уймоне // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края (Материалы научно-практической конференции). – Барнаул, 1996. – С. 148–157.

Соёнов В.И., Эбель А.В., Баранова Л.Н. О защитном доспехе алтайских воинов предтюркского времени // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. – Томск, 1992. – С. 88–89.

Соёнов В.И., Эбель А.В., Глебов А.В. Воинское погребение

предтюркского времени из Чендека // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. – Горно-Алтайск, 1992. – С.78.

Соёнов, В.И., Эбель А.В. Ритуальные сооружения могильника Мендур-Соккон-1 // Известия лаборатории археологии. – Горно-Алтайск, 1997. – С. 103–115.

Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматскую эпоху. – М., 1992. – 493 с.

Суразаков А.С. Горный Алтай и его северные предгорья в кон. VI нач. II вв. до н.э. Автореферат дис... к.и.н. – Новосибирск, 1985. – 25 с.

Суразаков А.С. Горный Алтай и его северные предгорья в эпоху раннего железа. Проблемы хронологии и культурного разграничения. – Горно-Алтайск, 1988. – 215 с.

Суразаков А.С. О некоторых, связанных с оружием образах пазырыкского искусства // Военное дело древнего населения Северной Азии. – Новосибирск, 1987

Тишкин, А.А., Культурно-хронологические схемы изучения истории средневековых кочевников Алтая /А.А.Тишкин, В.В. Горбунов // Древности Алтая. – Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 2002. №9.- С. 82–91.

Тишкин А.А. Культура населения Центрального и Северо-Западного Алтая в раннескифское время. Автореферат дис... к.и.н.-Барнаул, 1996. – 28 с.

Тишкин А.А., Средневековые воины Алтая /А.А.Тишкин, В.В. Горбунов // Природа. – 2002. № 9.- С. 71–78

Хазанов, А.М. Очерки военного дела сарматов. / Хазанов А.М. – М.- 1971. – 169 с.

Худяков Ю.С. Поминальные памятники пазырыкской культуры Горного Алтая // Жречество и шаманизм в скифскую эпоху-СПб. 1996.- С.87-89.

Худяков Ю.С., Эбель А.В, Кчеев В.А. Находки мумифицированного погребения на р. Кам-Тытугем в Горном Алтае // История и культура народов Саяно-Алтая: в прошлом, настоящем и будущем. Горно-Алтайск, 1998.

Худяков Ю.С. Вооружение древних тюрков Горного Алтая // Археологические исследования в Горном Алтае в 1980–1982 годах. – Горно-Алтайск, – 1983.- С. 3–27.

Худяков Ю.С. Вооружение кочевников Южной Сибири и Центральной Азии в эпоху развитого средневековья. - Новосибирск, - 1997. - 160 с.

Худяков Ю.С. Вооружение центральноазиатских кочевников в эпоху развитого средневековья. - Новосибирск, 1991. - 336 с.

Худяков Ю.С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. - Новосибирск, 1986. - 268 с.

Членова Н.Л. Центральная Азия и скифы. Дата кургана Аржан и его место в системе культур скифского мира. -М.,1997.-98с.

Эбель А.В. Вооружение и военное дело населения Горного Алтая в гунно-сарматскую эпоху. Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата исторических наук. Барнаул, 1998. 24 с.

Эбель А.В. Вооружение и военное дело населения Горного Алтая в гунно-сарматскую эпоху. Диссертация на соискание учёной степени кандидата исторических наук. Барнаул, 1998. 224 с.

Юнусов А.С. Военное дело тюрок в VII–X вв. (по арабским источникам) /А.С. Юнусов // Военное дело древнего и средневекового населения Северной и Центральной Азии. - Новосибирск, 1990. - С. 97–106.

Раздел II. Древние охотники Алтая

Охотничий промысел – это не только хозяйственное занятие, обеспечивающее существование алтайцев, но и своеобразный быт, тесно связанный с духовной культурой. Уже сборы на промысел, путь к месту охоты, обустройство жилища охотников, добывание пищи и т.д. были насыщены различными поверьями, приметами, запретами, правилами поведения людей на охоте.

*этнограф, доктор исторических наук
Леонид Павлович Потапов*

Предисловие

Находясь в конкретной природной среде, человек с глубокой древности приспособлялся к существующим условиям и оказывал определенное влияние на окружающую его местность. Наибольший размах освоения природных ресурсов пришелся на последние столетия. Технический прогресс и бурное промышленное развитие, не подкрепленное разумными экологическими решениями, привело к появлению глобальной экологической проблемы – изменению природной системы и нарушению ее естественного функционирования под влиянием антропогенного фактора.

Одним из важных природных ресурсов, которые человек эксплуатировал в ходе своей истории, является животный мир. Этот ресурс также в значительной степени пострадал от деятельности людей. Истреблены или резко сокращена численность тех видов животных, которые были ценны с экономической точки зрения в тот или иной период. Так, государственная политика сбора ясака в виде пушнины с сибирских «инородцев» в Российской империи катастрофическим образом сказывалась на численности пушного зверя.

В этом плане отношение большинства традиционных обществ к природной среде, в которой они проживают, выглядит гораздо более

щающим и более разумным, чем современных промышленных государств. Бережное отношение к природной среде особенно ярко проявляется в охотничьих обычаях традиционных обществ. Хотя конечно определенное, зачастую весьма значительное, влияние на формирование ландшафтов и животного мира того или иного региона оказывали и традиционные сообщества.

Этот очерк – попытка рассказать читателю о возможности бережного отношения к природе, на примере такого вида деятельности как охота. Здесь вы найдете информацию об охотничьих приемах и технике, узнаете какую роль охота играла не только в хозяйственной сфере, но и военной, общественной и религиозной. Поскольку работа касается древних периодов истории Алтая, которые известны нам только по информации, полученной при изучении вещественных археологических источников, автор попытался также объяснить исследовательские методы, применяемые для получения сведений о жизни людей в древности.

1. Как мы изучаем древнюю историю?

Историческая наука описывает политические события, особенности процесса развития общественных отношений, производственный прогресс, и кризисные явления имевшие место быть в прошлом. Однако проблема изучения истории в том, что письменность зарождается только в последние несколько тысяч лет человеческой истории. Причем она появляется лишь в некоторых районах Евразии, изолированных друг от друга огромными пространствами, заселенными народами не имевших письмо. Для огромного периода истории до появления письменности и для тех регионов, в которые письменность пришла еще позже, нет ни каких литературных или летописных сведений. Поэтому исследователи научились добывать информацию из других источников при изучении древней истории бесписьменных народов.

Человек оставляет после себя большое количество разнообразных следов своей жизнедеятельности. Он активно преобразует место, в котором живет: сооружает различные строения и конструкции (хозяйственные и религиозные), выкапывает

большие ямы для погребов или колодца и небольшие ямки для столбов, прокладывает оросительные каналы или, наоборот, отводит воду от участка. На месте его проживания скапливается большое количество разнообразного мусора, большая часть из которого исчезает со временем в результате биологических процессов. Тем не менее, вещи или их фрагменты, которые медленно или совсем не разлагаются, сохраняются на многие столетия и даже тысячелетия. Эти предметы или их части постепенно перемешиваются с землей, над ними вырастает слой грунта и они оказываются в земле. Так образуется *культурный слой* – слой земли, в котором содержатся следы жизнедеятельности человека.

Еще с древности человек обращал внимание на какие-то необычные вещи и конструкции, оставленные его далекими предшественниками. Со многими древними памятниками, особенно с погребальными сооружениями, связаны легенды, которые рассказывают об их происхождении. С особым почитанием относились к древним могилам царей. К примеру, Александр Македонский специально посещал гробницу персидского царя Кира Великого (современный Иран), жившего на два столетия раньше Александра. В последующие годы, когда гробница была ограблена, Александр Македонский приказал казнить грабителей, в знак уважения царской усыпальнице и самому царю.

Многочисленные легенды связывают древние городища, рудники и курганы с древними мифическими народами. Русский фольклор связывает их происхождение с чудью – народом, который при заселении его земли пришлым населением какое-то время ожесточенно оборонялся, а после неудачной борьбы с переселенцами «ушел под землю». По народным преданиям, от следов чудской обороны сохранились городища, следы «ухода под землю» сохранились в виде многочисленных курганов. После присоединения Сибири к Российскому государству, переселенцы также стали связывать сибирские памятники с чудью. Древние рудники, в большом количестве встреченные здесь русскими рудознатоками, они называли «чудскими копиями», то есть рудниками пресловутого мифического народа.

Человек издревле проявлял интерес и всегда пытался объяснить происхождение руин древних строений, старинных погребений, необычных находок, относящихся к предшествующим поколениям. С зарождением исторической науки и развитием научной мысли, ученые мужи стали связывать те или иные археологические памятники с какими-то конкретными историческими событиями. В России в процессе становления интереса к древним памятникам европейской части страны, такими событиями было монгольское нашествие, переселение славян, деятельность древнерусских князей или библейских апостолов и т.п. Шло постепенное накопление сведений о предметах старины и древних памятниках. Появились специальные организации, занимавшиеся сбором сведений о древних памятниках. Эти организации разрабатывали правила обследования древних памятников, чтобы при их раскопках получить как можно больше важной информации.

Современные исследователи применяют целый комплекс методов для изучения древней истории. При помощи естественных наук (ботаники, биологии, геологии, географии, физики, химии, генетики) ученые получают сведения об особенностях питания древнего человека; довольно точно могут определить время создания тех или иных археологических памятников; охарактеризовать особенности природной среды и климата в конкретные периоды истории. Последние годы все большее место в археологических исследованиях занимает генетика, позволяющая проследить масштабные миграционные процессы, происходившие в древности и средневековье. Ярким примером генетических исследований древней истории является выделенный новый вид человека – *денисовский человек*. Генетики исследовали найденные в Денисовой пещере человеческие зубы и фалангу мизинца и пришли к заключению, что изученные находки не относятся не к одному из известных на тот момент видов людей. В результате был сделан вывод, что на Алтае около 50 тыс. лет назад проживал особый вид людей, причем проживал он параллельно с двумя другими видами людей – неандертальцами и кроманьонцами.

Хозяйственные занятия древних и средневековых народов

также исследуются методами из разных научных дисциплин. Благодаря современным технологиям, исследуется состав древнего металла и красителей, применявшиеся при производстве одежды и посуды. Все это позволяет восстановить особенности ремесленного производства вещей или древние торговые связи, в том случае, если обнаружится что вещь импортная.

Изотопный анализ сохранившихся в погребениях волос человека, позволил охарактеризовать питание населения пазырыкской культуры, проживавшее на высокогорном плато Укок около 2,5 тысяч лет назад. Проведенное исследование показало, что основу их питания составляла пища богатая животным белком – мясом или молоком, а также они потребляли значительное количество рыбы [Феномен алтайских мумий 2000: 235]. В общем, такие результаты не удивительны, ведь даже в условиях современности водоемы Южного Алтая богаты рыбой, а население этого района до сих пор в большом количестве производит и потребляет молочные и мясные продукты.

При раскопках мест древних поселков археологии в большом количестве находят фрагменты костей домашних и диких животных. Специалисты называют эти находки кухонными остатками – то есть это кости, мясо с которых было съедено, а сами кости выбрасывались. Многие из них растаскивались и разгрызались собаками, но какая-то часть оставалась рядом с человеческим жильем. Остатки этих костей и находят исследователи при раскопках. С этими костями работают археозоологи – специалисты, определяющие, каким видам животных принадлежали кости.

После определения видовой принадлежности костей, производится подсчет, сколько костей разных видов животных найдено на месте древнего поселения. Исходя из расчетов, исследователи делают выводы об особенностях мясного потребления, составе стада домашних животных в хозяйстве древнего и средневекового населения и определяются излюбленные объекты мясной охоты. Определив количество костей разных видов животных, найденных на древнем поселении, можно произвести примерное сопоставление объемов мяса разных видов животных.

Подобное исследование по памятникам I тыс. н.э. показало, что больше всего мяса население Алтая в тот период получало от скотоводства. Причем, больше всего съедалось конины. Несмотря на то, что мясо, добытое на охоте, составляло примерно 11% от всего потребляемого мяса, все же оно вносило значительное разнообразие в мясное потребление населения.

Определение объектов пушного промысла возможно благодаря сохранившимся фрагментам одежды, изготовленной из шкур диких животных. Особенно хорошо сохранились меховая одежда в *мерзлотных погребениях* пазырыкской культуры. Благодаря устройству курганов, в глубоких могильных ямах жэтих курганов после похорон образовалась мерзлота, в которой на протяжении 2,5 тыс. лет оставались замороженными все вещи, которые были уложены в могилу, сохранились и мумифицированные тела самих погребенных людей.

Значительные сведения о жизни древнего населения можно получить при изучении изобразительных источников. Для истории Алтая наиболее многочисленными изобразительными источниками являются наскальные рисунки (*петроглифы*), известные здесь в большом количестве. В петроглифах встречается большое количество изображений диких и домашних животных. Благодаря изучению этих петроглифов можно реконструировать некоторые способы ведения хозяйства, охотничьи приемы и технику. Наиболее подробными и информативными являются раннесредневековые сцены в наскальных рисунках. Многие сцены охоты, относящиеся к этому периоду, так детально прорисованы, что можно увидеть даже особенности черт лица охотников, не говоря уже об их одежде и оружии.

Дополнительные сведения о внешнем облике, одежде и предметах материальной культуры населения древности и средневековья также можно получить, изучая каменную скульптуру. Скульптура – каменные изваяния, изображавшие живших в эпоху средневековья воинов, известны на Алтае в большом количестве. Правда, сейчас большинство этих памятников вывезено с первоначального месторасположения и хранится в музеях Республики Алтай и за ее пределами.

Некоторые особенности древнего хозяйства можно реконструировать, изучив способы и приемы ведения ремесла, рыболовства, охоты и других отраслей экономики народов, сохранивших традиционные способы ведения хозяйства. Поэтому многие исследователи культуры древнего населения обращаются к этнографии современных народов, для того чтобы сравнить свои выводы с «живой стариной».

Конечно, это далеко не весь перечень способов изучения древних народов. Научных методов существует много и каждый из них используется в соответствии с целями исследования, причем разработка новых способов получения информации из древних находок идет постоянно. В результате применения методов разных наук исследователи могут более полно реконструировать особенности древнего хозяйства, мировоззрения, миграционные процессы, происходившие в древности. С каждым таким исследованием «летопись» человеческой истории наполняется новыми фактами, а давно забытое прошлое становится более понятным.

2. Охотничьи ресурсы Алтая

Особенности хозяйства древних и традиционных обществ практически напрямую зависят от природных условий и географического положения региона, в котором проживают эти общества. Природные условия, особенности животного и растительного мира региона еще более важны для присваивающих форм хозяйства (охоты и собирательства). Поэтому, чтобы представить биологический фон охоты и понять, как естественные условия Алтая влияли на охоту, нужно привести небольшое описание природно-климатических условий региона, с учетом произошедших с течением времени изменений.

Российская часть Алтайских гор, которую среди археологов, как и среди специалистов некоторых других областей знания, принято называть «Горным Алтаем», представляет собой горный регион, расположенный в центре Евразийского материка. Он ограничен высокими хребтами с юга, востока и запада – южными природными границами служат горные хребты Сайлюгем и Тавын-

Богдо-Ола; восточной границей являются хребты Чихачева и Шашпальский; на севере Алтай граничит с Горной Шорией; на северо-западе горные алтайские реки вырываются в Предалтайскую равнину и Верхнеобское плато. По своему географическому расположению горы Алтая находятся между двумя просторными природно-климатическими областями – Западно-Сибирской равниной и полупустынными степями Монголии.

Горы Алтая сформировались в их современное состояние в кайнозойский период, то есть около 30 млн. лет назад, задолго до появления человечества [Маринин, Самойлова 1987: 12-18]. Однако в южных и юго-восточных частях Алтая еще сохранились следы более древнего рельефа – пенеплена, существовавшего до кайнозойской эпохи более 60 млн. лет назад. Это плоскогорье Укок, Улаганское плато и некоторые другие геологические структуры. В тот период Алтай представлял собой относительно ровную приморскую возвышенность, к которой с севера подступало Западносибирское море [Малолетко 2002: 19]. Около 40 млн. лет назад начались интенсивные горообразовательные процессы, которые в общих чертах сформировали современный облик гор Алтая. Уже с меньшей интенсивностью, но все же процесс горообразования продолжается и сейчас, о чем свидетельствует сейсмическая активность, наблюдаемая в регионе. Землетрясения небольшой силы здесь случаются довольно часто, и в большинстве своем даже не ощущаются человеком. Но как показало мощное Чуйское землетрясение, произошедшее в 2003 году, существует высокая вероятность и более опасных сейсмических событий, обладающих большой разрушительной силой.

Сегодня Алтай является самой высокой областью горного пояса Южной Сибири. С севера на юг идет повышение максимальных высот. Среди сложного горного рельефа для проживания человека наиболее удобны расширяющиеся участки речных долин и просторные межгорные котловины, часто называемые степями. Географы выделяют шесть физико-географических провинций в границах современной Республики Алтай: Юго-Восточная, Восточно-Алтайская, Центральноалтайская, Северо-Восточная,

Северо-Алтайская, Северо-Западная провинции [Маринин, Самойлова 1987: 89-97]. Для каждой провинции характерны свои ландшафты, климат, флора и фауна. В регионе отчетливо прослеживается высотная поясность, благодаря которой в горах Алтая наблюдается большое разнообразие ландшафтов. Выделяется четыре вертикальные зоны: степная, лесная, альпийская и нивальная [Малолетко 2002: 15]. Степной пояс, обрамляющий Алтай с севера и запада, проникает по долинам рек вглубь гор, занимая расширенные участки этих долин. Большую часть территории занимают леса. На севере, в увлажненной части Алтая произрастает таёжная растительность. В высокогорном поясе выделяется горно-тундровая и луговая растительность. Горная тундра приурочена к выровненным участкам древнейшего рельефа – пенеплену. Нивальный пояс – зона горных ледников, расположен на самой большой высоте и в основном характерен для Южного Алтая. Также для юга Алтая характерны высокогорные степи – Курайская и Чуйская котловины, близкие по характеру и составу растительности степям Северо-Западной Монголии [Малолетко 2002: 17].

Из-за особенностей географического расположения и рельефа, разнообразен и современный климат региона. Если говорить в общем, то климат региона, как известно, резкоконтинентальный. Для него характерна не только большая разница средней летней и зимней температуры, но и значительно отличающиеся дневные и ночные температуры. Проявляются здесь и различия местных климатов долин и котловин. Это связано с влиянием на климат макрорельефа, мезорельефа и микрорельефа. В общем, по температурным условиям холодного периода выделяется семь типов климата, а по местным условиям формирования режима температур выделяется 15 подтипов [Модина 1997: 115, 118].

Максимальная продолжительность солнечного сияния характерна для высокогорных котловин Юго-Восточного Алтая (более 2600 часов в год), а минимальное количество солнечного света попадает в узкие крутые долины, такие как каньоны рек Чулышман и Аргут, продолжительность солнечного сияния в которых составляет всего около 1300 часов в год. Над территорией

Горного Алтая происходит довольно частая смена воздушных масс, различающихся своими физическими свойствами, что связано с расположением региона на стыке различных физико-географических областей [Модина 1997: 26]. Разнообразии в движение воздушных масс вносят местные циркуляции – периодические горно-долинные ветры – фены. Исследователи отмечают, что климатические условия, близкие к современным, установились в начале голоценовой эпохи (около 12 тыс. лет назад) и с тех пор кардинальных изменений климата не происходило.

Из-за названных природно-климатических и ландшафтных особенностей современный животный мир Горного Алтая, также как и растительный, довольно разнообразен. Главным образом это связано с наличием хорошо выраженной высотной поясности и географическим расположением региона. Известный зоолог, исследователь алтайской фауны Генрих Генрихович Собанский писал:

«Разнообразие условий обитания обусловило видовое богатство животного мира этой страны. Здесь соседствуют представители северной тайги: лось, медведь и соболь – и обитатели степей и полупустынь: антилопа-дзерен, як, сурок, суслик и солонгой. Здесь живут горные виды – сибирский горный козел, горный баран, снежный барс, а также обитатель высоких широт дикий северный олень»

[Собанский 1988: 12].

Благодаря разнообразию природных угодий в горах Алтая около 100 видов диких животных нашли здесь свое место обитания. На сегодняшний день, на Алтае обитают дикие животные, характерные для совершенно разных природных областей. В настоящее время на территории Горного Алтая обитают представители нескольких отрядов млекопитающих, пять из которых представляют промысловое значение [Собанский 1988]. К насекомоядным относится сибирский или алтайский крот, который вплоть до недавнего времени являлся объектом пушной охоты. Из зайцеобразных здесь обитают несколько видов: заяц-беляк, заяц-

толай, заяц-русак, искусственно заселенный в советское время, и пищухи (или сенокоски) – монгольская, даурская, северная и степная. Грызуны представлены речным бобром, который был практически полностью истреблен в XIX веке и восстановлен в советское время; белкой обыкновенной; белкой-телеуткой; сурком алтайским. К хищным относятся представители нескольких семейств: волчьих (серый волк, лисица обыкновенная, корсак, красный волк); медвежьих (бурый медведь); куных (соболь, россомаха, горностаи, колонок, солонгой, степной хорек, сибирский барсук, выдра); кошачьих (рысь, снежный барс или ирбис, манул). Парнокопытные представлены несколькими видами, относящимся к трем семействам [Собанский 1988: 93-94]. К семейству оленевых (плотнорогие) относятся кабарга, марал, сибирская косуля, европейский лось, северный олень. Из полорогих на Алтае обитают сибирский горный козел и горный баран (аргали). Семейство свиньи представлено кабаном.

Кроме диких млекопитающих на Алтае обитает большое количество видов и подвидов птиц, которых насчитывается около 330, а если учитывать те виды, что зафиксированы на окраинах, то их насчитывается около 380 [Сушкин 1938б: 371]. Из всех видов птиц около 10% считаются охотничье-промысловыми [Конунова 2009: 6], некоторые виды также могли являться объектами охоты в древности и средневековье.

В прошлые времена, здесь проживали и другие виды диких животных, которые являлись традиционными объектами охоты. Еще менее полутора столетия назад кулан еще встречался в Юго-Восточном Алтае [Радлов 1989: 156]. А в древности кулан был распространен и на севере региона. Находки костей кулана известны на древних поселениях в Майминском и Чемальском районе. Судя по многочисленным находкам костей этого животного среди кухонных остатков, кулан был одним из любимых объектов охоты. На сегодняшний день этот вид полностью отсутствует среди фауны Алтая. Кроме кулана на юго-востоке с древности, вплоть до XVIII-XIX вв. обитали антилопы оронго и сайга [Собанский 1992: 93]. Существование этих зверей на Алтае в древности и средневековье

подтверждается наскальными рисунками [Ешелкин 1974: 67; Соенов, Суханов 2001: 139]. В Юго-Восточном Алтае обитала антилопа дзерен. Сегодня эти животные кажутся «экзотичными» для Алтая, но когда-то эти антилопы были привычны для региона.

При раскопках поселения гунно-сарматского времени (первая половина I тыс. н.э.) у села Майма среди кухонных остатков были и фрагменты костей сибирского горного козла. Видимо, ареал распространения животного практически достигал границы гор со степью. Ученые-зоологи отмечали, что современный ареал этого типичного представителя высокогорья сильно сократился, но даже в недалеком прошлом еще достигал села Чемал.

Произведя небольшой обзор современных естественных условий региона, становится понятно, что российская часть Алтая выглядит довольно привлекательной с точки зрения охотничьего промысла. Нужно заметить, что даже в недавнее время природная ситуация в регионе менялась. Из-за колебаний климата и других причин меняется зоологическая картина региона – происходят изменения районов распространения отдельных видов диких животных. В горы заходили нетипичные виды или, напротив, исчезали обычные для региона виды; сокращалось или увеличивалось поголовье тех или иных животных; смещались ареалы обитания. Ну а поскольку менялись объекты охоты, то и сам процесс охоты в какой-то степени претерпевал изменения.

3. Древнейшие охотники Алтая

Если же говорить о более ранних климатических периодах, то нас интересует время, связанное с историей человечества, – с 2,5 млн. лет назад, (время появления древнейшего человека) и до современности. Ну а поскольку речь идет об Алтае, то ниже будем говорить о периоде человеческой истории, когда человек впервые поселился на этих территориях, то этот период можно сузить до 0,8 млн. лет назад. Современная наука связывает происхождение человека с Африканским континентом, в подтверждение чему приводятся многочисленные убедительные факты. Именно отсюда произошло первоначальное расселение человека по земному шару. Существовавшие тогда виды людей были настоящими

землепроходцами, они освоили значительные территории. Одним из видов людей, который расселился на широкие территории Африки и Евразии, был *homo erectus* – человек прямоходящий. Судя по всему, именно человек прямоходящий не позднее 800 тыс. лет назад первым достиг Алтая, о чем свидетельствуют находки на стоянке Карамы, расположенной в долине реки Ануй. Эта стоянка древнего человека исследуется новосибирскими археологами на протяжении уже полутора десятка лет и является одним из древнейших следов человека в Сибири. В тот период климат был теплее, чем современный и природные условия региона благоприятствовали проживанию здесь людей. Однако спустя какое-то время, наступило очередное похолодание, климатические условия стали суровыми и горы Алтая покрылись льдами. Человек покинул Алтай, уйдя на юг, в более теплые места. Уходил *homo erectus* вслед за животными – привычными для него объектами охоты, которые мигрировали в более подходящие для них природные условия. С тех пор сменилось несколько периодов потепления (межледниковье) и похолодания (ледниковье). В длительные периоды потепления человек вновь заселял территорию Алтая. По мнению академика А.П. Деревянко, люди стали проживать здесь постоянно около 300 тыс. лет назад во время очередного потепления [Деревянко 2012: 44].

В последние годы генетиками и археологами были совершены важные научные открытия, связанные с древнейшей историей Алтая. Одним из самых обсуждаемых событий в мире науки за последние годы стало выделение отдельного вида (или подвида) человека – *homo sapiens altaiensis* (человек разумный алтайский). Этот вид или подвид человека еще называют денисовским, потому что фрагменты его костей были найдены в Денисовой пещере. Пещера располагается неподалеку от села Черный Ануй Усть-Канского района на границе двух современных административных российских регионов – Республики Алтай и Алтайского края. Судя по последним данным, денисовский человек проживал на Алтае около 50 тыс. лет назад и проживал он в регионе довольно длительное время. К сожалению, внешний облик денисовского человека пока еще восстановить не удастся, поскольку он выделен только по данным генетического

анализа нескольких зубов и фаланги пальца, относящихся к трем разным индивидам. Денисовский человек какое-то время проживал на одной территории с неандертальцем, другим исчезнувшим видом человека, который в основном расселялся на территории Европы и Средней Азии. Алтай был крайним на востоке регионом проживания неандертальца.

На протяжении всего древнего каменного века (палеолита), основу хозяйства древнего человека составляла охота и собирательство, напрямую зависящие от природных условий. Учитывая большую продолжительность этого периода, который занимает более 99% времени всей человеческой истории, надо заметить, что климатические условия постоянно менялись. С климатическими изменениями менялась флора и фауна региона. Привычные животные, которые были традиционными объектами охоты палеолитического человека, уходили из горных долин в периоды похолодания, ведь из-за высоты над уровнем моря, горный регион покрывался ледниками и животные не находили здесь для себя кормов. Наши далекие предки также уходили вслед за зверем в поисках пропитания. Впрочем, фауна Алтая эпохи палеолита в значительной степени отличалась от животного мира прилегающих равнин. Если в предгорьях Алтая довольно часто встречаются находки костей крупных представителей мамантовой фауны, то в горных долинах такие находки довольно редки. Видимо, сложный горный рельеф Алтая не очень подходил для проживания этих крупных неповоротливых животных.

Представить некоторые объекты палеолитической охоты древнейшего населения Алтая позволяют исследования фрагментов костей, обнаруженных на стоянках древнего человека. В палеолитических слоях Денисовой пещеры археологами найдены фрагменты костей корсака, степного хоря, малого пещерного медведя, пещерной гиены, шерстистого носорога, плейстоценового осла, яка, первобытного бизона, дзерена, сайги, архара, красного волка, дикой лошади, марала, солонгоя, сибирского козла и кости птиц [Археология, геология и палеогеография 1998: 34-35]. Конечно, какая-то часть костей заносилась в пещеру хищниками в те периоды,

когда пещера пустовала, но все же большинство этих находок попало в пещеру в результате охотничьей деятельности человека. Анализ особенностей расположения костей внутри Денисовой пещеры и на площадке перед входом позволил исследователям предположить, что мелкие копытные попадали в пещеру целыми тушами или большими кусками, а крупные разделялись за пределами пещеры [Природная среда и человек 2003: 233-234].

Интересная находка была сделана в культурном слое палеолитической стоянки Усть-Каракол-1. Там обнаружена кость ноги горного козла с надрезом (след снятия шкуры), которая может свидетельствовать о целенаправленной охоте палеолитического человека [Природная среда и человек 2003: 25]. В нижнепалеолитических слоях немногочисленных стоянок Горного Алтая орудий охоты не обнаружено, найдены лишь орудия, предназначавшиеся для обработки добытых на охоте материалов. В эпоху среднего палеолита уже появляются специальные орудия, предназначавшиеся для охоты – разного рода остроконечники [Природная среда и человек 2003: 352].

В конце палеолита (древнего каменного века) около 12 тыс. лет назад произошло сильное потепление. Средняя температура резко повысилась, и ледник стал отступать. Из-за быстрой смены климата изменился и привычный для палеолитического человека животный мир, вымирают крупные представители семейства млекопитающих. В изменившихся условиях меняется и материальная культура человека. В эпоху палеолита основным хозяйственным занятием была охота. Причем это была специализированная избирательная охота, то есть охота на определенный вид дикого животного. В Западной Европе и в зоне тундры таковым был мамонт, на юге Восточно-Европейской равнины жили охотники на бизона, в горных территориях была распространена охота на представителей горной фауны – козлов и баранов [Массон 1976: 26]. После изменений, произошедших в животном мире, человек был вынужден приспособиться к новым условиям, и начинает активно применять технические новшества. Несомненно, главным техническим явлением стало широкое распространение лука и стрел в качестве

основного охотничьего орудия. Судя по археологическим находкам, изобретение лука произошло гораздо раньше, но его повсеместное распространение случилось только после этих климатических изменений. Благодаря применению лука, охота на небольших и подвижных животных, мясо которых стало основным источником пропитания после исчезновения крупных представителей мамонтовой фауны, стала более успешной.

На ранних порах человеческой истории охотничья деятельность имела непосредственную связь с техническим прогрессом. В отличие от своих конкурентов – хищников, человек не обладал естественными средствами для добывания крупной добычи на охоте. Поэтому человек был вынужден применять различные средства, которые не были даны ему природой – он начал изготавливать орудия труда и использовать подручные материалы. Первые орудия труда, изготовленные человеческой рукой, были универсальными, то есть ими могли выполняться много операций. С развитием технологий орудия стали узкоспециализированными – предназначенные только для какой-то конкретной операции.

Первые же орудия труда вряд ли вообще являлись охотничьими. Ими можно было рубить и строгать дерево, колоть орехи, обрабатывать шкуры и мясо добытых животных. На охоте в этот период применялись подручные средства – камни, заостренные деревянные палки и рогаины [Массон 1976: 22]. Следующим этапом развития охотничьей деятельности в эпоху палеолита, по мнению советского археолога В.М. Массона, становится специализация охоты. В эпоху раннего палеолита из-за отсутствия высокоэффективных охотничьих орудий организация охотничьего промысла сильно зависела от поведенческих особенностей животных. Видимо, поэтому в разных регионах, населенных разными видами диких животных, были популярны разные формы охоты диких животных. То есть наблюдается специализация охоты, когда основу хозяйства населения отдельного региона составляла добыча какого-то конкретного вида животных, о чем мы упоминали в предыдущем разделе. В это время люди уже научились делать из камня остроконечники, использовавшиеся в качестве наконечников охотничьих копий.

Однако наибольшего расцвета технологические охотничьи средства достигли в эпоху верхнего палеолита (период в пределах от 40 до 12 тыс. лет назад). В это время появляются разнообразные орудия труда. Становятся распространенными дротики и копья, наконечники которых производились из камня и кости. Для более дальнего метания дротиков применялись копьёметалки. Важным новшеством эпохи верхнего палеолита, которое изменило и предопределило облик охотничьего промысла на многие тысячелетия вперед, стало приручение собаки.

Человек эпохи верхнего палеолита стал умелым охотником, его деятельность даже значительной степени стала влиять на популяции диких животных. Судя по находкам большого количества скелетов диких животных в ловчих ямах, оврагах и у подножия скальных обрывов, которые в то время использовались в качестве ловушек, истреблялось значительное количество дикого зверя. Главной формой охоты была коллективная загонная охота. Стадо зверей загонялось большой группой охотников к замаскированной яме или к крутому обрыву. Падая, какие-то особи разбивались на смерть, других сверху добывали охотники. Видимо такая охота могла наносить существенный ущерб популяции добываемого зверя.

Из-за довольно многочисленных находок свидетельств массового забоя животных в эпоху верхнего палеолита, даже появилась гипотеза о том, что причиной исчезновения крупных млекопитающих, в частности, мамонта, стала охотничья деятельность человека. Но, скорее всего, причин исчезновения мамонта было несколько и главной причиной стали климатические изменения.

Исторический период, наступивший 12 тыс. лет назад после потепления, археологи называют мезолитом – средним каменным веком, а климатический период, который тогда начался – голоценом. С тех пор кардинальных климатических изменений не было, хотя значительные колебания имели место быть в прошлом, изменяется климат и сейчас. Виды животных на которых охотилось население Алтае того периода известны по материалам древнего поселения Тыткескень-2, которое было исследовано в зоне затопления

проектировавшейся Катунской ГЭС недалеко от села Еланда. Во время раскопок найдены фрагменты костей косули, кабарги, марала, сибирского горного козла, муфлона и горного барана [Кирюшин, Кирюшин 2005: 8].

На заключительной стадии каменного века – в эпоху неолита (новый каменный век), излюбленной добычей алтайских охотников была косуля. Кроме косули добывали марала, горного козла, яка, лошадь и других животных. По мнению Н.Ю. Кунгуровой [1997: 4-5], изучившей особенности расположения неолитических поселений и находки на них, население Средней и Нижней Катунки специализировалось на охоте на стадных животных.

Развитие человеческого общества к завершающим периодам каменного века способствовало зарождению в эпоху мезолита в отдельных регионах мира производящего хозяйства – земледелия и скотоводства. На сегодняшний день древнейшим центром возникновения производящего хозяйства является Иранское нагорье (Ближний Восток). Но если первоначально были локальные очаги производящего хозяйства, то в эпоху неолита скотоводство и земледелие распространяются на большой территории. С появлением скотоводства количество мяса диких животных в питании древнего человека значительно снизилось, но все же человек на протяжении всей истории никогда не оставлял занятия охотой. Этот вид хозяйственной деятельности вносил разнообразие в рацион и был дополнительным источником продуктов питания. Кроме того, на охоте добывались такие материалы как пушнина, кости и рога, применяемые в ремесленных производствах. Поэтому даже с появлением производящего хозяйства значение охоты в жизни человека оставалось значительным.

Вопрос о появлении скотоводства и земледелия на Алтае остается нерешенным. По крайней мере, достоверно известно что в эпоху ранней бронзы население региона уже имело довольно развитое производящее хозяйство. Как отмечают специалисты, условий для самостоятельного появления производящего хозяйства на территории Алтая не было, поэтому очевидно, что скотоводство и земледелие было заимствовано, то есть носит пришлый характер.

4. Охотники эпохи бронзы и раннего железа

Кроме земледелия и скотоводства, в конце IV тыс. до н.э. на Алтай приходит металлургия. Начинается этап истории, получивший название эпоха *палеометалла* (древнего металла). Эта эпоха занимает большой временной промежуток в истории человечества. Она связана с освоением и развитием технологий работы с металлом, говоря другими словами, это время появления первых металлургов. На Алтае эпоха «ранних металлов» проходила с конца IV тыс. до н.э. по середину I тыс. н.э. и делится археологами еще на несколько периодов в соответствии с уровнем развития металлургии и общим развитием общества.

Первым металлом, из которого человек научился изготавливать различного рода изделия, стала медь. Однако медные вещи довольно длительное время еще не могли вытеснить камень, и начальный период эпохи освоения металла получил название меднокаменного века (на латыни *энеолит*). С развитием технологий и накоплением знаний, человек научился выплавлять изделия из бронзы. Как известно, медь это химический элемент, то есть это природный металл. Бронза это искусственный сплав меди с каким-либо другим металлом, обычно в качестве второго компонента применялось олово. Процесс производства стал значительно сложнее, однако изделия из нее получались гораздо крепче. Период, во время которого основным материалом для изготовления предметов материальной культуры, была бронза, назван бронзовым веком.

Вообще, бронзовый век это один из наименее изученных периодов истории Алтая. В пределах современной Республики Алтай исследовано довольно большое количество памятников раннего бронзового века (III тыс. до н.э.). Памятники последующих периодов – развитого и позднего бронзового веков (II тыс. до н.э.), напротив, еще не изучены в достаточной мере. Поэтому развитый и поздний бронзовый век еще остается белым пятном алтайской истории.

В эпоху бронзового века и в начале раннего железного века был сухой климат. Наблюдалась *аридизация* ландшафтов – значительное снижение показателей влажности и распространение степной

растительности и животных, привычных к сухим климатическим условиям. В этот период на Алтае уже существовало скотоводство, и роль охоты в мясном потреблении значительно снизилась. На территории современной Республики Алтай археологи производили раскопки в нескольких местах древних поселков, относящихся к этому периоду. На местах проживания найдены фрагменты костей домашних и диких животных, позволившие сделать вывод, что основой питания населения эпохи ранней бронзы являлось мясо домашних животных с заметной долей дикого мяса.

К эпохе бронзы относится большое количество наскальных рисунков. Петроглифы эпохи бронзы представлены изображениями диких и домашних животных и птиц, божеств, людей. Зафиксированы среди них и сцены охоты. В этот период на охоте употреблялись луки и стрелы, копья, широко применялись охотничьи собаки.

Последним периодом эпохи палеометалла стал ранний железный век. Период раннего железа начался в начале I тыс. до н.э. и закончился в середине I тыс. н.э. Ранний железный век делится на два периода – скифское время и гунно-сарматское время. В это время на Алтай приходит металлургия железа. Однако железные изделия были еще довольно редкими находками в первой половине периода, а основным используемым материалом долгое время оставалась бронза. Только с III-II вв. до н.э. широко распространились изделия из железа.

В отличие от бронзового века, ранний железный век, напротив, является одним из наиболее хорошо изученных периодов истории региона. Наибольшую известность получили памятники скифского времени, относящиеся к *пазырыкской археологической культуре*. Главным образом эта культура известна по погребальным памятникам – курганам. Уникальность погребений пазырыкской культуры в том, что под мощными каменными курганными насыпями в глинистых грунтах образовалась мерзлота, в которой сохранились предметы из органических материалов – дерева, кожи, войлока, ткани и т.д. Предположительно, процесс образования мерзлоты был такой. В глубокой могильной яме скапливалась вода, которую не пропускала глина [Кубарев 1987: 8, 9]. С наступлением холодов вода замерзала,

а в условиях довольно сурового климата, для которого характерно короткое лето с низкими ночными температурами, мерзлота, образовавшаяся под каменными насыпями, не таяла. Благодаря мерзлоте, вплоть до сегодняшнего дня, то есть спустя почти 2,5 тысячи лет, хорошо сохранилась не только одежда и предметы, сопровождавшие погребенных людей, но и их мумифицированные тела. В некоторых случаях, сохранились даже замороженные трупы лошадей, погребенных с человеком. В других памятниках предметы из быстроразрушающихся органических материалов обычно не сохраняются, и нет такого большого массива материала, как это наблюдается при изучении мерзлотных погребений пазырыкской культуры.

Весь этот богатейший материал, найденный в курганах пазырыкской культуры, позволил достаточно подробно реконструировать технологии многих направлений хозяйства. Сохранилась одежда, изготовленная из меха зверей; многочисленные изображения диких животных, что позволило представить основные объекты пушного промысла пазырыкцев. Рассматривая инвентарь, полученный при раскопках знатных курганов пазырыкской культуры, ленинградский археолог С.И. Руденко писал:

«Раскопки показали, что из парнокопытных добывались лось и благородный олень, горный баран и козёл, антилопа-сайга, козуля, кабан; из хищных – снежный барс, или ирбис, волк, возможно, леопард, степная кошка; из пушных зверей – выдра, соболь, белка, горностай; из грызунов – заяц. Помимо прекрасных изображений почти всех этих животных, в курганах сохранились рога и шерсть оленей, большое количество клыков кабана, меха леопарда, степной кошки, выдры, соболя, белки, горностая»

[Руденко 1952: 39].

И действительно, поражает разнообразие материалов, из которых изготавливалась одежда пазырыкцев. Белка, соболь, горностай, сурок, выдра – дикие животные, из меха которых

пазырыкцы шили свои шубы и другую верхнюю одежду, найденную при раскопках древних курганов на территории современных Усть-Коксинского, Улаганского и Кош-Агачского районов Республики Алтай [Полосьмак, Баркова 2005: 26, 44, 50].

На поселениях скифского времени при раскопках обнаружены кости косули, марала, лося, дзерена, реже встречены кости кабана, медведя, кабарги. Наиболее многочисленные фрагменты костей относятся к косуле [Шульга 2015: 53]. Видимо, этот вид был излюбленной добычей населения Алтая скифского времени.

Судя по всему, в эпоху раннего железного века на охоте стала широко применяться лошадь. В первой половине I тыс. до н.э. на Алтае впервые появляются погребения человека с верховой лошастью. С тех пор погребение человека с лошастью становится особенностью погребального обряда населения Алтая, сохранявшегося на протяжении почти трех тысячелетий. Это явление было связано с широким вхождением верховой лошади в повседневную жизнь человека. По мнению В.Д. Кубарева, известного исследователя алтайских древностей, в соседнем Монгольском Алтае в это время были распространены верховые облавы, охота гоном и загонная охота [Кубарев 2001]. Судя по всему, похожие формы охоты были характерны и для пограничных с Монголией территорий современной Республики Алтай.

Основным охотничьим оружием оставался лук со стрелами. Рассматривая изображения и фрагментарные находки луков, археолог В.Д. Кубарев выделил два типа луков, существовавших в скифское время на Алтае [Кубарев 1979: 166]. К первому типу он отнес короткие луки, по мнению автора, являвшиеся боевыми. Другой же тип, известный по находкам из курганов пазырыкской культуры, отличался большей длиной (105-110 см) и, как считал В.Д. Кубарев, эти луки были охотничьими. Стрелы, используемые при стрельбе из коротких и длинных луков, различались длиной древков.

В последний период раннего железного века – в гунно-сарматское время, основным охотничьим оружием остается лук, однако меняется его конструкция. Со II века до н.э. получает

распространение лук «гуннского» типа, имевший большие размеры, чем пазырыкский лук. Его главной особенностью стало применение узких пластинок, изготовленных из рога марала или косули, которые наклеивались на деревянную основу лука – *кибить*, для ее ужесточения. Благодаря усовершенствованию конструкции лука увеличилась дальность и точность полета стрелы.

В гунно-сарматское время, основными объектами мясного потребления из диких животных населением Алтая являлись три вида – кулан, марал и косуля. Именно кости этих животных встречались в большом количестве при раскопках поселений гунно-сарматского времени. Видимо, кулан являлся в этот период довольно распространенным видом в предгорьях Алтая и проникал глубоко в горные долины на территории современных Майминского и Чемальского районов Республики Алтай. В целом, мясо диких животных составляло примерно десятую часть всего мясного рациона населения гунно-сарматского времени.

Как мы видим, излюбленным объектом охоты у населения Алтая, начиная с эпохи позднего каменного века, была косуля и некоторые другие виды диких животных. С развитием производящего хозяйства доля диких животных в рационе питания снизилась. Тем не менее, значение охоты осталось большим – она вносила определенное разнообразие в питательный рацион. Большое значение для приспособления к суровому алтайскому климату играл пушной промысел, на котором добывался мех для шитья теплой одежды. Причем пазырыкская меховая одежда была не только теплой и удобной, но также была выполнена в определенной традиции, то есть подвержена моде, характерной для того времени, и представляет собой замечательные образцы портняжного ремесла скифского времени.

5. Охота и война в жизни средневековых тюрков

Тюркское время в истории Алтая занимает период с VI по XII века нашей эры. Это время получило название от тюрков – раннесредневекового народа, от имени которого была названа большая семья близкородственных языков. В шестом веке тюрки создали

Первый Тюркский каганат – одно из самых крупных государств в истории человечества. В 552 году они разгромили *жужаней*, господствовавших в степях современной Монголии и Северного Китая. После этого, тюрки завоевали огромную территорию от Восточной Европы на западе и до Дальнего Востока на востоке. Однако главным результатом их завоеваний стало установление контроля над Великим шелковым путем, приносившем большой доход тюркам. Во главе тюркских каганатов стояли представители знатной династии Ашина.

Конечно, «золотой век» династии Ашина был недолог. Как и любая другая империя, а тем более таких огромных размеров, Первый и Второй тюркский каганаты не были прочными образованиями. После череды распрей из-за каганского престола среди высшей знати тюрков в первой половине VIII века династия Ашина перестала существовать. С тех пор остатки тюрков поселились на Алтае и в Джунгарии [*Кляшторный, Савинов 2005: 110*].

После падения тюркских каганатов им на смену пришел Уйгурский каганат (745-840 гг.). Основу нового государства составили уйгуры – одна из этнических групп теле (тогуз-огузы), силами которых тюрки ранее «геройствовали в пустынях севера». На смену уйгурам в качестве гегемонов центрально-азиатских степей пришли кыргызы. После того как уйгуры начали продвижение на север на Енисей, кыргызы разгромили уйгуров и захватили их владения в Монголии. Тюрки уже не принимали сколько-нибудь значимого участия в этих событиях.

Эти события происходили в довольно благоприятных климатических условиях. В начале раннего средневековья, примерно до VII в., климат в Центральной Азии был сухим и холодным, в этот период случались падежи скота [*Кляшторный, Савинов 2005: 91, 92*]. Однако с VII-VIII вв. начался период, получивший название малого климатического оптимума, который был характерен мягким и теплым климатом. Средние температурные показатели были чуть выше современных. Имеются разнообразные сведения, в том числе исторические, говорящие о том, что в VII-X вв. в Азии было относительно тепло. На VII-VIII вв. приходится минимальное

количество суровых зим в Китае [*Монин, Шишков 1979: 354-355*]. Эти сведения подтверждается наблюдениями за колебаниями ледников Юго-Восточного Алтая, которые свидетельствуют о повышении в эпоху раннего средневековья средней летней температуры [*Галахов и др. 2002: рис. 1; Галахов и др. 2010: 14-25*]. Естественно, благоприятный климат положительно сказывался на экономическом и культурном развитии населения региона.

На Алтае от эпохи древнетюркских каганатов осталось большое количество уникальных археологических памятников. Для того чтобы изучить культуру средневекового населения, археологи исследовали на Алтае достаточно много погребальных и поминальных памятников, оставленных тюрками. Тюркские погребения второй половины I тыс. н.э. обычно представляют собой сопогребение человека с лошадей, похороненных под каменной насыпью – курганом. Обычно умершего хоронили вместе с оружием и его личными вещами, и укладывали в могильную яму одну лошадь. Однако встречаются погребения знатных тюркских воинов, которые погребались с несколькими лошадьми.

Раннесредневековые тюрки создали собственную руническую письменность, истоки которой пока еще не найдены исследователями. Наиболее выдающиеся памятники тюркской рунической письменности известны в степях Монголии, они представлены текстами, вырезанными на каменных стелах, установленных в память о выдающихся военачальниках и правителях тюркских государств раннего средневековья. Встречаются рунические памятники и в горах Алтая. Выделяются места скопления надписей, к примеру, на Калбак-Таше, в долине реки Каракол, у села Мендур-Соккон и в Чуйской степи. Всего на территории Республики Алтай известно около 100 тюркских надписей.

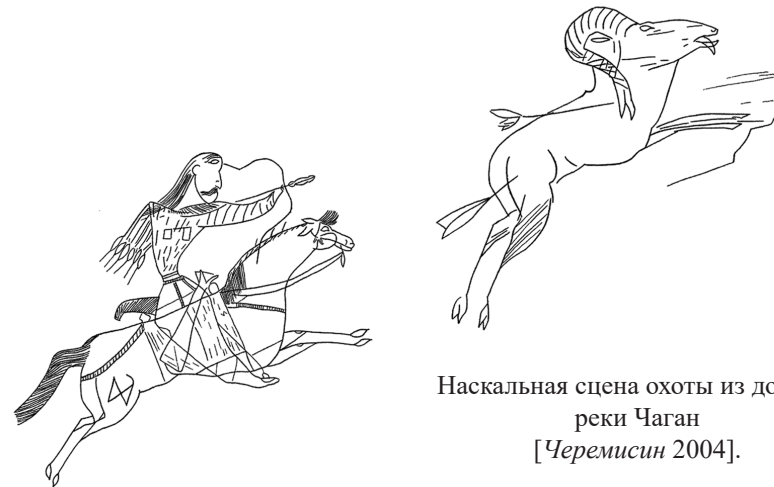
В большом количестве на территории Алтая найдены яркие образцы тюркского наскального искусства. В раннесредневековых петроглифах очень популярны сюжеты охоты. На скалах Российского Алтая зафиксировано около 30 охотничьих сцен эпохи раннего средневековья, а также большое количество отдельных фигур диких животных – объектов охоты. Все охотничьи сцены



Наскальная сцена охоты и руническая надпись в урочище Кургак
[Кляшторный, Кубарев 2002].

изображены в динамике, то есть участники этих сцен нарисованы в движении. Звери убегают от охотников, охотники чаще всего изображались в момент натяжения лука. В этих сюжетах участвуют как пешие охотники, так и всадники. Благодаря детальной прорисовке мельчайших элементов костюма и снаряжения охотников можно увидеть весь комплекс снаряжения и детали костюма тюркских охотников. Нарисованные на алтайских скалах тюрки были одеты в кафтаны и подпоясаны. Иногда прослеживаются детали поясного набора, подвешенные к поясу предметы – колчаны и налучья. Прически тюрков – распущенные волосы, часто заплетенные в несколько кос. Косы собирались в нижней части в пучок. В концы кос вплетались вытянутые наконечники. Иногда изображались шапки типа малахая с наушниками или головные уборы, напоминающие шляпу. Иногда прорисовывались небольшие шапочки. В некоторых случаях можно даже проследить у охотника два пояса – обычный пояс и пояс с колчаном [Черемисин 2004: 45].

Практически все тюркские охотники в наскальных рисунках изображались вооруженными луком и стрелами. У села Усть-Кан найдена выгравированная сцена соколиной охоты, весьма популярной у раннесредневековых тюрков. Часто в сценах изображались охотничьи собаки, которые преследовали добычу или загоняли ее на хозяина. Очень тщательно художники, наносившие



Наскальная сцена охоты из долины реки Чаган
[Черемисин 2004].

петроглифы, прорисовывали лошадей охотников. На крупах некоторых коней прослеживаются фамильные или личные тамги. Объекты охоты, изображенные в охотничьих рисунках на скалах, представлены обычными для Алтая видами диких животных. Наиболее распространены рисунки оленей (косулей и маралов), также встречены изображения горных козлов и архаров. Более сложная и опасная добыча – например медведь, кабан, волк и птица изображалась реже. Многие звери изображались пораженными или ранеными стрелой.

Концентрация тюркских памятников на Алтае связана с важной ролью региона в истории тюрков. В китайских источниках содержатся две генеалогические легенды о происхождении тюрков. Историк С.Г. Кляшторный, исследовавший эти легенды, выявил их реальную основу. Он посчитал, что эти легенды относятся к двум периодам истории «племени Ашина» [Кляшторный 1965]. Первый период историк называет ганьсуйско-гаочанским (Северный Китай), а второй период алтайским, т.е. временем после переселения тюрков на Алтай в 460 году. В этих легендах упоминается, что название «тюрк» народ Ашина принял уже на Алтае. Как показывает изучение

письменных и археологических источников, формирование основы тюркского этноса происходило на территории Алтая. Именно здесь тюрки стали той мощной силой, которая в 552 году разгромила государство жужаней и стали политическим и военным гегемоном в Евразийских степях.

Тюрки добились значительных военных успехов благодаря развитым навыкам ведения войны. Судя по письменным источникам, среди тюрков наиболее уважаемыми занятиями для мужчин являлись в военное время – война, а в мирное время – охота. Эти два занятия были связаны друг с другом, ведь тюрки регулярно отрабатывали навыки боя даже в мирное время именно на охоте. Во время охоты отрабатывались не только непосредственные боевые навыки, но также отрабатывалось и взаимодействие между военными подразделениями. В соседних с Алтаем степях Монголии, Казахстана Северного Китая, где в VI-VIII веках они господствовали, тюрки устраивали большие по площади и количеству участников *облавные охоты*. Облавы были важным элементом военной подготовки тюркского войска [Кушкумбаев 2009: 142]. В таких охотах могли участвовать тысячи охотников, поэтому для их управления нужна была стройная и четко упорядоченная структура. Поэтому, во время облавы применялась обычная для центрально-азиатских народов трехчастная войсковая структура – центр и два крыла, левое и правое. Поэтому облавная охота была прямым аналогом военным действиям, а ее организация – традиционной центрально-азиатской структуре войска. Такая структура сохранилась у традиционной бурятской облавной охоты [Жамбалова 1991: 104]. Все охотники делились на три части – два фланга и центр. Общим руководителем являлся предводитель центральной части.

Другие народы, одновременные тюркам также использовали охоту в качестве военных тренировок. В византийском военном трактате, названном исследователями «Стратегикон Маврикия», который был написан в конце VI или начале VII века, содержится специальный раздел об охоте. Этот раздел называется «Об охоте: как следует охотиться на диких животных, не претерпевая вреда,

несчастных случаев или ранений» [Стратегикон 2004: 229-232]. Начинается раздел со следующих слов:

«Поскольку занятия охотой приносят не только много душевных волнений стратиотам [воины, набравшиеся среди византийских крестьян – Н.К.] и тренировки лошадям, но и опыт боевых построений, необходимо тренировать стратиотов путем постоянных занятий охотой в подходящие и благоприятные периоды времени, когда неопытные получают возможность легко обучиться, а те, кто, возможно, совершит промах, – исправит свои ошибки, не претерпев наказания. И так как Божественное Проведение наделило некоторых диких животных отменной чуткостью, быстротой бега и наличием вожаков, мероприятия против них следует проводить по аналогии с тактикой и стратегией»

[Стратегикон 2004: 229].

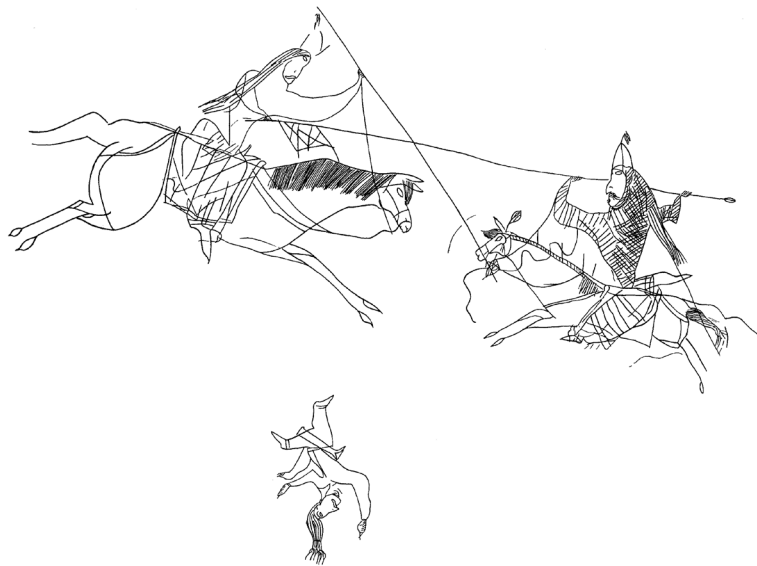
Знаменитый китайский военачальник Ли Юань (будущий Гаоцзу – первый император могущественной китайской династии Тан), служивший на северной границе Китая, имел частые контакты с тюрками и хорошо знал их обычаи. Для того чтобы создать сильное войско способное побеждать тюрков военачальник приучал своих воинов к тюркскому образу жизни и заставлял их заниматься облавной охотой [Гумилев 1967: 139].

Охота имела значение для двух аспектов военной подготовки. Во-первых, на охоте отрабатывались большие тактические приемы и взаимодействие разных структурных элементов войска. Естественно, они отрабатывались при проведении больших облавных охот. Во-вторых, во время охотничьей деятельности отрабатывались элементарные навыки ведения боевых действий, такие как стрельба из лука по движущимся объектам, преследование добычи на лошади и многое другое. Л.Н. Гумилев писал что, распространенная в раннем средневековье у тюрков облавная охота

«требует специальной выучки загонщиков и охотников, и это было очень полезно для тюркютов, потому что охота была подготовкой к воинским подвигам, своего рода манёврами. Удачная облава давала большое количество мяса, которое было основной пищей тюркютов, и случалось, что даже во время войны они устраивали охоту, чтобы пополнить запасы»

[Гумилев 1967: 70].

Не случайно, охотничьи «достижения» или подвиги иногда отмечались в поминальных рунических надписях сопредельных с Алтаем регионах. По мнению С.Г. Кляшторного, благодаря совершению охотничьего подвига тюркский юноша мог получить «мужское имя», то есть перейти в социальный статус мужчины [Кляшторный, Савинов 2005: 153]. Одной из престижных форм охоты для тюркской знати была соколиная охота. Это один из



Сцена боя из долины реки Чаган [Черемисин 2004].

типичных, хотя и довольно немногочисленных сюжетов тюркских петроглифов.

Судя по руническим текстам, найденным в долине реки Енисей, элита *кыргызов*, близких тюркам по языку и культуре, очень любила охоту. Главным же показателем воинских качеств было количество убитых врагов [Кормушин 2008: 307, 310]. Причем победа в поединке и охотничьи достижения стояли практически на одном уровне. В рунических текстах после количества лично убитых врагов указываются охотничьи достижения:

«Я убил 22 воина-врага. Я убивал синих волков, черных соболей, оленей ...»

[Кормушин 2008: 308].

Тот факт, что тюрки были отличными воинами, подтверждают многие рунические тексты и другие письменные источники эпохи раннего средневековья. Для тюрков очень важен и почетен был личный подвиг в бою. К примеру, в поминальной надписи в честь Кюль-Тегина – выдающегося тюркского военачальника и родного брата правителя тюрков Бильге-кагана, так описываются его боевые подвиги:

«...Кюль-Тегин сел на белого жеребца из Байырку, бросился в атаку, одного мужа он поразил стрелой, двух мужей заколол копьем одного после другого. <...>

Кюль-Тегин, сев на белого коня Азмана, бросился в атаку, шесть мужей он заколол, в свалке он порубил мечом седьмого. Во второй раз мы сразились с эдизами при Кушлагаке. Кюль-Тегин, сев на своего бурого азского коня и бросившись в атаку, заколол одного мужа; девять человек он убил при преследовании; народ эдизов тогда погиб. В третий раз при Бол ... мы сразились с огузами. Кюль-Тегин, сев на белого коня Азмана, произвёл атаку и переколол нескольких врагов; их войско мы перекололи, их племенной союз покорили...»

[Малов 1951: 41, 42].

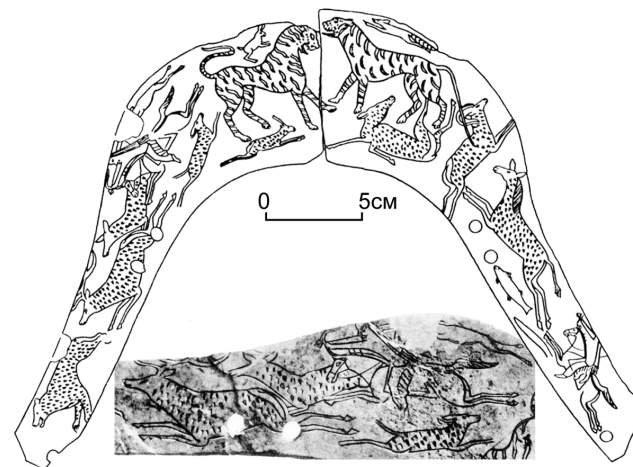
По сообщениям арабских источников, тюрки не переставали охотиться даже во время военных походов [Асадов 1993]. Естественно, охота была не только военной тренировкой и не являлась простым развлечением тюркской знати. Существовали строгие правила охоты, нарушать которые было нельзя. К примеру, китайский летописец приводит рассказ о том, что тюркский каган Шаболио скончался после охоты, на которой он нарушил традиционные правила охоты: убивая оленей, он брал только некоторые части туши, наиболее вкусные которые посылал китайскому императору. После возвращения с охоты в ставку, там случился пожар, а через некоторое время каган умер. Эти происшествия связывались современником с нарушением охотничьих обычаев [Потанов 2001].

В некоторых случаях охота была едва ли не единственным источником добычи продовольствия для тюрков. К примеру, в жизнеописании Тоньюкука – советника трех тюркских каганов, высеченном на его поминальной стеле, описывается сложная военная ситуация, когда тюрки были окружены со всех сторон врагами:

«...Мы избрали местожительство Куз Чугая и Каракумы, мы жили там, питаясь оленями и питаясь зайцами. Горло народа было сыто. Враги наши были кругом, как хищные птицы, мы были для них падалью...»

[Малов 1951: 65].

Главную мощь тюркского войска составляла кавалерия. Кавалерия тюрков в основном была *тяжеловооруженной* – род конного войска, в котором и воины и их лошади защищены тяжелыми металлическими доспехами [Горбунов 2003: 91]. Этот доспех шивался из железных пластин. Главным оружием тяжеловооруженной конницы было копье. Вооружение стоило дорого, ведь процесс изготовления доспеха занимал много времени и это был трудоемкий процесс. Поэтому, такое вооружение могли себе позволить только знатные воины. Судя по всему, основные



Сцена охоты на накладках на переднюю луку седла из могильника Кудырге [Руденко, Глухов 1927; Грязнов 1961].



Изображения лошадей с тамгами в петроглифах и тамга на стеле [Миклашевич 2003; Черемисин 2004].

поминальные сооружения и надписи посвящались именно элите тюрков. Именно знатные воины изображались в наскальных сценах охоты и боя.

Для тюркской знати эпохи раннего средневековья важной символической системой являлась *геральдика* – система фигур, знаков, эмблем, являющихся символами какой-то семьи, рода, общественного объединения, города, страны и т.д. Украшение конской сбруи геральдическими изображениями животных и птиц, было распространено на Алтае еще в I тыс. до н.э. у пазырыкцев [Савинов 1998: 138] и получило дальнейшее развитие в тюркское время. Примером геральдического изображения животных в тюркском искусстве являются две фигуры тигров, изображенных на луке седла из могильника Кудырге. Рисунок был найден в 1920-е гг. на могильнике, расположенном в долине реки Чулышман, С.И. Руденко и А.Н. Глуховым. Интересным дополнением двух «геральдических» фигур хищников, является охотничья сцена, нанесенная рядом с тиграми. Сюжет конной охоты, изображенный на накладках, обычен для тюркских петроглифов [Савинов 2005: 20].

Как мы видим, на этих примерах, охота нашла отражение даже в геральдике, так ценили ее знатные тюркские воины. Они считали почетным ездить в седле, с изображением охоты. В некоторых сценах охотники изображены скачущими на лошадях, на крупе которых нарисованы тамги – самый простой геральдический символ. Такой символикой в эпоху раннего средневековья могли обладать только знатные семьи [Кызласов 2008: 459]. Это еще одно подтверждение тому, что в наскальных сценах охоты изображались знатные воины.

Китайские летописи изобилуют сюжетами, в которых описывается, как разные тюркские исторические деятели проводили время на охоте и многие важные события происходили во время проведения ими охотничьего промысла. Показателем союзнических отношений китайской и тюркской династий являлось разрешение на охоту в китайских владениях. Так, каган Шаболио с разрешения правителя китайской династии Суй охотился в его владениях [Бичурин 1950: 238]. Однако, после неправильно проведенной

охоты, на которой Шаболио нарушил тюркские охотничьи обычаи – от добытых оленей он взял только «голова и задки» (самые вкусные части туши), у кагана сгорела ставка, и через некоторое время каган скончался. Современники видели в этом божественную кару, последовавшую вслед за нарушением традиций охоты [Потанов 2001: 15].

На Енисее, в соседних с Алтаем Хакасии и Туве, найдено много раннесредневековых рунических надписей. Практически все эти надписи были *эпитафиями* – поминальными текстами в честь умершего человека. Посвящались они, главным образом, представителям местной знати и часто в них упоминаются охотничьи достижения поминаемого человека [Кормушин 2008: 310]. Однако, в алтайских рунических надписях достоверных упоминаний охоты нет, что может быть каким-то образом связано с мировоззрением алтайских тюрков.

Тем не менее, охота занимала важное место в повседневной жизни тюрков Алтая. На охоте добывалось мясо и материалы для ремесленного производства – кость, рог и шкуры. Широко была распространена добыча пушнины, для этих целей существовали даже специальные стрелы с тупыми наконечниками. Такие стрелы поражали пушных зверей, не пробивая их шкурки, и таким образом сохранялось высокое качество меха. В общем, в эпоху раннего средневековья тюрки Алтая, совмещая боевые действия с охотой, оставались искусными воинами и охотниками.

6. Отголоски древности в современном охотничьем промысле

Рассматривая охотничий промысел древнего населения, невозможно обойтись без этнографических параллелей, то есть сравнения археологических источников с охотничьими традициями современных народов. Естественно, сегодняшний промысел сравнивать с древней охотой практически бессмысленно, однако охотничьи приемы, техника и обычаи сибирских народов в XVIII – начале XX века подходят для таких исследовательских процедур. Описание охотничьего промысла содержится в трудах многих

исследователей и путешественников, наблюдавших традиционный образ жизни алтайцев в XIX – первой половине XX века.

Специальная работа, посвященная охотничьему промыслу алтайцев, была издана Л.П. Потаповым, который наблюдал охотничий промысел населения Северного Алтая в 20-30-х гг. XX века. Причем он наблюдал промысел, выезжая вместе с охотниками на продолжительную зимнюю охоту [Потапов 2001]. Благодаря участию в самом процессе охоты, тогда еще сохранявшей все традиционные черты, он составил подробное описание всех этапов промысла, начиная со сборов в охотничьи угодья и заканчивая дележом добычи и возвращением в селение.

Многие другие этнографы – исследователи культуры алтайцев, также описывали охотничьи приемы и технику разных групп населения. Вместе с тем, изучая этнографические работы, мы столкнулись с неправильной трактовкой некоторых традиционных форм охоты. Например, часто этнографами, изучавшими охотничий промысел алтайцев, употреблялся термин «облавная охота» [Сатлаев 1974: 54; Потапов 2001: 26; Дьяконова 2001: 33]. Нужно заметить, что это довольно важный вопрос, ведь облавная охота характерна для степных народов, а Алтай все-таки горный регион. Поэтому необходимо разобраться, действительно ли на Алтае были облавы? Облавная охота имеет ряд характерных особенностей. В первую очередь, облава характерна окружением местности, в которой сосредоточена охотничья добыча и постепенным сужением кольца окружения, в ходе которого шел отстрел животных [Жамбалова 1991: 34]. Также в облавах обычно участвует большое количество охотников.

Л.П. Потапов так описывает алтайскую охоту, которую он называет облавой:

«Охотники разделялись на загонщиков (агырчи) и стрелков-караульчиков. Облава происходила по следу или ходу маралов и козуль и была основана на широком использовании естественных особенностей местности. Стрелки занимали места на тропах, по которым шли животные, выходы из

долины, а загонщики гнали животных. <...> Ранней весной <...> устраивали облавы на маралов на лыжах, по насту и замучивали их преследованием»

[Потапов 2001: 26].

В.П. Дьяконова описывает «конную облавную охоту» – агырту, следующим образом:

«Участники облавной охоты разбивались на несколько групп (3-4 человека) и занимали избранные позиции по северному склону горы. Начиналась охота с нижнего склона горы, группа охотников с криком (агырт) теснила зверя вверх. Его по мере продвижения к вершине горы отстреливали те или иные группы охотников»

[Дьяконова 2001: 33].

Судя по приведенным описаниям, становится ясно, что указанные формы охоты относятся к разновидностям загонной охоты и охоты гоном. Рассмотрев этнографические работы, оказалось, что в них нет ни одного описания форм традиционной охоты алтайцев, которую можно было бы отнести к облавной охоте. Кроме того, имеются архивные свидетельства, о том, что для населения Алтая XVIII века была характерна охота небольшими группами, от 4 до 20 участников, а для облавы нужно большое количество охотников, чтобы окружить участок со зверем.

Впрочем, имели место исключения. В частности, в донесении начальника гарнизона Усть-Каменогорской крепости Крофта, датирующемся 30 декабря 1755 года, упоминается группа из 250 алтайских охотников, проезжавшая на лошадях рядом с крепостью [Самаев 1991: 40]. Однако учитывая военно-политические события, происходившие в регионе в это время после распада Джунгарского ханства, можно предположить, что объединение в большие группы было вынужденной мерой в условиях постоянной опасности нападения со стороны китайских, монгольских, казахских и русских военных отрядов.

В этнографическое время у населения Алтая была широко распространена коллективная охота, включающая в себя элементы *активных* и *пассивных* форм охоты. Л.П. Потапов записал рассказы старых охотников Северного Алтая, которые помнили охоту с использованием ловчих ям и изгородей. Он пишет, что шорцы огораживали места брода на осенних миграционных путях лосей, маралов и косуль, оставляя проходы, в которых устанавливались петли. На концах городьбы устанавливались шалаши, в которых постоянно находились охотники, караулящие добычу. Ловчие ямы выкапывались на тропях [Потапов 2001: 26, 28-29; Самлаев 1974: 54]. В.И. Вербицкий также пишет, что на марала и лося алтайцы

«делают городьбу, которая бывает версты на три, кое-где оставляя пустоту. Внутри городьбы наставляют от 200-300 луков»

[Вербицкий 1893: 35].

По каким-то причинам этнографы очень редко обращали внимание алтайских охотничьих собак и в этнографической литературе содержится мало сведений о них. В.В. Радлов отмечал, что собаки, которых он видел во второй половине XIX века во множестве у алтайских юрт, были призваны охранять стада домашних животных от волков. Исследователь описывал собак худыми, плохо накормленными и очень злыми [Радлов 1989: 152]. Видимо, основная задача этих собак была пасти и охранять скот. Судя по архивным сведениям, в 20-е гг. XX в. алтайцы использовали на охоте лаек [Романова 2012]. Исследователь южных алтайцев В.П. Дьяконова отмечала, что у теленгитов имелись «специально натасканные собаки», которые «всегда находили раненного зверя». Использовались собаки также в загонной охоте – *агырту* (*агыртар*) [Дьяконова 2001: 33]. По сведениям директора Агентства по историко-культурному наследию Республики Алтай В.П. Ойношева, у алтайцев еще в советское время сохранялась особая порода собак с большими отвислыми ушами, которых они называли *тайгылами*. Видимо, это была местная порода, которая сейчас в результате смешения с завезенными новыми породами,

уже может быть безвозвратно утеряна. Похожая судьба была у тувинских собак *тайганов*, которые полностью исчезли за советское время [Даржа 2008: 502]. Остается надеяться, что местные южно-сибирские породы исчезли не полностью, и когда-нибудь найдется селекционер, который выведет этих собак и восстановит породу.

Очень важны этнографические материалы для интерпретации ритуалов и обрядов, происходивших в рамках охоты, ведь охотничья деятельность древних, средневековых и традиционных обществ была неразрывно связана с религиозной составляющей. Следы различных ритуалов и обрядов, связанных с охотничьей деятельностью, часто обнаруживаются при изучении археологических памятников. К примеру, находки костяных наконечников стрел с обломанными остриями в Денисовой пещере натолкнули авторов на мысль о том, что пещера использовалась в обрядах, представленных стрельбой из луков в полость пещеры [Деревянко, Молодин 1994: 134]. Следы подобных обрядов фиксировались в материалах многих сибирских и уральских пещер. Пещера, в представлениях традиционных обществ Сибири, начиная с глубокой древности, рассматривалась как некое детородное начало, что «обусловило существование культов, связанных с оплодотворением горы», а стрелы использовались «в качестве символов мужского производящего начала наряду с фаллическими изображениями» [Деревянко, Молодин 1994: 132; Кызласов 1999]. Очевидно, что символика стрел не ограничивалась только этими положениями, она включала в себя и другие аспекты [Худяков 2004: 111]. Судя по всему, появление обрядов «оплодотворения» пещеры/горы уходит в глубокую древность, в эпоху каменного века. Как свидетельствуют археологические находки, эти обряды могли проводиться населением Горного Алтая в раннем железном веке.

С глубокой древности у многих древних и современных народов существовал культ горы [Потапов 1946; Кызласов 1982]. На Алтае также были сделаны находки, которые свидетельствуют о древних корнях этого культа в регионе. Многие так называемые клады ценных вещей являлись подношениями или жертвами в рамках исполнения культа горы. В одном таком кладе с реки

Большой Яломан, относящемуся к раннему средневековью и состоящем из разных предметов материальной культуры, был найдены рога козули [Кочев 1999]. У раннесредневековых тюрков в роли родовой горы могла выступать «Отюкенская чернь» (горы Хангай в Монголии), хотя местонахождение и смысловая нагрузка этой местности остается дискуссионным вопросом [Дробышев 2008: 345-347].

С культом гор также связаны наскальные рисунки. В петроглифах, начиная с эпохи бронзы и до этнографической современности, большое распространение получили сюжеты охоты и отдельные изображения диких животных. Одним из наиболее распространенных образов в петроглифах стало изображение горного козла, встречаются и многие другие дикие животные – горные бараны, маралы, козули, реже кабаны и другие звери. Вполне вероятно, что эти изображения, как и находки в культурном слое у подножия скал с петроглифами, были связаны с промысловой магией, как это было зафиксировано на святилище в долине реки Кучерла [Молодин, Ефремова 2010].

Скорее всего, изображения диких животных на скальных плоскостях имели такое же магическое значение, что и фигурки козлов и маралов, которые лепили теленгиты из ячменной муки и расставляли в тайге с уверенностью, что Алтай их оживит [Потанов 2001: 135]. Подобные действия магии, основанные на том, что подобное порождает подобное исследователю Д.Д. Фрэзер [1980: 20] назвал гомеопатической или имитативной магией [Потанов 2001: 135]. Наноса изображения животных на скалу, древний человек верил, что это будет способствовать сохранению диких зверей в его охотничьих угодьях.

Так, мы видим, что охотничий промысел был связан с охотничьей магией. Вообще, у населения Алтая были весьма развитые представления о магии. Одним из таких примеров является, довольно часто упоминающиеся в письменных источниках «камни погоды» – *јада-таш*, которые тюрки использовали с целью изменения погоды [Дробышев 2008: 350]. Поверье о таких камнях сохранялось у алтайцев вплоть до недавнего времени [Яданова 2007].

В раннесредневековой книге, написанной тюркским руническим письмом и которая называется «Гадательная книга» или «Книга предзнаменований», содержатся текстовые миниатюры, связанные с охотой. В одной из них описывается ситуация, в которой охотник, поднявшись в горы, молился [Малов 1951: 86]. Этнограф Л.П. Потанов, считал, что в указанной миниатюре описывается традиционная молитва, которую совершали тюрки перед проведением охоты [Потанов 2001: 11, 12]. Традицию проведения обрядов перед охотой исследователь зафиксировал во время своих экспедиционных работ в Северном Алтае. По дороге на промысел охотники останавливались на перевалах и совершали кропление в сторону «наиболее выдающихся гор» [Потанов 1946]. Во время промысла алтайские охотники ежедневно приносили жертвы родовой горе: брызгали в ее сторону супом, чаем, бросали в сторону горы кусочки мяса. Судя по приведенным письменным сведениям, подобные обряды тюркские народы практиковали еще в эпоху раннего средневековья. Сам факт наличия охотничьих сюжетов в «миниатюрах» или «притчах» книги гаданий свидетельствует о немаловажном значении охоты в мировоззрении тюрков.

Из зубов и когтей диких животных и птиц изготавливались различного рода украшения – бусы, подвески к одежде и т.п. В древних и традиционных обществах такие украшения были связаны с магическими, религиозными и лечебными функциями, то есть выполняли функцию оберегов-охранителей [Трифанова 2006: 9]. Большое количество подвесок, найденных в древних памятниках, было изготовлено из клыков марала. А при раскопках тюркского могильника Кудырге найден целый зуб марала, лежавший в специальном мешочке [Гаврилова 1965: 37-38]. Скорее всего, те звери и птицы, из зубов и когтей которых выполнены украшения, имели особое значение в мировоззрении населения исследуемых периодов. Интересно, что в разрушенном погребении гунно-сарматского времени, найденном в долине реки Бугузун, подвеска из зуба марала трижды подновлялась – после того как изнашивалось одно отверстие для подвешивания, рядом просверливалось новое [Киреев, Штанакова, Моносов 2012: 88].

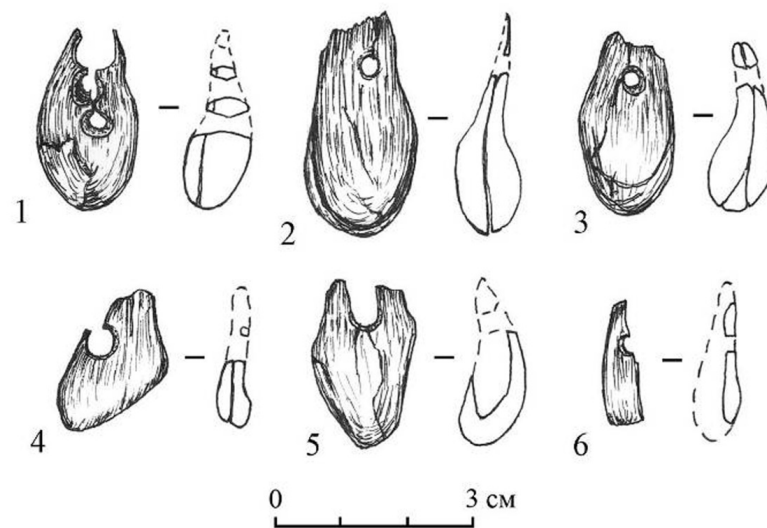
Кроме клыков марала в качестве подвесок использовались когти хищных зверей и птиц. Подвески из когтей медведя найдены в погребальных памятниках бронзового и раннего железного века. Такие находки в погребениях могут говорить о существовании особого отношения к идеологическому образу этого животного в рассматриваемый период, которое обобщенно принято называть как «культ медведя». Этот культ был широко распространен у многих народов, в том числе он зафиксирован в этнографическое время у тюркских народов Сибири [Потанов 1928; Дыренкова 1930]. Пособому относились к медведю южные алтайцы. Они использовали медвежий жир и кости в лечебных и гигиенических целях, а голову медведя после его умерщвления прятали в «малоприметном месте» [Дьяконова 2001: 66-67].

В этнографическое время у алтайцев в качестве оберега использовались лапы улара. Лапа этой птицы должна была обязательно подвешиваться к детской колыбели, также ими производился массаж при лечении маститов у женщин и дойных коров [Дьяконова 2001: 33].

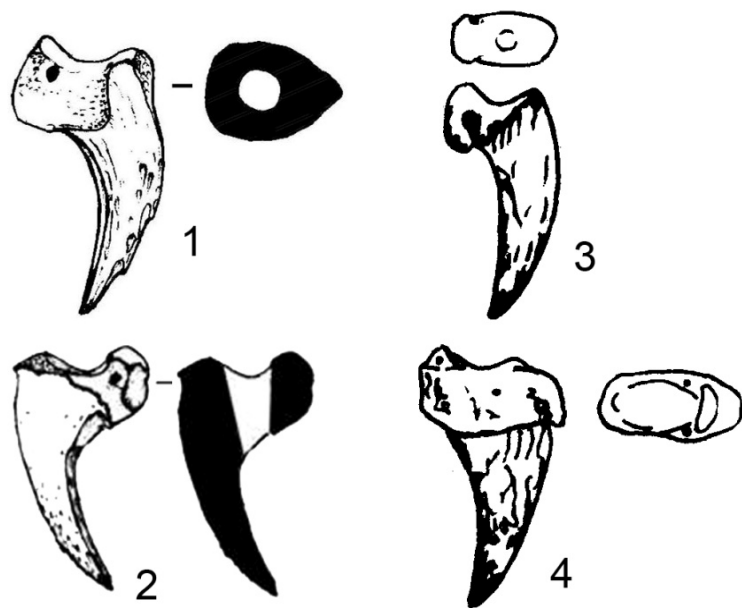
Одним из ярких проявлений культа медведя, являются связанные с этим животным ритуалы и поверья, зафиксированные в культуре дальневосточных народов. Так, у айнов существовал праздник медведя, на котором происходило ритуальное убийство выращенного в поселке медведя. Кровью убитого медведя мужчины мазали себя и свою одежду, чтобы на охоте им сопутствовала удача. В других случаях, чтобы мужество и другие положительные качества медведя перешли к ним, айнские мужчины пили его теплую кровь [Фрезер 1980: 563]. Все присутствующие на церемонии айны были обязаны отведать вареное медвежье мясо. Сахалинские айны после умерщвления медведя отрезали ему лапы и голову и сохраняли их как некие реликвии.

Обычай хранения части тела животного был распространен на Алтае в этнографическое время. Считалось, что местом обитания души зверя был нос и эту часть тела охотники часто отрезали и уносили домой, считая, что завладели его душой. Эти действия относятся к заразной магии [Потанов 2001: 134]. Вполне

вероятно, что когти медведя и хищных птиц, происходящие из древних археологических памятников, использовались в рамках приемов такой магии [Фрезер 1980: 20]. Некоторые североамериканские индейцы считают, что человек, употребляющий мясо оленя, перенимает («заражается») у этого зверя быстроту и смекалку, а тот, кто ест мясо неуклюжих медведей, кур, свиней и т.п., выглядит менее проворным и менее сообразительным [Фрезер 1980: 549]. Обладая амулетами из зубов и когтей определенных видов животных, человек надеялся (был уверен?), что он владеет качествами, присущими тому или иному виду животных. Приемом заразной магии можно назвать и причащение – один из главных христианских обрядов. При проведении причащения человек употребляет освященные священнослужителем хлеб и вино, символизирующие тело и кровь Иисуса Христа, и считается, что таким образом человек приобщает себя к богу.



Амулеты из когтей животных и птиц из археологических памятников
Алтая
[Киреев, Штанакова, Моносов 2010].



Подвески из зубов марала из долины реки Бугузун
[Глоба 1983; Чепишские городища 2011].

Итак, в рамках подготовки к охотничьему промыслу и в процессе охоты проводились различные религиозные обряды, многие из которых сохранились до современности.

Послесловие

Республика Алтай имеет богатые охотничьи ресурсы. Это объясняется низкой плотностью населения региона, но на наш взгляд, в большей степени связано с разнообразием ландшафтов. В горах Алтая на небольших участках совмещаются разные природные ниши, подходящие для различных видов зверей. Несмотря на разнообразие и богатство природного мира на сегодняшний день существуют проблемы с сохранением некоторых видов диких животных. Многие из них занесены в Красную книгу, создан целый ряд особо охраняемых природных территорий для сохранения природного разнообразия региона.

Изучая древние периоды истории Алтая, для нас становится очевидным, что деятельность по сохранению современной фауны Алтая действительно необходима. Можно привести перечень утрат, который понесла природа Алтая. Еще сравнительно недавно, около 150 лет назад в Чуйской котловине обитали антилопы оронго, сайга и дзерен. Во второй половине XIX века в Юго-Восточном Алтае встречался кулан, а судя по археологическим данным, около полутора тысячелетий назад кулан обитал в Северном Алтае по долине реки Катунь. Также во второй половине XIX века были полностью истреблены бобры. Существующая сейчас популяция была заселена человеком только в советское время. В XIX веке в предгорьях Алтая был встречен тигр. Надо полагать, что это был уссурийский тигр, ареал обитания которого, очевидно, был гораздо шире два-три столетия назад. Сравнительно недавно ареал обитания сибирского горного козла (*теке*) достигал территорию современного Чемальского района. Сейчас горные козлы встречаются только в южной части региона.

Впрочем, надо заметить, не во всех процессах стоит винить только деятельность человека. Некоторые изменения ареала обитания тех или иных видов диких животных можно объяснить естественными причинами – нерегулярными миграциями популяций зверей, которые происходят по не всегда понятным для нас причинам. К примеру, такая крупная миграция диких животных наблюдалась зоологами и местными охотниками в последние

несколько десятков лет, когда горы Алтая буквально наводнили тысячи кабанов, пришедших, по мнению ученых, с территории Тувы и Казахстана. Такие миграции напрямую не связаны с человеческой деятельностью.

Но, конечно, исчезновение многих видов животных или сокращение их численности можно объяснить только деятельностью человека. И это не всегда связано с охотой. Строительство маральников, изгороди которых становятся непреодолимой преградой на миграционных путях зверей, использование различных химикатов при производстве хозяйственных работ – вот эти факторы, которые негативно сказываются на жизни братьев наших меньших.

В этом плане можно многому поучиться у многих древних и традиционных обществ, которым присуще экологическое поведение по отношению к окружающей среде. Охотничьи традиции населения Алтая в этом плане очень показательны. По древним и средневековым историческим свидетельствам и археологическим данным мы знаем, что у населения Алтая с древности существовали строгие правила ведения охоты, которые нельзя было нарушать даже правителям. Запрещалось охотиться для развлечения, необходимо было брать только всю тушу, а не отдельные ее части. На древних поселениях находят кухонные отходы в виде фрагментов костей взрослых особей диких животных, кости молодняка среди пищевых отходов не попадают. Видимо молодняк пытались сохранить и его не добывали на охоте. Многие традиции, сложившиеся в глубокой древности, сохранились до современности. Охотники-алтайцы также не убивали на охоте самок, добывали только необходимый для пропитания объем мяса. Для алтайцев было характерно бережное отношение к охотничьим ресурсам, как и к другим природным ресурсам.

Все этапы традиционного охотничьего промысла были связаны с религиозными обрядами. В алтайском фольклоре дикие животные выступают как стада, принадлежащие к хозяину местности. В фольклорных произведениях описывается девушка, в образе которой представал хозяин местности, которая заботится

о диких животных, также как люди ухаживают за своими домашними животными. То есть по традиционным представлениям алтайцев, дикие животные имеют хозяина и если правила охоты будут нарушены, он может навлечь охотничью неудачу или более серьезное наказание на охотников. Для того чтобы расположить к себе хозяина местности охотники брали с собой на промысел старика-сказочника, который каждый вечер у костра рассказывал сказки. По мнению охотников, хозяин местности любил слушать сказки и они его таким образом задабривали. По окончании охоты старик получал равную долю добычи, хотя непосредственное участие в охоте он не принимал. Большое значение религиозного фактора в охотничьей деятельности способствовало соблюдению традиционных правил добычи диких животных. С древних эпох сохранились свидетельства охотничьих обрядов в виде комплексов наскальных рисунков, пещерных святилищ, кладов предметов, являвшихся дарами духу-хозяину местности.

Существовавшие запреты и жесткие правила охоты не мешали охоте быть важной частью системы жизнеобеспечения древнего и средневекового населения Горного Алтая. В древнейшие периоды истории человечества добыча мяса диких животных была одним из основных источников пропитания. В более позднее время, с развитием производящего хозяйства, мясо диких зверей, добытое на охоте, существенно пополняло пищевые запасы, а также вносило разнообразие в питательный рацион. Шкуры диких животных использовались при изготовлении одежды и других вещей. Из рогов и костей диких зверей производились различные предметы: украшения, орудия труда, предметы вооружения и быта, детали конского снаряжения.

Значение охоты у разных групп населения Алтая было различным и зависело от географического положения. Хозяйство коренного населения Северного Алтая, для которого характерны таежные природные условия, в большей степени было связано с охотой. Охотничий промысел здесь был более развит. На юге Алтая были более распространены формы охоты более характерные для степных территорий, до 1950-х гг. здесь практиковалась охота с

ловчими птицами, в то время как для северных алтайцев такой вид охоты был «экзотичен».

Охотаявлялась одним из «двигателей» технического прогресса. На протяжении всей человеческой истории шло постоянное развитие средств поражения диких животных. Благодаря техническим новшествам человечество смогло пережить целый ряд природных катаклизмов. Одним из самых сложных испытаний, выпадавших на судьбу человечества, стало последнее потепление климата, в результате которого произошло массовое вымирание плейстоценовой фауны, представленной крупными млекопитающими, например, такими как мамонт. После исчезновения привычных объектов охоты, нужно было приспособливаться к охоте на менее крупную и, соответственно, более подвижную добычу. Поэтому в этот период повсеместно распространяется лук, как основное охотничье орудие, и различные силки, и ловушки, механизм которых основан на принципе лука. Постепенно появлялись другие новшества. Весьма полезным открытием стало использование стрел с тупыми наконечниками, которые лишь глушили зверьков, но не пробивали шкурок, и качество меха из-за этого было более высоким.

Чтобы охота стала удачной, нужна была ее слаженная организация и общее управление. Поэтому с глубокой древности охота исполняла роль организующего фактора в развитии общественных отношений. Участвующие в охотничьем промысле коллективы имели довольно стройную организацию. Часто для общей координации всего процесса выбирался один лидер, управлявший всем процессом охоты. При этом его указания должны были выполняться беспрекословно. В центрально-азиатских степях большие охотничьи коллективы имели военную структуру, они разделялись на три части – левое и правое крыло и центр.

На охоте можно было проявить свои организаторские или боевые способности и добиться общественного признания. Охотничий подвиг рассматривался в качестве критерия для перевода юноши в ранг взрослого мужчины. В данном случае охота играла роль социального лифта. Всегда охота являлась излюбленным занятием аристократов. Своего рода первые заповедники появились

благодаря любви древних правителей к охоте. Они объявляли большие земельные пространства на подвластных территориях заповедными, охотиться в которых мог только сам правитель. Нарушение запрета жестоко каралось. На протяжении многих лет такие участки могли оставаться совершенно не тронутыми человеком, что благоприятно сказывалось на дикой природе.

На протяжении всей истории человечества охота была неразрывно связана с военной деятельностью. Возможно, первые военные события в истории были связаны с борьбой за охотничьи угодья разных человеческих коллективов. Война и охота были связаны из-за схожести методов и целей деятельности. И в бою и на охоте необходимо было поразить живую цель, поэтому охотничье оружие могло быть легко применено в бою. Охота имела значение для двух аспектов военной подготовки. Во-первых, на охоте отрабатывались большие тактические приемы и взаимодействие разных структурных элементов войска. Естественно, такие «военные учения» проходили при проведении больших облавных охот. Во-вторых, во время охотничьей деятельности воина оттачивали элементарные навыки ведения боевых действий, такие как стрельба из лука по движущимся объектам, преследование добычи на лошади и многое другое.

Древнее искусство населения Алтая в разные периоды, так или иначе, было связано с охотой. Образцы изобразительных материалов, найденных в пазырыкских курганах, позволили М.П. Грязнову написать: «такие изображения могли быть выполнены только теми, кто наблюдал изображаемых зверей на свободе, изучил их повадки». Пазырыкское искусство основывалось на зверином стиле, изображавшем разные сюжеты, в которых участвуют дикие животные. Сцены охоты – один из наиболее популярных сюжетов в наскальном искусстве Алтая. Самым распространенным образом в петроглифах стал горный козел. Горный козел был одним из излюбленных объектов охоты и символом плодородия. В эпоху тюркских каганатов тамга в виде горного козла использовалась в качестве символа правящей династии Ашина.

Список использованной литературы

Абдулганеев М.Т. Поселение Майма I и культурно-хронологическая атрибуция земледельческих поселений Горного Алтая // Древние поселения Алтая. – Барнаул: АлтГУ, 1998. – С. 165-171.

Азбелев П.П. К истории седельного декора // Древности Сибири и Центральной Азии. – Горно-Алтайск: ГАГУ, 2010. – №3 (15). – С. 75-91.

Антипина Е.Е. Археозоологические исследования: задачи, потенциальные возможности и реальные результаты // Новейшие археозоологические исследования в России: к столетию со дня рождения В.И. Цалкина. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – С. 7-33.

Археология, геология и палеогеография плейстоцена и голоцена Горного Алтая. Новосибирск, 1998. 176 с.

Асадов Ф.М. Арабские источники о тюрках в раннее средневековье. – Баку: Элм. 1993. – 204 с.

Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. – М.-Л.: АН СССР, 1950. – Ч. 1. – 382 с.

Бобров В.В., Васютин А.С., Васютин С.А. Восточный Алтай в эпоху Великого переселения народов (III-VII века). – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2003. – 224 с.

Борисенко А.Ю., Белинская К.Ы., Худяков Ю.С. Развитие охотничьих промыслов и оружия у тюркских этносов Южной Сибири под влиянием контактов с русскими в эпоху позднего средневековья и Новое время // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. – Горно-Алтайск: АКИН, 2008. – Вып.7. – С. 102-108.

Бородовский А.П. Древнее косторезное дело юга Западной Сибири (вторая половина II тыс. до н.э.- первая половина I тыс. н.э.). – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1997. – 224 с.

Бородовский А.П. Древний резной рог Южной Сибири. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2007б. – 180 с.

Вербицкий В.И. Алтайские инородцы. – М.: Товарищество скоропечатни А.А. Левенсон, 1893. – 270 с.

Владимиров В.Н. Хозяйство южных алтайцев в конце XVIII – первой половине XIX в. // Проблемы археологии и этнографии Южной Сибири. – Барнаул: АлтГУ, 1990. – С. 150-160.

Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. – М.-Л.: Наука, 1965. – 144 с.

Галахов В.П., Быков Н.И., Назаров А.Н., Останин О.В. Климатические изменения второй половины голоцена в горноледниковых долинах Центрального Алтая (по исследованиям в бассейне Актру) // Проблемы гляциогидроклиматологии Сибири и сопредельных территорий. – Томск: ТГУ, 2002. – С. 17-18.

Галахов В.П., Назаров А.Н., Ловацкая О.В., Агатова А.Р. Хронология теплого периода второй половины голоцена Юго-Восточного Алтая (по датированию ледниковых отложений). – Барнаул: Азбука, 2010. – 68 с.

Гальченко А.В. К вопросу о хозяйственной деятельности афанасьевских племен // Археологические и фольклорные источники по истории Горного Алтая. – Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1994. – С. 14-19.

Гальченко А.В., Шульга П.И. К вопросу об интерпретации костных остатков на материалах поселений раннего железного века Горного Алтая // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла. – Барнаул: БГПИ, 1992. – С.94-106.

Гальченко А.В. Фауна Нижнетыткескенской пещеры-1 и охотничье хозяйство древних племен Горного Алтая // Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Степанова Н.Ф. Археология Нижнетыткескенской пещеры-1 (Алтай). – Барнаул: АлтГУ, 1995. – С. 70-94.

Глоба Г.Д. Раскопки курганного могильника Белый Бом II // Археологические исследования в Горном Алтае в 1980-1982 годах. – Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1983. – С. 116-126.

Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. I. Оборонительное вооружение (доспех). – Барнаул: АлтГУ, 2003. — 174 с.

Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. II. Наступательное вооружение (оружие). – Барнаул: АлтГУ, 2006. — 232 с.

Грязнов М.П. Древнейшие памятники героического эпоса народов Южной Сибири // АСГЭ. – Л.: Государственный Эрмитаж, 1961. – Вып. 3. – С. 7-31.

Грязнов М.П. Первый пазырыкский курган. – Л.: Государственный Эрмитаж, 1950. – 100 с.

Гумилев Л.Н. Древние тюрки. – М.: Наука, 1967. – 504 с.

Гумилев Л.Н. Хунну. Срединная Азия в древние времена. – М.: Изд-во Восточной литературы, 1960. – 292 с.

Даржа В.К. Традиционные мужские занятия тувинцев. Хозяйство, рыболовство, охота. – Кызыл: Тувинское книжное издательство, 2008. – 592 с.

Деревянко А.П., Чевалков Л.М. Горный Алтай в эпоху палеолита и мезолита // История Республики Алтай – Горно-Алтайск: Институт Алтаистики им. С.С. Суразакова, 2002. – Т.1. – С. 57-85.

Деревянко А.П., Молодин В.И. Денисова пещера. – Новосибирск: Наука, 1994. – Ч. 1. – 262 с.

Дробышев Ю.И. Древние тюрки и окружающая среда // Этническая экология: народы и их культура. – М.: Старый Сад, 2008. – С. 329-362.

Дьяконова В.П. Алтайцы (Материалы по этнографии теленгитов Горного Алтая). – Горно-Алтайск: Юч-Сюмер, 2001. – 223 с.

Елин В.Н., Некрасов В.А. Граффити с изображением охотников у с. Усть-Кан // Археологические и фольклорные источники по истории Алтая. – Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1994. – С.116-122.

Еркинова Р.М., Кубарев Г.В. Граффити Бичикту-Бома (Из творческого наследия Г.И. Чорос-Гуркина) // Археология и этнография Алтая. – Горно-Алтайск: Институт Алтаистики им. С.С. Суразакова, 2004. – Вып. 2. – С. 88-97.

Ешелкин И.И. О наскальных изображениях некоторых животных в горах юго-восточного Алтая // Ученые записки ГАНИИИЯЛИ. – Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1974. – Вып. 11. – С. 63-78.

Жамбалова С.Г. Традиционная охота бурят. – Новосибирск: Наука, 1991. – 175 с.

Зыкин В.С., Зыкина В.С., Орлова Л.А. Стратиграфия и основные закономерности изменения природной среды и климата в плейстоцене и голоцене Западной Сибири // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000. – №1. – С. 3-22.

Кандаракова Е.П. Традиционные формы охоты на зверей и птиц у кумандинцев и челканцев. – Горно-Алтайск, 2007. – 136 с.

Киреев С.М., Ларин О.В. Разведки на поселении Усть-Куба // Древности Алтая. – Горно-Алтайск: ГАГУ, 2004. – № 12. – С. 53-58.

Киреев С.М., Штанакова Е.А., Моносов В.М. Украшения гунно-сарматского времени из Бугузуна (Горный Алтай) // Древности Сибири и Центральной Азии. – Горно-Алтайск: ГАГУ, 2012. №4(16). – С. 85-93.

Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю. Реконструкция некоторых аспектов хозяйственной деятельности населения поселения Тыткескень-2 // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. – Горно-Алтайск: АКИН, 2005. – Вып. 2. – С. 3-13

Киселёв С.В. Древняя история Южной Сибири. – М.: АН СССР, 1951. – 643 с.

Кляшторный С.Г. Проблемы ранней истории племени тюрк (ашина) // Новое в советской археологии. (МИА №130). – М., 1965. – С. 278-281.

Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи Евразии. – СПб.: Филол. ф-т СПбГУ, 2005. – 346 с.

Кляшторный С.Г., Кубарев Г.В. Тюркские рунические эпитафии из Чуйской степи (Юго-Восточный Алтай) // История и культура Востока Азии. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2002. – Т. 2. – С. 78-82.

Константинов Н.А. Отражение охотничьей деятельности населения Алтая в петроглифах тюркского времени // Древности Сибири и Центральной Азии. – Горно-Алтайск: ГАГУ, 2013а. – №5(17). – С. 118-136.

Константинов Н.А. Роль охоты в мясном потреблении населения Алтая в первой половине I тыс. н.э. // Межкультурный диалог на евразийском пространстве. Серия «Древности Сибири и Центральной Азии» №6(18). – Горно-Алтайск: ГАГУ, 2013в. – С. 96-104.

Константинов Н.А., Соенов В.И. Соколиная охота в Горном Алтае // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. – Улан-Батор: Монг. гос. ун-т, 2012. – Вып. 3. – Т. 2. – С. 374-381.

Конунова А.Н. Динамика населения и гнездования водоплавающих и околоводных птиц Улаганского плато (Восточный Алтай). Автореф. дисс. канд. биол. Наук – Новосибирск, 2009. – 23 с.

Кормушин И.В. Тюркские енисейские эпитафии: грамматика, текстология. – М.: Наука, 2008. – 348 с.

Косинцев П.А., Степанова Н.Ф. Фауна афанасьевского поселения Малый Дуган // Афанасьевский сборник. – Барнаул: Азбука, 2010. – С. 121-129.

Косинцев П.А. Фауна поселения Нижняя Соору // Ларин О.В. Афанасьевская культура Горного Алтая: могильник Сальдяр. – Барнаул: АлтГУ, 2005. – С. 160-167.

Кочеев В.А. «Клад» с верховьев реки Большой Яломан (Горный Алтай) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Барнаул: АлтГУ, 1999. – С. 175-177.

Кочеев В.А. Луки горно-алтайских курганов // Известия лаборатории археологии. – Горно-Алтайск: ГАГУ, 1997. – № 2. – С. 147-152.

Кочеев В.А. О костяных наконечниках стрел эпохи раннего железа

из курганов Горного Алтая // Проблемы истории Горного Алтая. – Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1987. – С. 55-59.

Кубарев В.Д. Курганы Уландрыка. – Новосибирск: Наука, 1987. – 302 с.

Кубарев В.Д. Древние изваяния Алтая (оленные камни). – Новосибирск: Наука, 1979. – 120 с.

Кубарев В.Д. Древнетюркские изваяния Алтая. – Новосибирск: Наука, 1984. – 230 с.

Кубарев В.Д. Палеоэкономика населения Монгольского Алтая (по петроглифам и этнографическим источникам) // Алтае-Саянская горная страна и соседние территории в древности. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2007а. – С. 275-285.

Кубарев В.Д. Петроглифы Калбак-Таша I (Российский Алтай). – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2011. – 444 с.

Кубарев В.Д. Сюжеты охоты и войны в древнетюркских петроглифах Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2001. – № 4 (8). – С. 95-107.

Кубарев В.Д. Традиционные приемы и объекты охоты по мотивам наскальных изображений Алтая // Древности Алтая. – Горно-Алтайск: ГАГУ, 2001. – №7. – С. 155-159.

Кубарев Г.В. Культура древних тюрок Алтая (по материалам погребальных памятников). – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2005а. – 400 с.

Кубарев Г.В. Раннесредневековые граффити Чуйской степи // Археология и этнография Алтая. – Горно-Алтайск: Институт Алтаистики им. С.С. Суразакова, 2004. – Вып. 2. – С. 75-84.

Кунгурова Н.Ю. Охота неолитических обитателей Катуня // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. – Горно-Алтайск: ГАГУ, 1997. – №2. – С.3-8.

Кушкумбаев А.К. Институт облавных охот и военное дело кочевников Центральной Азии. Сравнительно-историческое исследование. – Кокшетау: Колешек-2030, 2009. – 170 с.

Кызласов И.Л. Камень Дыроватый (символика пещерных святилищ и культовой стрельбы из лука) // Этнографическое обозрение. – 1999. – № 4. – С. 37-50.

Кызласов И.Л. Гора-прародительница в фольклоре хакасов // СЭ. – 1982. – № 2. – С. 83-92.

Кызласов И.Л. К уяснению исходных позиций изучения и сбережения писаниц // Человек, адаптация, культура. – Москва: ИА РАН, 2008. – С. 451-463.

Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. – М.-Л.: АН СССР, 1951. – 451 с.

Малолетко Л.М. Палеогеография // История Республики Алтай. – Горно-Алтайск: Институт Алтаистики им. С.С. Суразакова, 2002. – Т.1. – С. 13-57.

Маринин А.М., Самойлова Г.С. Физическая география Горного Алтая. – Барнаул: БГПИ, 1987. – 110 с.

Мартьянов А.И. Средневековые сцены охоты на плитах Бичиктубом // Военное дело и средневековая археология Центральной Азии. – Кемерово: КемГУ, 1995. – С. 178-185.

Массон В.М. Экономика и социальный строй древних обществ (в свете данных археологии). – Л.: Наука, 1976. 192 с.

Миклашевич Е.А. Петроглифы урочища Устю-Айры на Горном Алтае // Археология Южной Сибири. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2003. – С. 84-91.

Миклашевич Е.А. Рисунки на скалах у деревни Туэкта (Горный Алтай) // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. – Горно-Алтайск: АКИН, 2006. – Вып. 3, 4. – С. 219-235.

Модина Т.Д. Климаты Республики Алтай. – Новосибирск, 1997. – 186 с.

Молодин В.И. Горный Алтай в эпоху бронзы // История Республики Алтай – Горно-Алтайск: Институт Алтаистики им. С.С. Суразакова, 2002. – Т.1. – С. 97-142.

Молодин В.И., Ефремова Н.С. Грот Куйлю – культовый комплекс на реке Кучерле (Горный Алтай). – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2010. – 264 с.

Молчанова О.Т. Топонимический словарь Горного Алтая. – Горно-Алтайск: Горно-Алтайское отделение Алтайского книжного издательства, 1979. – 379 с.

Монин А.С., Шишков Ю.А. История климата. – Л.: Гидрометеоздат, 1979. – 406 с.

Оводов Н.Д. Промысловые млекопитающие палеолита Алтая // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири. – Барнаул: АлтГУ, 1988. – С. 31-34.

Полосьмак Н.В., Баркова Л.Л. Костюм и текстиль пазырыкцев Алтая (IV-III вв. до н.э.). – Новосибирск, 2005. – 232 с.

Потапов Л.П. Пережитки культа медведя у алтайских турок // Этнограф-исследователь. – 1928. – №2-3 – С. 15–28.

Потапов Л.П. Култ гор на Алтае // СЭ. – 1946. – № 2. – С. 145–160.

Потапов Л.П. Очерки по истории алтайцев. – М.; Л.: АН СССР, 1953. – 444 с.

Потапов Л.П. Охотничий промысел у алтайцев (отражение древнетюркской культуры в традиционном охотничьем промысле алтайцев). – СПб.: МАЭ РАН, 2001. – 167 с.

Природная среда и человек в палеолите Горного Алтая. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2003. – 448 с.

Радлов В.В. Из Сибири: страницы дневника. – М.: Наука, 1989. – 749 с.

Романова Е.Е. Охотничий промысел на Алтае в 20-е годы (по материалам архивного фонда Ойратского областного кооперативно-промыслового союза) // Звезда Алтая. – 2012. – № 143-146. – С. 4.

Руденко С.И. Горно-алтайские находки и скифы. – М., Л.: АН СССР, 1952. – 268 с.

Руденко С.И., Глухов А.Н. Могильник Кудыргэ на Алтае // МЭ. – 1927. – Т. III. – Вып. 2. – С. 37-52.

Савинов Д.Г. О «скифском» и «хуннском» пластах в формировании древнетюркского культурного комплекса // Вопросы археологии Казахстана. Вып. 2. Алматы-М.: 1998. С. 130-141.

Савинов Д.Г. Парадные сёдла с геральдическими изображениями животных // Археология Южной Сибири. – Кемерово: КемГУ, 2005. – Вып. 23. – С. 19-24.

Садовой А.Н., Онищенко С.С. К проблеме реконструкции традиционных систем жизнеобеспечения населения Восточного Алтая предтюркского времени // Бобров В.В., Васютин А.С., Васютин С.А. Восточный Алтай в эпоху Великого переселения народов (III-VII вв.). – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН. – С. 209-220.

Самаев Г.П. Горный Алтай в XVII – середине XIX в.: проблемы политической истории и присоединения к России. – Горно-Алтайск: Горно-Алтайское отделение Алтайского книжного издательства, 1991. – 256 с.

Сатлаев Ф.А. Кумандинцы. Историко-этнографический очерк. – Горно-Алтайск: Алтайское книжное изд-во, 1974. – 200 с.

Симаков Г.Н. Соколиная охота и культ хищных птиц в Средней Азии (ритуальный и практический аспекты). – СПб: Петербургское востоковедение, 1998. – 320 с.

Собанский Г.Г. Промысловые звери Горного Алтая. – Новосибирск: Наука, 1988 – 160 с.

Собанский Г.Г. Копытные Горного Алтая. – Новосибирск: Наука, 1992. – 257 с.

Собанский Г.Г. Звери Алтая. Крупные хищники и копытные. – Барнаул: ГИПП «Алтай», 2005. – 372 с.

Соенов В.И. Земледелие на Алтае в древности и средневековье // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. – Барнаул: АлтГУ, 2003б. – С. 169-172.

Соенов В.И., Эбель А.В. Курганы гунно-сарматской эпохи на Верхней Катуня. – Горно-Алтайск: ГАГПИ, 1992. – 116 с.

Соенов В.И., Суханов Г.П. Плита из Ини // Древности Алтая. – Горно-Алтайск: ГАГУ, 2001. – № 6. – С. 138-141.

Чепошские городища. – Горно-Алтайск: ГАГУ, 2011. – 228 с.

Стратегикон Маврикия. – СПб.: Аллетея, 2004. – 256 с.

Суразаков А.С. Горный Алтай в конце I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. // История Республики Алтай. – Горно-Алтайск: Институт Алтаистики им. С.С. Суразакова, 2002б. – Т.1. – С. 177-184.

Суразаков А.С. Горный Алтай в эпоху средневековья // История Республики Алтай. – Горно-Алтайск: Институт Алтаистики им. С.С. Суразакова, 2002в. – Т.1. – С. 185-222.

Сушкин П.П. Птицы Советского Алтая и прилежащих частей Северо-Западной Монголии. – М.: АН СССР, 1938а. – Т.1. – 360 с.

Сушкин П.П. Птицы Советского Алтая и прилежащих частей Северо-Западной Монголии. – М.: АН СССР, 1938б. – Т.2. – 435 с.

Тишкин А.А. Характеристика основного направления хозяйственной деятельности населения раннескифского времени Горного Алтая // Актуальные проблемы сибирской археологии. – Барнаул: АлтГУ, 1996. – С. 57-61.

Трифанова С.В. Украшения населения Саяно-Алтая гунно-сарматской эпохи: автореф. дисс. канд. ист. наук. – Горно-Алтайск, 2006. – 22 с.

Тыбыкова Л.Н., Невская И.А., Эрдал М. Каталог древнетюркских

рунических памятников Горного Алтая. – Горно-Алтайск: Горно-Алтайское книжное издательство, 2012. – 152 с. – илл.

Феномен алтайских мумий. – Новосибирск: ИАЭТ, 2000. – 320 с.

Фролова И.Д. Экологическое поведение алтайцев при использовании пищевых ресурсов дикой природы // Известия Алтайского государственного университета. – 2009. – № 4/3(64). – С. 233-235.

Фрэзер Д.Д. Золотая ветвь. Исследование магии и религии. – М.: Политиздат, 1980. – 832 с.

Худяков Ю.С. О символике стрел древних и средневековых кочевников Центральной Азии // Этнографическое обозрение. – 2004. – № 1. – С. 102-111.

Черемисин Д.В. Результаты новейших исследований петроглифов древнетюркской эпохи на юго-востоке Российского Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2004. – № 1(17). – С. 39-50.

Шульга П.И. О хозяйстве афанасьевцев Горного Алтая // Афанасьевский сборник 2. – Барнаул: Азбука, 2012. – С. 204-209.

Шульга П.И. Хозяйство племен Горного Алтая в раннем железном веке // Археологические и фольклорные источники по истории Алтая. – Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1994. – С. 48-60.

Шульга П.И. Скотоводы Горного Алтая в скифское время (по материалам поселений). – Новосибирск: НГУ, 2015. – 336 с.

Яданова К.В. О камне погоды – *јада таиш* // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. – Горно-Алтайск: АКИН, 2007. – Вып. 5. – С. 168-174.

Ядринцев Н.М. Сибирские инородцы, их быт и современное положение: Этнографическое и статистическое исследование. – СПб.: Изд. И. М. Сибирякова, 1891. – 308 с.

Dyrenkova N.P. Bear worship among Turkish tribes of Siberia // Proceedings of the 23rd International Congress of Americanists, 1928. – New York, 1930. – P. 411-440.

Охотничьи топонимы Алтая по материалам Топонимического словаря Горного Алтая [Молчанова 1979]

Река, долина *Айа-Аткан*, гора *Айа-Тарткан* – самострел стрелял, самострел натянул;

озеро *Айу-Кӧль*, река *Айулу*, гора *Айю-Кыр*, река *Айу-Кечес*, лог *Айу-Манаг*, река, скала *Айу-Тарткы* и др. – медвежье озеро, имеющая медведя, медвежья гора, медведь не пройдет в брод, медвежья охота, медвежий самострел;

лог *Акуна* – белая высокогорная куропатка;

озеро *Ан-Кӧл*, озеро *Ан-Түшкен*, река *Ан-Чан* – звериное озеро, зверь утонул или спускался, звериный детеныш (марала или косули) или звериный склон;

река *Ангырлу* – имеющая уток;

гора *Бабырган* – летяга;

река *Баксырга* – лосиная река;

урочище *Беш-Элик* – пять косуль;

озеро *Буланду-Кӧл*, лог *Булан-Кобы* – лосиное озеро, лосиный лог;

река *Горо-Суу* – охотничья река;

река *Жаан-Айу-Кечер* – большая медвежья переправа;

Жанчик-Түшкен – охотничью сумку потерял;

река *Жеекен* – россомаха; река и гора *Жунмалу* – имеющая самку горного козла;

ст. *Каан-Кујурт* – ханский солонец;

гора *Калбаш-Бажи* – вершина как охотничья лопатка или гора с охотничьей лопаткой;

гора, урочище *Каптырга* – кожаный мешочек для пуль, сумка дорожная;

долина *Каракула-Жуулган* – львы собрались;

река *Кичик-Сору* – маленький солончак или солонец;

река, гора, долина *Кыштү* – имеющая соболей;

ручей, лог *Койонок* – зайчик;

долина *Кочкор*, *Кошкор*, гора *Кочкорок* – баран, маленький дикий баран;

река, село *Кулады* – большая птица, мясо и жир которой употребляют в пищу;

реки *Куран*, *Куранду* – самец косули, имеющая самцов косули;

река *Кушкулу* – колонок;

река *Күлбүш-Өзөк* – река дикого козла (самца);

озеро *Кындагайты* – имеющее лосей (монг.);

лог *Манакай* – засада;

гора *Мана-Кужур* – сторожевое солончаковое место;

река, село *Ороктой (Орыкту-Ой)*;

гора *Сарас-Кыр* – колонок-гора или колонковая гора;

гора, лог *Саратак* – однолетний марал, мараленок;

река и гора *Сыгыны*, урочище *Сыгын-Туу*, лог, ущелье *Сыгын-Мүүс*, урочище *Сыгын-Мүүзи* и др. – марал, Марал-гора, имеющий маралов, рога марала; мыс *Сарыкту* – дикий козел двухлеток;

река, гора, урочище *Тарбаан*, ручей, лог *Тарбаан-Жат*, гора *Тарбаанду*, лог *Тарбаганду-Кобы* и др. – сурок, сурок живет, обитает, лог, гора с сурками;

лог, гора, река *Текелү* – имеющая козлов;

лог *Текелү-Кобы*, урочище *Текелү-Чу* – лог с козлами, река с козлами;

гора *Тес-Каиш* – засека для ловли зверей (маралов, косуль, оленей);

река *Тийн-Келди* – белка пришла;

Тузак – силоч, петля для ловли птиц, зверьков;

Түлкү, *Түлкүлү* – лисий, лисий лог;

Уйа-Коль, *Уйалу* – озеро, лог с логовом берлогой, гнездом;

урочище *Улары (Улару)* – куропатка;

урочища *Чай-Ойын* – глухарина игра (ток);

Чайлу-Таиш – сопка или гора с глухарями;

лог *Чергей* – ловушка на мелких пушных зверьков;

лог *Черенду* – с косулями;

Чочко-Туу, *Чочко-Кобызы* – свиная гора, свиной лог;

Чунмак-Орой – вершина горного козла;

название села *Эликманар* – огораживать косуль;

название реки, ручья, лога *Эликту* – имеющий косуль.

Сетевое электронное
научно-популярное издание

Эбель А.В., Константинов Н.А.
Воины и охотники Горного Алтая в древности и средневековье

Компьютерная верстка Белеков Э.В.

ISBN 978-5-903693-69-6



9 785903 693696